

18+

350 лет

современной моды,
или Социальная история
одного обыденного явления

Катерина Михалева-Эгер

Катерина Михалева-Эгер

**350 лет современной моды, или
Социальная история одного
обыденного явления**

«Издательские решения»

Михалева-Эгер К.

350 лет современной моды, или Социальная история одного
обыденного явления / К. Михалева-Эгер — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-594484-9

Книга авторитетного эксперта моды К. Михалевой-Эгер радикально меняет представления о моде как о банальной смене фасонов. Ведь это первое целостное изложение истории моды как особого явления цивилизации Запада, вплетенное в ее хронику от ветхозаветных истоков до нейробиологических открытий XXI в. Автор обращается и к альтернативным путям развития моды, в том числе японскому опыту создания национальной модной индустрии, подводя к выводу: социальный институт моды органичен самой природе человека.

ISBN 978-5-00-594484-9

© Михалева-Эгер К.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
От автора	7
Часть I	9
Введение	10
Глава 1	16
Главная ткань моды	17
Легенда шелка	20
Передвижение европейских центров производства шелка	22
Шелк – основа технологических и социальных инноваций	24
Жозеф Мари Жаккар и кибернетика шелка	27
Глава 2	32
Самые немодные люди Запада	34
Евреи Средневековья – первые посредники между Востоком и Западом	38
Изгнание и рассеяние	39
Евреи – купцы	41
Евреи – первые банкиры Запада	44
Евреи – ткачи и шелководы	48
Евреи – красильщики	51
Старьевщик, портной, кутюрье	53
Глава 3	63
На развалинах Рима	64
Рыцарство – элита Средневековья	67
Общество войны и обычая	72
Общество голода и чумы	76
Общество без времени и коммуникаций	79
Основа гардероба средневекового человека	83
Главный вопрос	86
Конкуренция церковной и светской власти	87
Города – мосты в Высокое Средневековье	90
Ремесленники: средневековая корпоративная система	101
Средневековые технологии ткачества и шитья	112
Средневековая торговля: первые купцы	116
Понятие роскоши	123
Флоренция, Джованни Виллани и цех Калимала	126
Конец ознакомительного фрагмента.	135

350 лет современной моды, или Социальная история одного обыденного явления

Катерина Михалева-Эгер

© Катерина Михалева-Эгер, 2025

ISBN 978-5-0059-4484-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Многие люди способствовали появлению на свет этой книги. Хочу выразить сердечную благодарность тем, кто фактически работал над нею вместе со мной:

Первому вдохновителю и редактору Э. Б. Селезневой.

Научным консультантам и редакторам д. соц. н., профессору Н. Л. Поляковой, заслуженному деятелю науки РФ, д.ф.н., профессору Ю. А. Кимелеву.

Первому читателю и консультирующему редактору Е. А. Тимашевой.

Литературному и техническому редактору А. И. Кашпарову.

Иллюстратору, члену Союза художников РФ М. И. Слостениной.

Дизайнеру обложки К. Шильденко.

Моему верному партнеру и читателю, отвечавшему абсолютно за все, что выходило за пределы литературного творчества, поддерживавшему меня многие годы, – А. М. Эгеру.

А также всем выдающимся людям – писателям, философам, живописцам, изобретателям, политикам, модельерам, бизнесменам, авторам идей и трудов, использованных в этой книге, вдохновляющим героям истории и всем моим будущим читателям с благодарностью *посвящаю эту книгу*.

От автора

Мода – мое окно в мир

Прозрение будет даровано нам, если мы будем терпимы к прошлому, научимся чувствовать смешное и трагическое в каждой эпохе, в ее моде, нравах, в реализации... ее творческих сил, в одежде, песнях, жаргоне, танцах и живописи, – словом, во всём, из чего в итоге состоит история.

Сесил Битон, «Зеркало моды»

В этой книге вы не найдете традиционный пересказ формальной истории стилей в костюме или рассказы о модельерах. Мой герой – современная мода – система регулярной цикличной смены актуального костюма, подчиненная формализованным организациям и социальным практикам, заданным волевым образом. Среди таких организаций и практик – Недели моды, профессиональные объединения кутюрье и модельеров и др. Эта книга об истоках и истории рождения такой системы в рамках западной цивилизации, а также историях людей и событиях, способствовавших ее возникновению напрямую или косвенно.

В своей работе я последовала за своим любопытством и попыталась разобраться в том, когда и как родилась современная система моды и почему именно в рамках цивилизации Запада она смогла заменить традиционный костюм, обрела современную организационную форму; как разрослась до колоссальных размеров, захватила мир, вобрав в себя и подчинив национальные обычаи в одежде на всех континентах; и как сразу после своего восхитительного расцвета XIX—XX вв., уже в нашем XXI в. она погрузилась в очевидный кризис, отражая в себе, словно в зеркале, кризис всех устаревших структур западного мира.

Задавшись этими вопросами, я посмотрела на мир и его историю всего через одно окно из множества возможных – через окно под именем Мода. И в это окно я увидела караваны евреев-раданитов, бредущих по Шелковому пути, латы средневековых рыцарей, мастерство сицилийских ткачей, борьбу римского папы и императора Священной Римской империи, поэзию флорентийских философов, приключения испанских пиратов, великолепие Поля Золотой Парчи, коллекцию живописи Мазарини и строгие линии Версальского парка, дамские салоны Парижа и элегантность слога Бальзака, быющую через край роскошь дворцов Вандербильтов и кодекс чести японских самураев. Оказалось, что без всего этого настоящей истории моды быть не может, а будет лишь еще одна история про смену длин платья, тканей и фасонов брюк. Но мода – это прежде всего идея и только потом – созданная этой идеей вещь. А любая идея, соединенная с эстетической эмоцией, выраженной в материальной культуре, становится более сильной и глубокой. Поэтому моя история моды неразрывно связана с мировоззрением и идеями цивилизации Запада, поиском ее отличий от других цивилизаций, в которых современная мода появилась только в результате глобализации XX в., а до этого применительно к ним можно говорить лишь об истории и искусстве традиционных национальных костюмов. Надеюсь, эти истории развлекут и вас.

И последнее замечание перед нашим путешествием от истоков к расцвету и, возможно, смерти или кардинальным трансформациям современной моды. Мода – это связующее звено между повседневностью и высокой культурой, между обыденностью и эстетическими благами цивилизации. Жизнь без структурирующего ее искусства оставляет нас в замешательстве, а осмысленное эстетическое переживание приводит наши знания и чувства в гармоническое соответствие, позволяя увереннее ориентироваться в окружающем хаосе. Если понять моду, разобраться в ней, не упрекая себя в симпатии к слишком легкомысленному предмету, то она станет постоянным источником удовольствия и вдохновения. Вдумчивый эстетский взгляд

на обыденные вещи делает жизнь богаче и насыщеннее. Поэтому будем относиться к моде со всей серьезностью, постараемся применять к ней, как это принято у ученых, отстраненные оценочные суждения, рассматривать ее с социальной и политической точки зрения. Тогда мода, со всей ее глубиной и сложностью, откроется нам, и мы полюбим ее не только сердцем, но и умом.

Часть I

Введение

Замысел книги и предмет исследования

*Живой предмет желяя изучить,
Чтоб ясное о нём познание получить,
Учёный прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!*
Гёте, «Фауст» (Пер. Б. Пастернака)

Дизайн платья, мебели, дома, комнаты и улицы – один и тот же процесс.
Джанфранко Ферре

Мода часто предстает в нашем воображении в виде сундука с сокровищами или шикарного гардероба богатой дамы, набитого платьями, сумочками и туфельками всех фасонов. Но с точки зрения своего поведения и развития мода – скорее вирус, однажды поразивший Запад, а теперь и всё человечество. Вирус, находящийся в вечном движении, изменяющий нас и внешне, и внутренне, требующий всё больше ресурсов и «носителей», мутирующий со всё большей скоростью.

Как и вирус, мода, однажды появившись в популяции, всегда стремилась к максимальному захвату территории. Противостояли ей бедность, скудость технологий и ресурсов, войны, эпидемии, обычаи, сумптуарные законы, религиозные, классовые и гендерные ограничения. Но вместе с цивилизацией Запада к XXI в. она преодолела все эти преграды и захватит не только общество, ее породившее, но и весь мир, а затем впадет в жесточайший кризис перепроизводства, размывания организующих ее структур, угасания социальной значимости ее маркеров.

Замысел этой книги состоит в том, чтобы, во-первых, проследить общественную историю этой «эпидемии», историю обыденного и знакомого всем, но одновременно неоднозначного и текучего явления – моды. Во-вторых, сделать это исследование максимально интересным широкому кругу читателей, оставаясь при этом в рамках научного подхода. Возьмем за ориентир слова художественного критика *New York Times* Холланда Коттера (р. 1947): «Если вы вознамерились относиться к моде как к искусству, то и обращайтесь с ней, как с искусством, – применяйте к ней отстраненные оценочные суждения, в том числе судите о ней с социальной и политической точки зрения, как принято среди ученых судить об искусстве»¹.

Первым препятствием на пути к этой благородной цели представляется сам предмет исследования – мода, которая до сих пор не имеет четкого, однозначно принимаемого всеми определения, подходящего к ее бытованию во все времена и в любой части света.

Существует довольно обширный корпус исследований моды в области социологии, культурологии, искусствоведения, исследований по истории костюма и пр. Однако парадокс состоит в том, что до сих пор нет единства ни в самой среде ученых, ни в массовых представлениях относительно сущности этого явления. Более того, наблюдается большая путаница в понятиях моды, костюма, традиции и обычая в гардеробе, а также в том, на какие исторические явления следует распространить это понятие. Так, принято говорить о моде не только

¹ Cottler H. Designer as Dramatist, and the Tales He Left behind // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2011/05/07/arts/design/alexander-mcqueen-show-at-the-met-review.html> (Дата публикации: 07.05.2011).

в костюме и в образе человека в целом, но и в других сферах жизни и потребления – мебели, архитектуре, путешествиях, музыке, или даже в еще более широких социальных явлениях – образовании, литературе, культуре, видах брака, религии.

Само понятие «мода» по своему лингвистическому происхождению никак не связано с одеждой. Французское *mode*, как и итальянское *moda*, образовано от латинского *modus*, что означает меру, способ, правило, предписание, т.е. нечто устойчивое.

Но существует также французское слово *vogue*, появившееся во Франции, по некоторым данным, около 1500-х гг., которое происходит от староитальянского средневекового слова *voga*, изначально означающего греблю, удар вёслами, т.е. то, что приводило судно того времени в движение. Позже *vogue* стало обозначать не только ход судна, но и ежегодную сельскую ярмарку, праздник, а *voga* и *vogue* – популярность и, наконец, моду.

Если сложить всё это вместе, то получается, что у моды два значения: во-первых, это некое правило, а с другой стороны, это поступательное движение во времени и пространстве, имеющее позитивную коннотацию – «праздник», связанное с торговлей и притягивающее внимание – «популярность». То есть, если судить по лингвистическим данным, мода – это **некое правило, изменяющееся во времени и несущее праздник своей переменой**.

Мода исследовалась и исследуется т.н. серьезной наукой, однако при первой же попытке найти формальное определение этого явления или самостоятельно формализовать его, оно буквально расплывается, рассыпается, будто тонкая шелковая ткань в слишком грубых руках, либо становится чем-то отвлеченным от реалий жизни. Вероятно, именно поэтому, не имея ясного предмета, часто исследования моды либо деградируют до примитивного изложения истории изменений в костюме, либо превращаются в нечто наукообразное, мало связанное с прагматикой реальной жизни и поэтому малопонятное и неинтересное широкой публике.

Так как же исследовать историю рождения и жизни того, что не имеет четких границ, того, что текуче, неопределённо, нецелостно, немонолитно, неоднозначно? Говорить о таких понятиях в достаточной степени «научно» для большинства ученых, вероятно, будет дурным тоном. С какой точки зрения мы будем рассматривать историю моды, искать дату и место ее рождения, анализировать ее развитие и разбираться в ее трансформациях, организационных структурах и функциях? Попробуем начать с обратной стороны и посмотреть, чем стала мода к XXI в.

Возьмем самое распространенное словоупотребление понятия «мода». При всей его современной многозначности ядром его продолжает оставаться **сфера одежды в широком смысле этого слова**, т.е. костюма, аксессуаров, прически, способов украшения тела. По сути, это некий целостный образ человека, сегодня использующий даже возможности пластической хирургии. Можно было бы назвать эту сферу наукообразно – **трансформируемая часть образа человека**, однако у меня есть убеждение, что после такого определения большинство людей просто отложит книгу в сторону. Мы назовем всю эту совокупность просто одеждой или костюмом, тем более что большую часть истории моды ее сфера ограничивалась именно этим. Поэтому самой простой можно назвать следующую дефиницию. Мода – **определенное увлечение в одежде**, распространившееся в обществе на некоторый срок. С одеждой связано и второе определение, более узкое и «экономическое», если угодно. Мода – **профессиональная система** в области производства, распространения и потребления одежды. Кроме того, современная мода – это **глобальная индустрия** производства и продажи одежды. Следует также указать на то, что мода создается не только в рамках профессиональных организаций и практик, но и тем, что называется «улицей», а в XXI в. – социальными сетями. То есть мода – это **тенденции в сфере потребления** тех или иных предметов, прежде всего одежды.

Но мода всё же более широкое понятие, нежели только тенденция в одежде или организация ее производства, продажи и потребления. Мода распространилась на всё предметное

окружение человека – оформление интерьеров и витрин магазинов, дизайн бытовых приборов и организацию массовых праздников, индустрию развлечений и способы общения.

Возьмем устойчивое словосочетание «мода в чём-то», – например «мода в архитектуре», «мода в путешествиях». Здесь «мода» используется как некий достаточно поверхностный тренд в каком-то явлении. Очевидно содержательное противостояние «моды в архитектуре» и, например, академического «стиля в архитектуре». За архитектурным стилем стоит философия, глубинная связь с общественными ценностями эпохи, в то время как за «модой в архитектуре» – легкие привязанности, тенденции в потреблении, упрощенно определяющие популярность тех или иных стилей. Тем не менее мода в архитектуре и стиль в архитектуре чаще всего образуют некое единство.

Или другое стандартное словосочетание: «мода на что-то», характеризующее массовое сиюминутное увлечение. Например, мода на спиннеры – странное повальное пристрастие к бессмысленным техническим приспособлениям, которые каждый второй москвич крутил между большим и указательным пальцем руки в 2017 г. Из этой же серии мода на очки – удивительное нерациональное желание носить очки в Испании Золотого века, никак не связанное с их необходимостью и качеством зрения². В этих случаях речь идет уже даже не о поверхностных тенденциях в существенных для общества социальных явлениях. Это, по сути, вообще бессмыслица, однако она по каким-то причинам происходит с людьми, охватывая их, словно психическая пандемия, и называясь именно модой. Будто само слово «мода» удивительным, непостижимым образом объясняет эти тренды, не давая объяснения при этом самой себе. Но, если это так, то, как написал японский писатель и марафонец в книге «О чём я говорю, когда говорю о беге», размышляя о смысле увлечения бегом: *«именно то, что кажется нам бесцельным и безрезультатным, вполне возможно, вовсе не является таковым»*³. То есть, поняв сущность моды в процессе исследования, мы найдем какой-то смысл и этих иррациональных «мод».

Многообразие и широта употребления понятия «мода» – от обозначения многомиллиардной мировой индустрии до массового потребления бессмысленных предметов, не имеющих ни практической, ни статусной ценности, – вызывает некоторое смущение и путаницу не только в бытовом его использовании, но также и в профессиональной литературе, и в научных исследованиях. И всё же следует отметить, что у всех этих словоупотреблений есть нечто интуитивно общее.

Попытки создать риторические формулы и общие определения, претендующие на то, чтобы объять и объяснить понятие «мода» во всём его подвижном многообразии, натываются на искусственное ограничение этого многозначного, разнородного, меняющегося от эпохи к эпохе социального явления. Либо, напротив, создают массу «научных» определений, совершенно оторванных от его массового восприятия. Особый отпечаток на категоризацию определения накладывает род занятий ученого.

Если читатель готов погрузиться в разнообразие дефиниций, существующих в различных сферах науки и литературы, то в *Приложении №1* я привожу **краткий обзор определений моды**. Здесь же попробуем преодолеть этот разрыв и создать какой-то удобоваримый синтез для работы. Возможно, для данного исследования мы должны иметь не жесткое определение, а широкую концепцию интересующего нас явления. Иначе мы либо уйдем в «кабинетный» стиль, либо просто расплывемся в многочисленных «расширениях» и уточнениях, превратив социальную историю моды в «историю всего». Но возможен ли такой синтез, и на каких условиях? Я предлагаю обратиться к массовому бытовому восприятию этого слова, которое мы попытаемся превратить в функциональную, в меру научную концепцию. Попробую концеп-

² Об этом явлении мы подробнее поговорим в главе об Испании.

³ Мураками Х. О чём я говорю, когда говорю о беге. М.: Эксмо, 2022. 256 с.

туализировать моду вне каких-либо узких научных дисциплин, а как явление, каковым оно представляется в реальной общественной жизни, а не в узкопрофессиональных трудах.

Во-первых, рассуждая здраво, для абсолютного большинства людей мода и одежда – понятия практически тождественные. Социолог скажет, что это неверно, и будет прав. И тем не менее для широкой публики мода – это одежда. Никто и никогда, отвечая на вопрос «Что такое мода?», не скажет, что это архитектура или автомобилестроение, хотя и то и другое может соответствовать моде или быть старомодным. Люди практически всегда скажут, что это одежда. Игнорировать этот факт нерационально, бессмысленно и контрпродуктивно, т.к. любые попытки академической науки развести эти понятия в разные сегменты приводят только к тому, что широкая публика, да и профессионалы, работающие в индустрии моды, теряют интерес к подобным исследованиям, что делает последние «кабинетными» и социально неэффективными.

Итак, попробуем порассуждать, не делая пока концептуальных заявлений, а просто пользуясь здравой логикой. Как я уже отметила, в массовом сознании мода и одежда – суть понятия тождественные. Хотя сама по себе одежда может быть как модной, так и вышедшей из моды, а также быть, например, униформой государственного служащего или традиционным национальным костюмом, которые, очевидно, находятся вне моды. Здесь и становится очевидным второе: мода – это нечто временное, сама ее ценность ограничена определенным сроком. Но временность эта не связана с физическим устареванием, ведь любые предметы одежды, будь то костюм английского полицейского или традиционное индийское сари, ветшают, хотя это не означает, что они вышли из моды, потому что модными они и не были. *Модность – это социальный, а не физический факт.*

Как мы узнаём, что нечто перестает быть модным? В отношении одежды сформировалась целая организационно-информационная индустрия, сообщающая потребителям о том, что стало модным, а что уже вышло из моды. Эту индустрию преимущественно можно считать формализованной (например, Недели моды), однако есть и неформальные признаки «модности» (например, цитируемость в социальных сетях). Мы не будем сейчас углубляться в эту тему, только отметим, что общество так или иначе регулирует срок, в течение которого мода остается актуальной.

Соответственно, мода противоположна понятиям традиции или обычая в костюме, исторически сложившимся анонимно, в результате накопленного опыта системы норм, представлений, правил и образцов, которые передаются из поколения в поколение и выступают одним из регуляторов общественных отношений, в нашем случае – норм в костюме. По мнению Энтони Гидденса⁴, современное значение традиции развивалось в эпоху Просвещения, в противовес современности и прогрессу. Фактор временности и актуальности, присущий моде, соотносится с понятием «современность». Мода – процесс постоянного устаревания и смены актуального на более современное, и затем – вновь устаревания. Как выразился гений моды, кутюрье Джон Гальяно (р. 1960), «мода прежде всего является искусством изменений». Отбросим до некоторого времени «психологические концепции» моды, согласно которым склонность к новизне и современности есть нечто, *природно* присущее человеку. С точки зрения современных данных нейробиологии, у человека нет природной тяги к новизне. Более того, новизна – источник сильнейшего стресса для «биологического человека», и только мощные социальные механизмы и необходимость заставляют «человека социального» следовать ей. Новизна не может быть базовым «природным» источником и механизмом моды, именно поэтому мы не находим моду ни в каких традиционных обществах, а лишь в западной цивилизации Нового времени. Современность – фундаментальная ценность моды. Однако положительная оценка этого качества вплоть до начала эпохи глобализации была свойственна исключительно запад-

⁴ Барон Энтони Гидденс (род. 1938) – английский социолог.

ной цивилизации, которая, собственно, и породила современную моду. В архаических и традиционных обществах любые нововведения преимущественно воспринимались и продолжают восприниматься как недостаток или порок – хорошо если не грех. В традиционных обществах универсальным социальным регулятором является обычай и традиции. Сразу отметим, что новизна не является гарантией модности, так же как и не всякие новые модные стандарты и образцы являются действительно новыми. Возможна мода на «старину», «ретро», стиль других эпох, на предметы антиквариата или новые вещи, стилизованные под прошлое.

Соответственно, истоки и источники моды, вероятно, нужно искать не в природных склонностях человека⁵, а в социальных решениях и механизмах. То есть мода – явление, соотносящееся с определенным типом общества и только в нём обретающее смысл и актуальность. Более того, мода, со всей очевидностью, – явление общественное, социальное, никак не частное: просто не существует частной формы моды. В этом мода противостоит по смыслу, например, индивидуальному стилю. Чтобы нечто стало модным, это должно стать востребованным достаточно большим количеством людей. Оставим за скобками вопрос, что значит «большим»: пока на моду еще не распространились четкие численные стандарты и правила, принятые, например, в медицине, имеющей конкретные параметры, при которых заболевание переходит в стадию эпидемии или пандемии.

Итак, пользуясь эмпирическим подходом, анализом общих представлений о моде и логикой, мы вывели достаточно простые характеристики моды как явления, которые и примем в качестве базовых. Мода – это **социальное явление**, проявляющее себя, в первую очередь, в одежде (чуть шире – в трансформируемой части образа человека и, еще шире, – в потреблении). Мода противоположна традиции или обычаю в костюме, как и профессиональному костюму, хотя может использовать их стилистически, но не соотносится напрямую с их сакральной или социальной знаковой системой. **Сущность моды в ее временности, сменяемости, современности.** Мода приходит и уходит в результате деятельности и мнения определенных профессионалов, а также в соответствии с широкими общественными тенденциями. И главное в данном контексте – это **причины** временности, сменяемости, переменчивости моды, которые отличают ее от таких явлений, как социальный тренд, общественная формация, стиль в искусстве, традиция в костюме. Именно этот нюанс – причина перемен – делает ее особым социальным явлением. И вот тут мы сталкиваемся с затруднением, потому что объективной рациональной необходимости у перемен в моде нет, но именно в переменных ее суть. Говоря о причине, я имею в виду нечто непреодолимое, объективно существующее. В моде причиной изменений является всё и ничто. С одной стороны, модой движут глубинные социальные процессы, деятельность профессиональных организаций, индустрия сама по себе, промышленные циклы, а с другой, **суть модных перемен – их полнейшая беспричинность, независимость, свобода от требований и правил.** Потому что как только вводятся правила, то это уже что угодно – закон, традиция или форма, – но не мода. Любые ограничения – материального, морального, законодательного плана – сдерживают моду, меняя ее суть, превращая в традиционный костюм, форму или сословный этикет.

Таким образом, у нас возникла связка «мода – свобода». Мода – это **свободный социальный процесс**. В некотором смысле это оксюморон: социальное не может быть полностью свободным от самой социальности. И тем не менее до той степени, до которой это позволяет формально свободное общество, мода формально свободна. От законов, от традиций, от престижа, от правил. К XXI в. не осталось таких устоев в костюме, которые играючи не нарушила бы мода. И вот в этой свободе, по всей видимости, и есть основной смысл и суть этого явления.

⁵ На самом деле в последней главе мы всё же обнаружим, что у моды есть биологические основания. Но сейчас мы будем мыслить в социальных категориях.

Более того, мода свободна даже от рациональности, от осмысленности. Рваные джинсы становятся в рамках моды признаком высокого статуса, а бриллианты – провинциальности.

Я предлагаю искать истоки и начала моды именно в той эпохе и обществе, когда у людей начинает появляться такой тип *свободы*. Странная, нерациональная, бессмысленная, переворачивающая всё с ног на голову, творческая, самостоятельная, индивидуалистичная, конкурентная, аморальная, избыточная, кардинальная. Только с такой свободой и идет рука об руку мода. Она не сразу становится полной, приходится брать ее с боем, как и любую другую западную ценность – личные права, политические и гражданские свободы, социальные гарантии. И тем не менее вот этот родовой признак моды и есть самое главное ее отличие и ценность как особого социального явления. Собственно, эти две ценности, свойственные моде, – современность и свобода – и дают нам ответ на вопрос, почему моду мы обнаруживаем в первую очередь в западной цивилизации, и только в процессе глобализации она начинает восприниматься остальным миром.

Итак, мы будем изучать моду, изучая одежду, но лишь в определенном ракурсе. Мы будем искать моду в цивилизации Запада, искать тот или те моменты, когда эта цивилизация становится настолько состоятельной, беззаботной и свободной, чтобы начать ценить бессмысленные для всего остального мира перемены, получать от них эстетическое удовольствие и баснословные доходы.

Есть еще один момент, который очень важно иметь в виду, прежде чем приступать к исследованию социальной истории моды. Одно и то же слово или понятие может означать различные явления на длительной исторической перспективе. Перед историком или социологом, пытающимся выстроить историю подобного рода социального явления, встает задача выявления неких его родовых, общих черт. Однако одновременно необходимо признавать и то, что *«неизбежное перенесение на исторически и логически иначе устроенную культуру привычных для нас понятий... вызывает острое ощущение анахронизма и методологической трудности»*⁶. Мода XXI в., представляющаяся как многомиллиардная сложноорганизованная мировая индустрия, или «моды» эпохи Возрождения как символическая система репрезентации новой элиты итальянских городов-государств, или мода того же Возрождения как символ гуманистической идеологии, – очевидно, явления, различные по множеству параметров. И тем не менее столь же очевидно, что это одно и то же явление, имеющее единую природу, источник, способ выражения. Более того, в ходе исследования я ставлю себе задачу показать, что мода XXI в. буквально вытекает из материальной скудости и духовных вершин средневековой Европы, из мод ренессансных городов-государств, из стратегий формирования национальных государств Нового времени, из всего того общественного «бульона», который создал Запад. В мою задачу будет входить выявление этой самой сущности моды, ее разумной общности для различных времен и регионов. История этого явления не будет прямой линией с нарастающим итогом, это будет прерывистая пунктирная линия, со своими взлетами и падениями, кризисами и расцветами. Такова и суть самой моды, ибо ее второе имя – непостоянство.

В заключение в качестве ориентира для исследования хочу процитировать выдающегося итальянского кутюрье Джанфранко Ферре (1944—2007): *«Мода представляет собой некую реальность, реагирующую на малейшие перемены в обществе. Она внимательно следит за последними тенденциями в искусстве, новыми выразительными языками, особенностями частного или массового поведения и многими другими областями, которые касаются нашей жизни. Всё это определяет основные тенденции и моду в целом»*.

⁶ Баткин Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М.: Искусство, 1990. С. 23.

Глава 1

Из чего сделана мода

Главная ткань моды

*Ткань – экстраординарная вещь,
в ней есть жизнь, ее нужно уважать.
Юбер де Живанши*

С материальной точки зрения основе моды лежит производство ткани. В XXI в. уже не столь важно, из чего именно шьют одежду, ведь материалов, в том числе искусственных, огромное количество. Моду создают из всего: из алюминия и пластмассы, печатают на 3D-принтерах, используют переработанные отходы промышленности – в буквальном смысле от пластиковых бутылок до автомобильных шин. Так, например, самый влиятельный дизайнер современности, основатель бренда *Vetements* и креативный директор *Balenciaga* Демна Гвасалия (р. 1981) сшил юбку из автомобильного коврика и сумку в виде зеркала.

Но когда-то умение изготавливать обычный текстиль было уникальным навыком. Материалы, из которых он создавался, были редки и дороги. Это само по себе было преградой для возникновения моды, ее территориального и широкого социального распространения, но одновременно – и стимулом для технических инноваций и социальных трансформаций. Поэтому я предлагаю совершить небольшой экскурс в текстильную историю Запада, которая является неотъемлемой частью не только истории костюма, но и современной моды. Нам предстоит выяснить, как и когда материальная и технологическая возможность в сочетании с возникновением определенных социальных условий и идей дали толчок для появления современного социального института моды.

Согласно немецкому социологу, философу и политическому экономисту Макс Веберу (1864—1920), темпы развития текстильной промышленности определили всё материальное прошлое Запада: сначала это была эпоха льна⁷; затем эпоха шерсти; и позже – эпоха хлопка, в которую появились первые фабрики. Но что касается роскоши, вожделения и моды, то вся их история в первую очередь связана с шелком. Узорные шелковые ткани использовались не только в одежде, они, по словам исследователя Лехович, «*прочны связаны с другими отраслями прикладного искусства и архитектурой – их использовали для украшения интерьеров, отделки мебели и экипажей, изготовления костюма. Столь широкое распространение этого материала способствовало росту спроса, качества, и как следствие, – цены. Драгоценные узорные шелка ручной работы, выполненные в небольших количествах по рисункам знаменитых художников, ценились наравне с ювелирными изделиями*»⁸, а потому были доступны только самым состоятельным заказчикам. И если смотреть на роскошь как на основной стимул развития торговли вплоть до Нового времени и даже позже, то скорее именно история шелка определила не только материальное, но и культурное прошлое Запада.

Западная наука постоянно пытается рационализировать, найти адекватное объяснение тем или иным явлениям социальной жизни. Однако в том, что касается истории торговли

⁷ Первым освоенным и окультуренным человеком волокном был лён. По данным археологов, уже в каменном веке (ок. 8—3 тыс. лет до н.э.) люди умели прясть и ткать из льна. При раскопках поселения в Швейцарии были обнаружены пряжи льняных волокон, фрагменты тканей и примитивные приспособления, с помощью которых производились пряжа и ткань. В долине реки Нил на территории современного Египта ткани из льна изготавливали около 5 тыс. лет до н. э. Шерсть – второе важнейшее волокно, которое освоил человек. Самая ранняя дата, связанная с овцеводством и производством шерсти, подтвержденная раскопками, соответствует 4 тыс. лет до н. э. Хлопок стал впервые культивироваться в Старом Свете в 5-м тысячелетии до н.э. в долине Инда. Свидетельства о выращивании хлопка были найдены при археологических исследованиях Мергархской культуры.

⁸ Лехович Т. Н. Творчество Филиппа Де Лассалья и русско-лионские связи в области торговли художественными тканями во второй половине 18 века: дисс. канд. искусствоведения. СПб., 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-filippa-de-lassalya-i-russko-lionskie-svyazi-v-oblasti-torgovli-khudozhestvennyim>

шелком и пряностями, которые составляли основное содержание торговли роскошью, начиная с древних времен и вплоть до XVIII—XIX вв., никакие рациональные объяснения интенсивности, популярности, значимости и влияния этой торговли не кажутся убедительными. Ничто, кроме странной человеческой способности делать из ничего с рациональной точки зрения не значащих вещей объект вожделения, не может служить достаточным обоснованием тому, на что готовы были пойти люди ради обладания этими вещами. Никакие доводы о том, что пряности способствовали более длительному сроку хранения продуктов, не объясняют, почему спрос на них был столь велик, что обладавшая монополией на торговлю корицей Голландская Ост-Индская компания получала прибыль в размере 2—2,5 тыс. %. Или почему ароматная гвоздика целые века была причиной жестокой эксплуатации и истребления малайцев, бешеной конкуренции, войн на суше и на море и одновременно в какой-то мере содействовала великим географическим открытиям. Но спрос создают люди, а люди явно не руководствовались рациональными доводами, считая потребление именно ароматной гвоздики символом роскоши и высокого статуса настолько важным, что оно стоило этих человеческих и материальных жертв. Трудно согласиться, что исключительно красота шелка и его способность спасать от паразитов были существенной причиной для того, чтобы люди пускались в опасные для жизни путешествия или толкали на разорение собственную семью или экономику всей своей страны ради вышитого куска материи. Дело в символическом статусе, в престиже того или иного предмета, наделяемого этими свойствами. Западные люди – настолько странные существа, что готовы убивать ради того, что символизирует избранность, престиж и статус. На Востоке люди просто соглашались с тем, что кому-то может принадлежать право престижного потребления, а кому-то – не в этой жизни. Западный человек не таков, он гораздо более свободен и даже «дикуват» в своей жажде обладания. И странным образом именно эта черта создала самую влиятельную цивилизацию мира. Одни и те же вещи могли быть частью механизма консервации общественных порядков на Востоке и, напротив, служить развитию и движению Запада.

Так, шелк был известен в Китае с IV тысячелетия до н.э., и вплоть до середины I тысячелетия до н.э. страна являлась монопольным его производителем. Причем использование шелка регулировалось при помощи очень точных правил. Примерно в течение тысячелетия право носить шелк принадлежало только императору и высшим сановникам. В эпоху династий *Тан* и *Сун* чиновников обязывали использовать определенные цвета шелка в соответствии со своими социальными функциями. Крестьяне не имели права носить шелк вплоть до династии *Цин*.⁹

И ведь никому в Китае не приходило в голову делать из этого проблему, менять социальный порядок. Совсем не так обстояло дело, когда шелк попал на Запад. Стоило только Западу заполучить этот материал, и его «беспорядочное» потребление стало причиной обрушения экономики Рима. Стоило европейцам раскрыть тайну производства шелка, – и уже в Высокое Средневековье шелковое дело становится одной из главных отраслей промышленности, дающей толчок тем техническим инновациям, которые вырвут человеческую цивилизацию из традиционализма в современный капиталистический, информационный мир.

Принято считать рационализм важнейшей из характеристик западной цивилизации, однако, на мой взгляд, западный человек, как и любой другой, совершенно иррационален и идеалистичен в своих мотивах, – начиная с его готовности к жертвам ради своей Веры и заканчивая вожделением бессмысленных вещей. Тем не менее эта нерациональность создала самую мощную и развитую цивилизацию в мире, изменившую или уничтожившую остальные.

Со временем механизация производства и, как следствие, массовая доступность привела если не к полной потере интереса к шелку, то по крайней мере к исчезновению его ауры избран-

⁹ См.: История шелка [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_шёлка

ности. В XXI в. за шелк уже никого не убивают, как и за пряности. Хотя подростки из неблагополучных районов могут убить за новую модель кроссовок *Nike*, а более «цивилизованные» люди готовы платить огромные деньги за ограненный кусок углерода, добываемый на территории ведения военных действий, средства от продажи которого идут на финансирование террористических движений, оккупационных армий или деятельности полевых командиров. Люди мало меняются, меняется лишь объект их вождения, ради которого они готовы убить или просто заплатить сумму, которая явно не соответствует его рациональной стоимости. И всё же это вождение, эта жажда следования престижу, новизне и моде, – ведь более ничто по-настоящему не определит страсть к куску материи, – является отражением более высоких западных ценностей – права человека получить от жизни всё самое лучшее, права на выбор, индивидуальность, от которых мода неотделима. Уже поэтому мода, как и ее материальный предвестник и основа – шелк, – заслуживают изучения как достойные интереса явления. Именно шелк определил если не «всё материальное прошлое Запада», по выражению М. Вебера, то сам дух и материальную базу моды, а поначалу стал символом роскоши и статуса, социального отличия классов, визуальным маркером богатства и влияния. То есть потребление и производство шелка отчасти само было прообразом и основой социального института моды, – и как системы социального порядка, и как стимула развития технологий и производства на Западе.

Легенда шелка

Всё, что связано с престижным потреблением, непременно окутывается тайнами и легендами, называется самым редким, чтобы иметь достаточно причин, чтобы быть дорогим. Шелк – не исключение. Древняя китайская легенда рассказывает, что искусством изготовления шелка Китай обязан жене Желтого императора, мифического основателя китайского государства. Много столетий никому за пределами Китая не удавалось овладеть технологией производства шелка, так как за разглашение тайны полагалась смерть.

Шелк создал одну из величайших институций в истории человеческой цивилизации – Великий шелковый путь – дорогу, по которой двигались не только люди, по ней перемещались товары, технологии, знания и даже религиозные учения. Этот первый путь с Востока на Запад был проложен китайцами во II в. н. э. Главная дорога от Сианя шла к северу и югу от одной из самых засушливых в мире пустынь Такла-Макан, пересекая затем горы Памира. Второй, южный путь, шел через территорию современных Мьянмы, Индии и Йемена. Караваны, огромные даже по нынешним меркам – от 100 до 500 человек, сопровождавших верблюдов и яков, навьюченных до 140 кг шелка, – шли до Антиохии и берегов Средиземного моря больше года.¹⁰

Вскоре после того, как Египет был завоеван Римом (30-е гг. до н.э.), началась регулярная торговля между Азией и римлянами, которые проявили большой интерес к шелковой ткани. Римляне настолько восхищались свойствами диковинного материала, что называли Китай «Страной Шелка». Римская знать так влюбилась в шелк, что ему стали придавать мистическое значение, дабы оправдать эту любовь, однако тайна шелкоткачества так и осталась для римлян неразгаданной. Вергилий в I в. до н.э., например, полагал, что шелк изготовлен из начеса листьев, а его современник, греческий историк Дионисий, считал, что шелк изготовлен из цветов. Римский историк Аммиан Марцеллин в IV в. н.э. представил такое фантастическое объяснение: *«Шелковые ткани сделаны из почвы. Китайская почва мягкая, как шерсть. После полива и особой обработки она может быть использована для формирования шелковых нитей»*.

В определенный момент шелк стал настолько популярен, что его импорт превратился в угрозу для экономики Рима, т.к. привел к такому огромному оттоку золота, что шелковая одежда стала восприниматься как символ декаданса и безнравственности. К тому же ношение шелка рядовыми гражданами вызывало раздражение видимым нарушением неписаной конвенции о нём, как о знаке принадлежности к высшей знати. В 380 г. уже упомянутый Аммиан Марцеллин писал, что *«использование шелка, которое когда-то было ограничено только знатными, сейчас распространилось на все классы без различия, даже на самые низшие»*. С одной стороны, такое беспорядочное присвоение символа высокого социального статуса стало маркером политического кризиса позднего Рима, но с другой – мы видим проявление огромной разницы между Востоком и Западом. Римлянин мог возмущаться тем, что его сограждане столь невоздержаны в потреблении престижного продукта, но отнять это право у них было невозможно никакими запретительными мерами. Римский сенат по экономическим и моральным причинам пытался запретить ношение шелка, но тщетно. И это отнюдь не говорило о повышении «уровня жизни среднего римлянина», позволявшего ему свободно покупать эту ткань, ведь цена одного шелкового отреза в Римской империи могла достигать 300 динариев, что равнялось зарплате legionera за год. Эта тенденция к демократичности потребления глубинно соотносится с демократичностью общественного устройства и внутренней сущностью человека Запада, еще более усилившейся в эпоху Высокого Средневековья.

¹⁰ См.: История шелка [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_шёлка

И как вам понравится версия, что, возможно, вовсе и не христианство, как полагают, и не нашествие варваров, а шелк был истинной причиной падения Рима? Хотя это предположение очевидно наивно и схематично, оно ничем не хуже, чем объяснение традиционализма Востока его зависимостью от рисовых культур, которые, как известно, для эффективного возделывания требуют очень жесткой внутриобщинной организации.

Захвативший в 409 г. Рим гот Аларик потребовал от покоренного города среди прочего 4000 шелковых туник. Трудно сейчас точно понять, было ли это признанием варварами красоты этих предметов роскоши, желанием присвоить статус посредством престижного внешнего атрибута и «быть как римлянин», или готы ценили свойства шелка отгонять назойливых мух и прочих насекомых, так донимавших их в военных походах. А может, им просто нравилось всё блестящее. Вот знаменитое описание предков современных европейцев – варваров, разграбивших Рим, – у Аммиана Марцеллина: *«Их дикость превосходит всё мыслимое... Тело они прикрывают полотном или сшитыми шкурками полевых мышей: они не ведают различия между домашней и выходной одеждой и, однажды облачившись в свое тусклое одеяние, не снимают его, пока оно не разваливается от ветхости»*¹¹.

После крушения Западной Римской империи производство шелка еще не скоро стало возможным на ее бывшей территории. Впрочем, у людей раннего Средневековья было слишком много забот и не так много впечатлений в жизни, если не считать природные явления и войны. Возможно, поэтому столь большую ценность имели те крохи материальной культуры, которые оставались доступны. Красивые ткани были своего рода чудом. А на чудо был особый спрос... Поэтому торговля привозным шелком в рамках общей торговли роскошью велась все Средние века.

¹¹ Цит. по: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

Передвижение европейских центров производства шелка

Первыми европейцами, которым удалось заполучить секрет производства шелка, стали отнюдь не западные римляне, а восточные – византийцы. По очередной из многочисленных легенд, сопровождающих эту ткань, в 552 г. византийский император Юстиниан I уговорил то ли персидских купцов, то ли двух несторианских монахов привезти из Китая драгоценные яйца шелкопряда. Монахи спрятали их в пустотелой бамбуковой палке и таким образом вывезли в Византию. Правда ли это, или византийцы получили знания о шелке от Сасанидов, но, так или иначе, в VI в. в Восточной Римской империи было освоено шелководство. Надо сказать, что, как и много другое в этом построенном на догматах государстве, шелкоткачество сразу монополизировали церковь и государство, основав свои шелковые мануфактуры. Поэтому шелк стал в Византии индустрией роскоши, но эта роскошь так и не вышла за рамки сословного потребления и не стала материальной базой широкого и свободного института моды. Так что «рисовые культуры» мало что объясняют: Византия была восточной по духу и социальному строю, оказавшись парадоксальным образом ближе к Китаю, чем к христианскому Западу, несмотря на отсутствие зависимости ее населения от выращивания риса, требующего совместного ручного труда и сложной системы внутриобщинного взаимодействия. Гинекеи (ткацкие мастерские, в которых работали только женщины и мужчины-рабы) Константинополя были знамениты шелковыми тканями и парчой до X в. и имели узаконенную монополию на ткани. Однако великолепие византийских техник было следствием не столько технологического процесса, сколько результатом скрупулезного внимания, уделявшегося оформлению и украшению. Ткацкие методы византийцев были древними, унаследованными от Египта.¹²

После захвата Иберийского полуострова арабами шелкоткачество стало развиваться в VIII—IX вв. на территории Северной Африки, Андалусии и Сицилии. И только четыре столетия спустя – на Апеннинах.

Передвижение по территории Запада центров производства и выделки шелка, часто вместе с движением центров капитала и торговли, может служить своеобразным маркером подъема культуры и экономики региона, маркером появления ростков моды.

В Западной Европе технологии производства шелка стали распространяться с началом крестовых походов. Так, в 1147 г., во время Второго крестового похода, когда силы византийцев были отвлечены на рыцарскую угрозу, норманнский король Сицилии Рожер II (1095—1154) напал на Коринф и Фивы, два центра производства византийского шелка. Сицилийцы не только захватили и вывезли станки и инструменты шелкоткачества, но и депортировали византийских работников-ткачей в Палермо, что со временем смогло привести к процветанию местную шелковую промышленность.

Во время Четвертого крестового похода в 1204 г. Константинополь был захвачен и разорен рыцарями, так что многие квалифицированные ремесленники вынуждены были оставить город и эмигрировать. В Италии же шелковая индустрия резко пошла вверх после того, как около двух тысяч квалифицированных ткачей прибыли из разоренной столицы Византии. Многим из них было предложено поселиться в Авиньоне и снабжать шелком папский двор.¹³

В XI—XII вв. начался бум шелковой промышленности в городах Италии, связанный с сицилийскими, еврейскими и греческими переселениями и миграцией мастеров из соседних городов юга Италии. В эту эпоху ослабевают торговые связи итальянцев на Востоке, что приводит к сокращению импорта китайского шелка. Воспользовавшись моментом, города Лукка, Генуя, Венеция и Флоренция расширили производство роскошных тканей, чтобы удовлетво-

¹² См.: История шелка [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_шёлк

¹³ См. там же.

ритель растущий спрос богатевшей буржуазии. В эпоху Ренессанса шелковое дело становится одной из важнейших отраслей промышленности в Венеции (XIII в.), в Генуе и Флоренции (XIV в.), в Милане (XV в.). Так, во Флоренции в 1472 г. было по крайней мере 84 цеха и как минимум 7000 ремесленников¹⁴.

Специалист по этому периоду Т. Н. Лехович так описывает происходящие в шелкоткачестве в ту пору принципиальные изменения:

«В 14 веке на узоры итальянских тканей оказывают значительное влияние китайские шелка, затканые золотыми нитями, с изображениями фантастических птиц и лото-сов. Вместе с готическим стилем в тканевых узорах появились фигуры животных и людей, а во второй половине 14 века на тканях выполняли религиозные сюжеты. <...> Идеи эпохи Возрождения нашли свое воплощение и в декоре шелковых тканей. Величайшие итальянские художники создавали узоры для ткачей и вышивальщиков. <...> В эпоху средневековья и Ренессанса несомненное лидерство в шелкоткацком производстве Европы занимала Италия, именно ей стремились подражать все остальные ткацкие мастерские. Но со второй половины 17 века ситуация изменилась – на передовые позиции в области художественного ткачества выходит Франция – и именно за французскими ткачами остается с тех пор пальма первенства в этой области.

Расцвет наблюдался во всех областях французского художественного текстиля: мануфактуры Гобеленов, Бове и Обюссона выпускали прекрасные стелные ковры, в Алансоне и Аржантане производили самые тонкие кружева, в Лионе, Монпелье, Ниме и Туре ткали шелка, украшенные изысканными узорами»¹⁵. Но именно в Лионе шелковое производство достигает своих вершин и становится материальной основой французской модной индустрии. Теперь уже Францию стали называть «Атласной страной», как когда-то Китай – «Страной шелка».

Нельзя сказать, чтобы никто не пытался оспаривать лидерство Франции в шелкоткачестве. Еще одна европейская империя и давний соперник французов – Англия – во времена правления Генриха IV также спешно наращивала объемы производства шелка. Одним из «удачных совпадений» в этой связи принято считать отмену Людовиком XIV в 1685 г. Нантского эдикта, который ранее даровал французским протестантам-гугенотам одинаковые права с католиками. Сотни тысяч гугенотов, бежавших от новой волны притеснений, осели в том числе в благосклонно принявшей их Англии. Многие из переселенцев оказались профессиональными шелководами и ткачами. Результат не замедлил сказаться – после этого в Лондоне одна за другой начали открываться шелковые мастерские. Их продукция отличалась высочайшим качеством, а также использованием цветочных мотивов, что стало свежим веянием в достаточно строгом стиле континентального шелка. Однако британский климат и невысокий авторитет в дамской моде помешал английскому шелку доминировать за пределами страны, и Англия направила все усилия на традиционное сукно и колониальный хлопок.

Еще раз заострю внимание читателя на важнейшем обстоятельстве: само по себе производство шелка не стало основой института моды ни на его родине в Китае, ни в Византии, ни даже в Испании. Только в сочетании с другими культурными, социальными, политическими и даже административными факторами, которые будут выявлены в дальнейшем, производство шелка дало толчок к возникновению моды. И это обстоятельство является одним из наглядных доказательств того, что мода – продукт прежде всего социальный, хотя и укорененный в материальной культуре.

¹⁴ Лехович Т. Н. Творчество Филиппа Де Лассалья и русско-лионские связи в области торговли художественными тканями во второй половине 18 века: дисс. канд. искусствоведения. СПб., 2003.

¹⁵ Там же.

Шелк – основа технологических и социальных инноваций

Развитие шелковой индустрии в XIII—XV вв. в итальянских городах-государствах, а к XVIII в. – по всей Западной Европе, – шло рука об руку с техническими усовершенствованиями и социальным прогрессом. Не будет преувеличением сказать, что текстильную промышленность и шелкоткачество как его неотъемлемую, существенную часть, можно считать «локомотивом» развития технологий производства и в целом экономики того времени.

В XIII в. в шелкоткачестве произошли кардинальные перемены, – к примеру, в начале века стали применяться пока еще примитивные, но уже достаточно многочисленные способы автоматизации производства шелковых нитей. Многие из кустарных, незатейливых устройств тех лет описаны в словаре Иоанна де Гарландии (1221 г.) и «Справочнике торговца» («*Livre des métiers*», 1226 г.) Этьена Буало. Через полвека, в 1270—1280-х гг., они были усовершенствованы, в том числе при активном участии мастеров из Болоньи. По сохранившимся до наших дней свидетельствам начала XIV в. можно судить, что эти доработки и технологические нововведения были уже гораздо более замысловаты и носили комплексный, а не локальный характер.

Витражи Шартрского собора представляют исторический интерес еще и тем, что на одном из них сохранилось самое раннее из дошедших до нас изображений прялки. Как и на более поздней фреске из кёльнского «Дома прялки» (*Kunkelhaus*, ок. 1300 г.), на нём можно рассмотреть расположенные рядом со сновальными машинами катушки. Есть основания предполагать, что зубчатая сновальная машина, внедрение которой позволило увеличить длину и однородность тканевой основы, первоначально создавалась именно для шелкоткачества.

Мистическим образом шелк стал косвенной причиной и страшной трагедии, поразившей Запад в XIV в. Эпидемия чумы, пришедшая в Европу в 1346—1353 гг. по Шелковому пути вместе с караванами, уничтожила около 60 миллионов человек и оставила колоссальный след в истории Запада. Шелк принес с собой чуму, ставшую причиной парадоксальных перемен и последствий в экономике, психологии, культуре, даже генетическом составе населения Европы, и одновременно давшую толчок к демократизации общества, прежде всего сферы потребления, и технической интенсификации экономики.

Те, кто остался в живых после эпидемии, зачастую оказывались в положении состоятельных наследников, получавших земли и доходы родни, скончавшейся во время «Великой эпидемии». Низшие классы немедленно воспользовались ситуацией дефицита человеческих ресурсов, чтобы добиться для себя лучшей жизни.

Флорентиец Маттео Виллани писал об этом: «Простонародье ныне требует для себя самых дорогих и изысканных блюд, их женщины и дети щеголяют пышными платьями, принадлежавшими ранее тем, кто навсегда покинул этот мир»¹⁶.

В городах дороговизна ручного труда привела к росту числа попыток механизировать производство, давших свои плоды в более поздние времена. Из-за резкого сокращения населения пошатнулись традиции, ранее казавшиеся незыблемыми, феодальные отношения дали трещину, а многие цехи, бывшие закрытыми корпорациями, где ремесло передавалось от отца к сыну, стали принимать к себе новых людей. Упали цена на землю и арендная плата, снизился ростовщический процент. Одновременно с этим росли налоги, кроме того, в попытке удержать и сделать незыблемой границу между сословиями, всё больше размывавшуюся после эпидемии, принимались «законы о роскоши». Так, в зависимости от положения, ограничивались длина женских шлейфов, количество блюд, подаваемых на стол, или даже количество плакаль-

¹⁶ Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. New York: Harward University Press, 1997. P. 48.

щиков на похоронах, – но все попытки добиться, чтобы подобные законы реально соблюдались, оказывались тщетными. В ответ на попытку ограничить столь страшной ценой завоеванные права низшие классы ответили бунтами. По всей Европе прокатились выступления, с жестокостью подавленные и все же надолго ограничившие притязания высших классов и приведшие к постепенному исчезновению барщинных повинностей и массовому переходу от феодальных к арендным отношениям. Рост самосознания третьего сословия, начавшийся во времена второй пандемии, уже не останавливался и нашел полное выражение во времена буржуазных революций. Вот такие отдаленные последствия имела страсть европейцев к шелку и служащая этой страсти караванная дорога, словно отомстившая Западу Черной чумой за потерю интереса к ней, отнятого европейскими производителями.

Что касается шелкового производства, то повсеместное разорение и опустошение, вызванное Черной смертью, привело к применению более простых и недорогих технологий. Многие из того, что ранее было полностью запрещено цехами, стало повсеместным, – так, в шелковой промышленности, несмотря на противодействие ремесленных цехов, распространилось использование водяных мельниц.

Однако, несмотря на все изменения в технологиях, шелковые ткани из Италии всё равно не выдержали нарастающей конкуренции. Дело в том, что новые веяния французской моды, на тот момент всё более упрочивающей свои позиции, задавали тренд на постепенное удешевление и облегчение материалов, из которых изготавливалась одежда. Тогда как цены на сырье и затраты на производственный процесс у итальянских ремесленников на протяжении долгого времени оставались стабильно высокими и не имели видимых перспектив к снижению, в результате чего итальянцы начали терять первенство на многих из ранее приоритетных для них рынков. При этом шелкоткачество во Франции из привозного сырья появилось в самом начале XIV в. именно благодаря ткачам-итальянцам. И впоследствии государственная власть Франции проявляла завидную мудрость, выгодно отличающую ее, например, от Испании, изгнавшей в конце XV—XVI вв. всех евреев и мусульман. Франция оказывала гостеприимство по отношению ко всем, кто мог быть полезен для ее экономики. Вот что на этот счет пишет Т. Н. Лехович: *«Государственные ограничения и запреты не распространялись на иностранных мастеров, и итальянские ткачи приезжали во Францию обучать местных мастеров секретам своего ремесла. Наиболее известным из них был Клод Дангон из Милана, который в 1605—1607 гг. вместе со своими учениками, французскими ткачами, выпускал в Лионе высококачественные шелковые ткани. <...> Он же стал изобретателем нового станка, который позволил значительно ускорить производство тканей и выполнять более сложные и красивые узоры»*¹⁷.

Следуя по стопам богатых итальянских городов, ставших крупнейшими производителями роскошных тканей, аналогичную нишу на французском рынке в XVI в. занял Лион. Развить в Лионе шелковую промышленность принял решение еще король Людовик XI в 1466 г., руководствуясь исключительно причинами государственной важности. Шелк даже спустя много веков всё еще оставался настолько привлекательным объектом, что Франция теряла от 400 до 500 тыс. золотых экю в год из-за ввоза его из Италии. Людовик XI справедливо рассудил, что торговый дисбаланс необходимо существенно сократить, но протесты самих лионцев, вполне довольных и текущим положением дел, вынудили его изменить первоначальные планы и в конечном счете перенести производство в Тур. Лишь около 1535 г. Франциск I вручил королевскую грамоту на развитие торговли шелком в Лионе пьемонтскому купцу Этьену Тюрке, а в 1540 г. предоставил городу монополию на производство шелка. Начиная с XVI в. Лион стал столицей европейской торговли шелком. Обретя уверенность, лионские производители

¹⁷ Лехович Т. Н. Творчество Филиппа Де Лассалья и русско-лионские связи в области торговли художественными тканями во второй половине 18 века: дисс. канд. искусствоведения. СПб., 2003.

шелка стали отказываться от оригинальных восточных стилей в пользу своего собственного, в котором акцент делался на пейзажах. Людовик XIV поручил наблюдение за производством шелковых тканей своему министру финансов Жану-Батисту Кольберу, при котором были введены регламентация вырабатываемых тканей и проверка качества полотен в особом «бюро». В 1667 г. Кольбер на законодательном уровне обязал фабрикантов ежегодно разрабатывать новые узоры, а к концу века мастерские Лиона обновляли свои узоры уже дважды в год.

Тут важно сделать важнейшее **заключение, касающееся момента рождения современной моды**. Если внимательно изучить костюм XVI, XVII, XVIII вв., то становится очевидным, что барочные и рокайльные фасоны костюмов менялись сравнительно медленно. В эпоху Ренессанса и даже позже ценность костюма определялась по степени его роскошности (богатству ткани, украшений, вышивки), нормой было передавать платья по наследству как движимое имущество. Устаревание костюма было понятием в основном физическим, понятия «модного» или «немодного» практически не было, – по крайней мере, в рамках одной эпохи. А с принятием закона 1667 г. очевидным маркером перемен в моде стала ткань, прежде всего шелковая, определенного рисунка или цвета. Мода была «узаконена» и начала активно смещать роскошь с позиций главного маркера социального престижа. У потребления появился ритм, не связанный с физическим устареванием предмета потребления, – модный цикл. Более того, мода связала производство и потребление в жесткую циклическую модель искусственного устаревания, что стало одним из важнейших стимулов дальнейшего роста экономики. Это был акт по-своему интеллектуальный, даже в чём-то «искусственный», уводящий Запад в другие, отличные от Востока, принципы потребления, изменяющие традиционные иерархии ценностей. Новизна стала окончательно престижнее роскоши. И всё это впервые произошло в рамках шелковой индустрии. *Шелк создал социальную технологию.*

В XVIII в. уже абсолютно все, за исключением беднейших слоев населения, внимательно следили за модой и стремились ей следовать, и всем было известно, какие ткани нынче в моде. Дама, показавшаяся в платье, сшитом из шелка позапрошлого сезона, рисковала заслужить нелестную славу «*démodé*» (старомодной). Собственно, закон 1667 г. и был прообразом ставшего обязательным в XX в. для членов Федерации парижских кутюрье графика Недель моды. **Закон 1667 г. и Лионские шелковые мануфактуры можно считать точкой отсчета современной системы моды, у которой в 2017 г. был юбилей — 350 лет.** Однако этой дате предшествовало длительное развитие общества Запада, о котором пойдет речь в следующих главах, и, по сути, она является лишь формальной вехой в процессе рождения современной моды.

Жозеф Мари Жаккар и кибернетика шелка

Что может быть более далеким от роскошной шелковой ткани, чем компьютер? И тем не менее у них много общего. В первую очередь они оба – продукт человеческой изобретательности и одновременно служат вполне утилитарным целям, создавшим вокруг себя огромный потребительский рынок и социальные инновации. Но самое интересное, что шелковая промышленность сыграла немаловажную роль в появлении того, что сегодня мы называем «компьютер», и, соответственно, информационного общества.

И здесь мы должны познакомиться с одним из удивительных героев нашей истории моды – гражданином Лиона, гениальным инженером-самоучкой, научившимся читать лишь в 13 лет, ткачом и солдатом, «кибернетиком ткацкого станка» *Жозефом Мари Жаккаром* (1752—1834).

Процесс взрывной механизации ткацких станков связан в первую очередь с английской промышленностью XVIII в. и английскими суконщиками, промышленниками и инженерами – Джоном Клеем, Ричардом Аркрайтом и Эдмундом Картрайтом. Их изобретения в ткацком ремесле сильно упростили труд ткачей, увеличили возможную ширину тканей и скорость производства, снизили их стоимость. Это решало задачи массового производства, но вопросы, касающиеся престижных тканей, остались нерешенными. Изготовление тканей со сложными узорами, на которых жила французская текстильная промышленность и индустрия моды, было настоящей проблемой.

Производство узорчатых тканей было сложнейшим и лишь отчасти механизированным процессом, в котором участвовал высококвалифицированный мастер и подмастерье. В общих чертах опишу изначальный технологический процесс и суть усовершенствований Жаккара, более подробный рассказ о чём можно найти в статье М. Русских¹⁸. К этому источнику я буду периодически обращаться и в дальнейшем.

Итак, по команде мастера подмастерье, находившийся внутри станка, вручную поднимал и опускал нити основы, количество которых могло исчисляться сотнями. Этот процесс был творческим, трудоемким, медленным и требовал колоссальной скрупулезности. Перестройка станка с производства одного узора на другой могла занимать несколько дней. Всё это делало ткани очень дорогими. Одновременно эти сложные технологии кормили целый город мастеров – Лион.

Однако если одни французы находятся в привилегированном положении, другим французам это не будет давать покоя, и они непременно захотят произвести революцию. Перед изобретателями более совершенного механизма стояло две задачи: он должен обладать неким запоминающим устройством, чтобы хранить последовательность команд для изготовления определенных узоров, т.е. выполнять творческую и интеллектуальную функцию ткача, и воспроизводить движения его подмастерья по заранее заданному сценарию. По сути, это была первая задача настоящего «программирования», ключевыми целями которого являются создание и использование алгоритмов и структур данных. Творческую идею мастера необходимо было формализовать и перенести на технический носитель, а затем применить это в промышленных масштабах. Справиться с этой задачей пытались многие: Базиль Бушон, Жан-Батист Фалькон, Жак де Вокансон. Их механизмы отчасти удовлетворяли сформулированным выше требованиям, но по различным причинам работа не была доведена до конца, и их идеи не получили распространения в ткацкой промышленности. Первым программируемым устройством стал жаккардовый ткацкий станок, названный в честь создателя – Жозефа Мари Жаккара, построившего в 1804 г. механизм, который произвел революцию в ткацкой промышленности,

¹⁸ Русских М. Жозеф Мари Жаккар. Кибернетика ткацкого ремесла // Радиолоцман. 2012. №2. С. 15—20.

предоставив возможность программировать узоры на тканях при помощи перфокарт. После этого шелковая промышленность перестала быть элитарной, зависимой от узкого количества привилегированных мастеров, начался переход к массовому выпуску тканей, демократизации потребления, а через 150 лет – и к демократизации моды.

Годы жизни и работы этого выдающегося человека пришлось на время двух революций – Великой французской и Промышленной, – и он стал участником обеих. При этом в первой он сражался против Национального Конвента, обороняя родной Лион от восставших, а во второй – сам стал одним из «восставших». Станок Жаккара перевернул жизнь его коллег, оставив их без работы и средств к существованию, что и привело к восстанию лионских ткачей. Уж таковы люди – иногда их страсть входит в полное противоречие с их убеждениями.

Жизнь этого потомственного лионского ткача и технического гения была полна приключений, трагедий, неудач и триумфов.¹⁹ Жозеф Мари Шарль Жаккар родился в 1752 г. в столице шелковой индустрии – Лионе – и был пятым из девяти детей ткача, мастера по изготовлению парчи. С детства он был подмастерьем у своего отца и не посещал школу, читать научился лишь в 13 лет. После смерти родителей, когда ему было всего 20, Жаккар унаследовал мастерскую отца, оснащенную двумя ткацкими станками. В 1778 г. он получил статус мастера ткацкого дела и торговца шелком. В том же году он женился на богатой вдове Клаудии Боишон, и в 1779 г. у них родился единственный сын Жан Мари.

Характер у Жаккара, как у большинства изобретателей, был авантюристичным, поэтому неудивительно, что совершив несколько сомнительных сделок, он влез в долги и потерял не только свое наследство, но и часть собственности жены. В итоге, оставив жену с сыном в Лионе, Жозеф отправился скитаться по Франции в поисках работы. Он поработал и обжигальщиком извести, и чернорабочим на карьерах, и переплетчиком, и отливальщиком шрифтов, а в конце 1780-х гг. вернулся домой.

В начале Великой французской революции Жозеф вместе с сыном принял участие в обороне Лиона против сил Национального Конвента. Когда город пал, им удалось бежать и присоединиться к Революционной армии. В одном из сражений против австрийцев единственный сын Жаккара погиб. Жозеф тяжело пережил эту трагедию. В 1798 г. он возвратился в разрушенный революционерами Лион и после лечения в госпитале брался за любую доступную работу: ремонт ткацких станков, шитье тканей, отбеливание соломенных шляп, управление повозками... Так продолжалось до 1799 г., пока он наконец не занялся тем, что в итоге и принесло ему и деньги, и славу – автоматизацией ткацких станков. Стоит предположить, что задача механизации стояла остро перед лионской шелковой промышленностью из-за нехватки рабочих рук, возникшей после массового уничтожения якобинцами в 1793 г. граждан Лиона, в том числе квалифицированных мастеров-ткачей.

Жаккар, досконально знавший работу ткача, наладчика и подмастерья, понимал, что производство ткани хоть и является сложным и скрупулезным занятием, одновременно представляет собой рутинный процесс с большим количеством повторяющихся действий. Соответственно, вышивание сложных узоров может быть автоматизировано и сведено к минимальному набору простых движений. Жаккар реализовал гениальную в своей простоте «1—0» систему, где «1» и «0» – это наличие или отсутствие отверстий на специальных твердых пластинах,

¹⁹ Неелов В. И. в своей монографии «Ткачество: от плетельных рам до многозевных машин» (М.: Легпромбытиздат, 1986) излагает совершенно другую историю Жозефа Мари Жаккара, ссылаясь на исследования члена-корреспондента АН СССР Ф. В. Потёмкина, работавшего по этому вопросу в Национальном архиве Франции. Ф. В. Потёмкин расследует некие обстоятельства, которые «раскрывают моральный облик изобретателя» не с лучшей стороны. Мне, однако, ближе классическая история, описанная у М. Русских (см.: *Русских М.* Жозеф Мари Жаккар. Кибернетика ткацкого ремесла // Радиолюцман. 2012. №2. С. 15—20). В любом случае, даже если Жаккар довольно много заимствовал у своих предшественников, он представляет из себя некий собирательный образ, архетип лионского ткача-изобретателя своей эпохи.

от последовательности которых зависела работа всей системы станка. Сегодня мы назвали бы их перфокартами.

В истории моды, как мы не раз еще убедимся, огромную роль сыграли различные институты. Без их поддержки не обошелся и успех жаккардового станка, изменившего индустрию шелка и моды. Благоприятные условия для изобретательской деятельности во Франции были созданы декретами Национального собрания 1791 г. и введением Конвентом патентного права в 1795 г. Были образованы общества поощрения национальной индустрии, организовывались промышленные конкурсы, выставки, на которых присуждались премии за технические усовершенствования. Таким образом, творческая инициатива изобретателей активно поощрялась.

В 1801 г. *Английское Королевское общество поддержки искусств* объявило конкурс на изготовление механизма для плетения рыболовных сетей, и первый образец ткацкого станка Жаккар представил именно туда, – впрочем, без особого успеха. Зато на конкурсе *Общества поощрения ремесел и искусств Франции* его изобретение наконец обратило на себя внимание. В 1804 г. Жаккар был приглашен в мастерские *Консерватории искусств и ремесел* в Париже, где он должен был завершить постройку своей машины. Там то Жаккар и обнаружил коллекцию механизмов из кабинета Вокансона, среди которых находился образец узорчатого станка. Ознакомившись с принципом его действия, Жозеф Мари внес в свою разработку качественные улучшения²⁰.

И здесь в историю шелка вмешивается еще один великий император, но уже не Китая, а Франции. И если Желтый император, если он вообще существовал, в XXVI в. до н.э. создал из шелка элитный продукт, то император Франции через 45 веков своим вмешательством способствовал демократизации его потребления.

В 1805 г. император Наполеон Бонапарт, великий полководец и кумир просвещенной Европы, во время визита в Лион, где он, осознавая всю важность текстильного производства для экономики страны, разместил крупный заказ, удостоил своим визитом и мастерскую Жаккара. Наполеону и его супруге Жозефине продемонстрировали чудо-станок, чтобы они оценили всю эффективность и простоту его обслуживания. Император был весьма впечатлен и пожаловал Жаккару пенсию в 3000 франков и право получать отчисление в 50 франков с каждого станка, построенного на французской мануфактуре.

Патент на изобретение, по требованию Наполеона, был передан в общественное пользование. И это изменило шелковую индустрию: вышивание стало высокомеханизированным процессом благодаря эффективности жаккардового ткацкого станка, чей механизм создал возможность массового производства тканей со сложным дизайном. Сам же изобретатель приобрел солидный доход и государственную поддержку. Станки распространялись с такой скоростью, что отчисления сделали его одним из богатейших людей Лиона. В 1812 г. во Франции работало свыше 11 тысяч таких ткацких машин, аналогичные станки стали появляться в других странах.

Новый станок принес Жаккару славу и богатство, лишив, однако, при этом тысячи лионцев хлеба насущного. Еще до обретения поддержки верховной власти Жаккар столкнулся с суровым нравом лионских ткачей, которые, поняв, какую опасность для них несет его изобретение, ворвались и разгромили его мастерскую вместе со всеми находившимися там механизмами. Да и сам Жаккар был неоднократно бит, но, невзирая ни на что, тайно продолжал работать над своим детищем, принесшем в результате крах тысячелетнему престижному статусу шелковой ткани.

Первое Лионское восстание (1831 г.) стало предвестием череды мятежей и стачек рабочих эпохи промышленной революции. Сначала собираясь провести мирную демонстрацию против повышения налогов, рабочие шелкоткацкой мануфактуры Лиона были активно поддер-

²⁰ Подробнее см.: Русских М. Жозеф Мари Жаккар. Кибернетика ткацкого ремесла // Радиолоцман. 2012. №2. С. 15—20

жаны работниками других отраслей. Несмотря на безоружный характер выступления, толпа была обстреляна солдатами национальной гвардии. Не будь этой провокации властей, возможно, протестующие не заняли бы спустя три дня второй по величине город Франции. Восстание было подавлено армией под руководством маршала Сульта, и власть даже пошла на уступки, однако этот бунт имел еще несколько продолжений, второе из которых произошло уже в 1834 г., в год смерти Жаккара.

Спустя шесть лет жители Лиона воздвигли в честь Жаккара, столь сильно и неоднозначно изменившего их жизнь, памятник на том самом месте, где находилась его мастерская, когда-то разгромленная ими. И в этом вся парадоксальная суть французов – они способны уважать талант независимо от личных интересов.

После смерти Жаккара его изобретения зажили своей жизнью и стали основой для дальнейшего развития техники. Принцип «программирования» механизмов посредством перфокарт, положенный в основу ткацкого станка Жаккара, для своего времени стал революционным. Широкое распространение подобных машин наталкивало и других изобретателей и мастеров на мысль об использовании данного принципа в своих разработках.

Дальнейшие события описаны по упомянутой ранее статье М. Русских. В 1834 г. английский математик Чарльз Бэббидж (1791—1871) начал работу над изобретением автоматического устройства для решения широкого спектра математических задач – «аналитической машины». Для этого он совершил поездку в Париж для изучения принципа «программирования» станков Жаккара посредством перфокарт. Построить свою машину Бэббиджу не удалось ввиду сложности и недостатка финансовых средств, однако принципы, заложенные в ее основу, способствовали дальнейшему прогрессу вычислительной техники.

Конкретную практическую полезность в вычислительной технике перфокарты приобрели благодаря американскому инженеру и изобретателю Герману Холлериту (1860—1929). В 1890 г. для Бюро переписи населения США он разработал *табулятор* – механизм для обработки статистических данных, где перфокарты были применены в качестве носителей информации. В 1911 г. компания *Tabulating Machine Company*, основанная Холлеритом, была переименована в *International Business Machines* – знаменитую *IBM*. Перфокарты же с успехом использовались в вычислительной технике до 70—80-х гг. XX в., пока на смену им не пришли более совершенные информационные носители. Так перфокарты жаккардового ткацкого станка стали прямыми предшественниками современного компьютера.

Что касается шелка, то создание жаккардового станка сделало его более доступным и, соответственно, менее престижным. Постепенно он потерял свою связь с модой, став лишь одним из многих других материалов. А в 1861 г. центр влияния моды окончательно переместился из лионских мастерских в парижские Дома мод. Для буржуазии XIX в. шелк уже не имел того символического смысла, что для аристократии прежних эпох. Всё это вызвало упадок шелковой промышленности в Европе, а с открытием Суэцкого канала в 1869 г. были снижены цены на шелк, импортировавшийся из Китая и Японии.

Во времена Долгой депрессии (1873—1896) шелковое производство в Лионе стало полностью индустриализованным, ручные ткацкие станки ушли в прошлое. В 1884 г. граф Илэр де Шардонне изобрел искусственный шелк – вискозное волокно, а в 1891 г. открыл фабрику для его производства. Новый материал стоил дешевле и отчасти заменил натуральный шелк. Что до жаккардовых машин, они применяются и сейчас, правда, уже при участии компьютера и сканера, – с их помощью по-прежнему изготавливаются высококачественные изделия.

Так, за 500 лет западный человек из иррациональной страсти к шелку создал промышленность, капитализм, компьютерные технологии и информационное общество, а сам шелк заменил искусственным изобретением, практически полностью потеряв к нему интерес. В то время как Восток, обладая шелком на протяжении нескольких тысяч лет, не изменил ничего в своих социальных структурах. Шелк на Востоке служил лишь большей консервации соци-

альных порядков как маркер иерархий. Наличие ресурсов и технологические новации на протяжении тысячелетий не приводили на Востоке к социальному изобретательству и каким-либо переменам в жизни масс. У Китая был компас и порох, чтобы открыть и завоевать Америку, печатные деньги, чтобы создать Уолл-Стрит, печатный станок, чтобы сделать образование массовым, а грамотность всеобщей, и шелк, чтобы изобрести моду, но ничего этого не случилось. На Западе же потребление и технологические новации шли рука об руку с погоней за новизной и социальным прогрессом. Под элитами Запада словно постоянно «качался трон», что гнало их за всё новыми основаниями для своей позиции в обществе, – право сильного, феодальный обычай, одобрение церкви, престиж, уважение граждан или мастерство... Как писал Редьярд Киплинг: «*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд*»²¹. Для нас эта мысль чрезвычайно важна, т.к. одной из таких социальных новаций, на которую оказалась способна лишь западная цивилизация, была мода. Об этом наш дальнейший рассказ.

* * *

В эпоху становления западной цивилизации, в Средние века, именно текстильная индустрия способствовала росту торговых городов, а в Новое время стимулировала технические усовершенствования в связанных с ней областях. Текстильная отрасль мировой экономики оставалась ведущей вплоть до начала активного строительства железных дорог в XIX в. Она стала основой индустриальной революции, которую удалось самостоятельно осуществить исключительно европейской цивилизации, распространившей ее затем на весь мир.

Однако вплоть до Нового времени материальная жизнь Запада – это низкопроизводительный ручной труд, медленный транспорт, отсутствие нормальных дорог, т.к. римские пришли в полный упадок, опасности, поджидавшие купцов на каждом перекрестке, постоянные эпидемии чумы, из-за которых континент периодически обезлюдевал, низкая продолжительность жизни и скорость обмена информации. Но это лишь технические стороны вопроса. Были и религиозные, социальные и культурные стороны. И все их нам предстоит рассмотреть, чтобы понять, когда и как в западной цивилизации появился социальный институт моды. Мы увидим, как жил человек в те времена, когда не было практически никаких благ цивилизации, жизнь постоянно висела на волоске, а мысли были лишь о Спасении.

²¹ Перевод Е. Полонской.

Глава 2

Народ Писания и мода

Точно солнце шествует Израиль по Европе: куда приходит он,

*там пробуждается новая (капиталистическая) жизнь,
откуда он уходит, там засыхает всё, что до сих пор цвело.*
Вернер Зомбарт, «Евреи и их участие в образовании современного хозяйства»

Народ, чьим домом является весь мир.
Семён Маркович (Шимен Меерович) Дубнов, «Краткая история евреев»

Современный тип моды возник на почве западного капиталистического хозяйства. Первичный импульс ему дали текстильная промышленность, широкая сеть торговли, развитая финансовая система. У истоков этих явлений в эпоху раннего Средневековья по разным причинам и обстоятельствам стоял один небольшой ближневосточный народ – евреи. Поэтому с них я и начну свою социальную историю моды.

Самые немодные люди Запада

*По аллее, в тени августейших лип, склонясь немного набок,
двигался немолодой гражданин. Соломенная шляпа с рубчатыми краями
боком сидела на его голове. Брюки были настолько коротки, что
обнажали белые завязки кальсон.*

И. Ильф, Е. Петров, «Золотой телёнок»

Евреев вряд ли можно назвать народом, исторически склонным к какому-то особому модному поведению. Их костюм определялся, во-первых, религиозными ограничениями, а во-вторых, обычаями народов, в среде которых они проживали в те или иные времена.

В древности еврейский наряд был похож на одежду арабских кочевых племен. Во время правления царя Соломона, в период расцвета Израиля, евреи могли даже позволить себе баснословную восточную роскошь. В эпоху Средневековья, после ухода евреев в изгнание, в их гардеробе появились темные наряды, но не из-за траура, а потому что тогда в Европе все так одевались.

На протяжении веков евреи диаспоры Запада носили свою особую одежду, что было продиктовано религиозными ограничениями, требованиями местных властей, а иногда и просто бедностью. Не стоит забывать, что часто наряд евреев был продиктован и унижительными требованиями Церкви:

«В 1215 г. Иннокентий III созвал церковный собор для принятия мер против еретиков и иноверцев во всех странах. Между прочим, собор выработал ряд унижительных законов для евреев... Но самой жестокой мерой в этом соборном уставе было установление „еврейского знака“. Ссылаясь на то, что в некоторых странах евреи не отличаются от христиан покроем своей одежды и поэтому легко смешиваются с ними, собор постановил, чтобы евреи обоего пола носили особую одежду, или особый знак на ней из яркой цветной материи. Позже было разъяснено, что этот знак должен состоять из круглого куса желтой ткани, прикрепляемого к шляпе или верхнему платью. Этот знак должен был служить позорным клеймом для всякого еврея»²².

А в Англии после Собора 1215 г. духовенство потребовало ввести дополнительный отличительный знак – цветную ленту размером 4 на 2 пальца, сделанную из шерсти и прикалываемую на верхнюю одежду.

В позднесредневековых городах Германии, Австрии, Богемии и Швейцарии евреи и вовсе были заперты в гетто, ношение ими позорного «еврейского знака» – желтого кружка на одежде или уродливой шляпы с рогами – было обязательным, а нарушителям грозил штраф.

В Риме подобные законы об отличительных знаках для евреев сохранялись и в просвещенном XVIII в.:

«Ношение отличительной одежды было обязательно для евреев, без различия пола и звания. Мужчины носили на голове желтую шапку (баррет), а женщины головной убор из куса желтой материи шириной в полтора локтя. С течением времени евреи переменили желтый цвет головного убора на оранжевый, а потом перешли к красному, так что „барреты“ мужчин были совершенно одинаковы с красными шапками кардиналов. Во избежание „соблазна“, приказали евреям вновь вернуться к желтому цвету»²³.

История этой унижительной насильственной «субкультуры» требует особой моральной оценки. Понятие субкультуры впервые ввел американский социолог, профессор Чикагского

²² Дубнов С. М. Краткая история евреев. М.: Юрайт, 2019.

²³ Там же.

университета Дэвид Рисмен (1909—2002) в 1950 г. Субкультура может отличаться от доминирующей культуры собственной системой ценностей, языком, манерой поведения, одеждой и другими аспектами. И можно было бы назвать евреев с их отличительными знаками на одежде первой субкультурой Запада. За основным исключением: субкультура – это группа людей, преднамеренно избирающих стиль и ценности, предпочитаемые меньшинством. Здесь об этом речи не было. Безусловно, ценности евреи выбирали сами, порой под угрозой смерти, однако отличительные знаки им были навязаны доминирующим христианским большинством. И это – одна из самых позорных страниц в истории костюма Запада. Этот пример как нельзя лучше показывает, что мода и костюм – вещи порой не то что не идентичные, а прямо противоположные.

Так или иначе, в одежде евреи следовали строгим предписаниям иудаизма. Одновременно еврейский наряд впитывал в себя особенности местных национальных костюмов.

К XIX в. в результате эмансипации из традиционной еврейской одежды остался лишь *талис*²⁴, который надевали во время молитвы, в праздники и по субботам. Одежда еврейских местечек – это одежда бедноты. Она занасивалась до такой степени, что первоначальный ее вид и фасон было трудно определить.

Во второй половине XIX в., в пору эмансипации евреев на Западе, различия между костюмами евреев и одеждой европейцев были незначительны, но с одной интересной оговоркой. Костюм евреев теперь отличался от одежды коренных жителей тем, что он был на сто лет старше европейского. Еврейская одежда середины XIX в. напоминала костюм баварских крестьян конца XVIII в. А в 1850—1870-х гг. их редингот середины XVIII в. был полным анахронизмом, – так же, как туфли с чулками и короткими штанами. Еврейские женщины в конце XIX в. стали одеваться по общеевропейской моде, но также с небольшой оговоркой. Они предпочитали шить платья по моде 10—20-летней давности. Толкователи Торы, принадлежавшие к наименее обеспеченному населению местечек, одевались в черные сатиновые или китайские зипуны с бархатными воротниками имеховые с бархатным верхом шапки (*штраймели*, или в другой транскрипции – *штройм.л*), которые порой переходили в наследство от предков и были очень старыми, даже ветхими. Шапки подобного рода составляли элемент национального костюма баварских крестьян XVIII в. Вообще многие детали еврейского костюма XIX в. сильно напоминали немецкую одежду предыдущего столетия. Архаичность в одежде можно объяснить стремлением поддерживать и соблюдать традиции, носить одежду отцов, а иногда – крайней бедностью. Традиционные лапсердаки, шляпы с высокими тульями, шапки *штрайм.л* можно до сих пор увидеть на хасидах, а современные ортодоксальные евреи зачастую надевают длинные сюртуки вместо лапсердаков или черные плащи, покроем напоминающие моду 1960-х гг.

Современная израильская, как и вообще ближневосточная, мода довольно специфична. В будни израильтянки одеваются очень просто, как в массе своей – европейки. Но по большим праздникам, вроде свадеб и бар-мицв принято надевать красивые платья, при этом платья должны быть с большой буквы: пышные, обильно украшенные, замысловатые и избыточные.

В общем, сложно найти на Западе более «немодный» народ, чем евреи. С другой стороны, портной – одно из главных занятий евреев в течение столетий изгнаний и скитаний, а классический стиль американской «золотой молодежи» второй половины XX в. в итоге создали люди, изначально далекие от этого общества, – выросшие на улицах Бруклина и Бронкса евреи Айзек Мизрахи, Марк Джейкобс и Ральф Лорен.

Так почему же речь пойдет о евреях, о великом народе без государства, народе, которому вера заменила его страну, народе, о котором редко вспоминают в связи с историей моды?

²⁴ Талис – прямоугольный кусок шерстяной ткани белого цвета с черными полосами по краям и кистями. Его надевали во время молитвы или в праздничные дни.

Почему именно о евреях мы будем говорить в самом начале нашей социальной истории моды, и совсем не в связи с современной американской модой? Постараюсь далее объяснить такой свой подход.

Общество раннесредневекового Запада – это классическая триада: *«те, кто молится; те, кто воюет; и те, кто пашет»*. Все остальные занятия – торговля товаром и торговля капиталом, презрительно называемая ростовщицеством, считались постыдными. Древнеримские производственные технологии и навыки, сами по себе довольно скудные, в «темные века» были утрачены. Население жило натуральным хозяйством, роскошью было обильное питание. Все более-менее ценные предметы потребления были преимущественно привозными.

У этого раннесредневекового христианского мира была отчетливая тенденция к замкнутости на самом себе, заимствованная латинянами от экуменического иудаизма. При этом он демонстрировал варварскую агрессию, которая проявила себя и в крестовых походах против мусульман и евреев, и в разграблении рыцарями-крестоносцами богатой христианской Византии. Он, точно завистливый мальчишка из неблагополучной семьи, мутузил богатеньких одноклассников на школьном дворе и отнимал у них понравившиеся игрушки. Штурм Константинополя в 1204 г., грабеж, поголовная резня единоверцев ничем, кроме зависти и злобы по отношению к богатым «отступникам», объяснить нельзя.

Французский историк-медиевист Жак Ле Гофф (1924—2014) приводит ужасающие свидетельства той бойни: *«Никогда еще с сотворения мира ни в одном городе не была взята подобная добыча»*, – говорит участник Четвертого крестового похода Виллардуэн, и ему вторит византийский хронист Никита Хониант: *«Сами сарацины более добры и сострадательны по сравнению с этими людьми, которые носят на плече знак Христа»*²⁵. И всё же основной враг Запада в те времена – это мусульманин, сражение с которым становится рыцарским идеалом. Официальной позицией главного морального авторитета – церкви – по отношению к этим неверным была священная война. Средневековому Западу была чужда любая веротерпимость. Единственным исключением, хоть и с большими ограничениями и только до начала крестовых походов (XI в.), оставались иудеи.

Одновременно как Византия, так и мусульманский мир раннего Средневековья²⁶ находились на неизмеримо более высоком материальном, культурном и техническом уровне, нежели мир Запада. И это замкнутое общество христианской средневековой Европы, враждебное к окружавшим его со всех сторон иноверцам и язычникам, тем не менее впитывало в себя всё ценное, что шло извне. На материальном и техническом уровне Запад совершил прорыв к концу Средневековья, и в первую очередь благодаря заимствованиям. Водяная и ветряная мельница пришли с Востока. Наука, обращенная к античным источникам, была сохранена арабами. Из Византии и исламского мира Запад долгое время получал всё, что выходило за пределы необходимого, – роскошные ткани, пряности, драгоценные украшения, прекрасное оружие. Ренессанс, последовавший за Средневековьем, был буквально вскормлен заимствованиями. Как написал Ле Гофф:

*«И если это общество сумело найти в себе ресурсы, которые позволили ему стать созидательной силой, а затем образцом и проводником для других обществ, то не следует забывать, что оно было вначале учеником, зависящим от всех миров, которые оно презирало и осуждало, но которые его вскармливали и обучали в течение долгого времени, когда оно было бедным и варварским и полагало, что может замкнуться в своей надменной уверенности»*²⁷.

²⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 136.

²⁶ Длилось оно около 6 веков – с 476 по 1100 гг.

²⁷ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 143.

После возникновения ислама в нач. VII в. весь доступный европейцам мир разделился на мусульман и христиан и на две империи – Восточную, со столицей в Константинополе, и Франкскую. Именно евреи в эпоху раннего Средневековья стали посредниками в этом разделенном между христианским Западом и мусульманским Востоком мире.

Что касается моды, то роль евреев в ее рождении – в торговле роскошью, которая долгое время была основой моды, в обмене техническими знаниями и информацией, в создании текстильной, в первую очередь – шелкопрядельной, промышленности Запада, в навыках обращения с капиталом, необходимых для торговли и создания этой промышленности, была огромна.

Евреи Средневековья – первые посредники между Востоком и Западом

*Странствующий жид – ... персонаж великой драмы Истории.
Из Ура в Халдее до Палестины и Египта, а потом
обратно в Святую землю и оттуда – в Ассирию, Вавилон и Египет
и в самые отдаленные города широко раскинувшейся Римской империи
путешествовал он в качестве кочевника и переселенца, беженца
и завоевателя, ссыльного и колониста, купца и ученого, монаха
нищенствующего ордена и паломника, коллекционера и посла.
Элкан Натан Адлер, «Дети Вечного Жида, или Увлекательное
путешествие по Средневековью»²⁸*

Роль евреев в истории моды трудно переоценить. Обучение Западу технологиям ткачества и шитья стало первым этапом в самостоятельном создании материального продукта моды. Запад должен был научиться не только потреблять роскошь, созданную на Востоке и добытую торговлей и грабежом, но и создавать ее самостоятельно. Научиться ткать, шить, изобретать свой дизайн, развить собственный вкус, делать из этого деньги, работать с капиталом и не стыдиться этого ни перед людьми, ни перед Богом. И этому Запад научился у Востока, не сразу, постепенно принимая и адаптируя поначалу чуждые ему идеи. Евреи стали посредниками и учителями в этом презируемом, а порой и смертельно опасном деле.

²⁸ Адлер Элкан Натан. Дети Вечного Жида, или Увлекательное путешествие по Средневековью. 19 рассказов странствующих еврейских ученых, купцов, послов и паломников. М.: Центрполиграф, 2014.

Изгнание и рассеяние

Храм для иудеев был истинным сердцем Иерусалима, он служил духовным центром всей еврейской нации. Восстание 66—73 гг. (Первая Иудейская война) привело, по свидетельству Иосифа Флавия, к истреблению 1 миллиона 100 тысяч евреев, храбро оборонявших свой город, и к сожжению Храма (70 г.). Разрушение Иерусалима и Храма положило начало рассеянию евреев по всему миру.

Начиная со II в. история евреев – это история приспособления многочисленных разрозненных общин к жизни без своего государства и Храма. Оторванные от родной земли и от привычного, унаследованного от предков образа жизни, еврейские изгнанники на новом месте обратились к занятию ремесленной, торговой и ростовщической деятельностью.

Жизнь евреев в диаспоре была не из легких и требовала постоянного выживания в условиях, как правило, враждебного окружения. Тем не менее раннее Средневековье было для них довольно спокойным временем, а в Испании наблюдался настоящий расцвет еврейской культуры.

Всё изменилось в XI в.:

«К концу XI века еврейские общины во Франции, Германии и других странах христианской Европы настолько размножились и окрепли, что их дальнейшее существование могло казаться обеспеченным. Можно было ожидать в будущем более или менее свободного культурного развития этих общин, по образцу испанских. Но эти ожидания не сбылись. В Европе произошли события, которые до основания потрясли жизнь евреев в христианских странах и обрекли их на бедствия, унижения и несправедливость в течение ряда веков»²⁹, – пишет российский еврейский историк еврейского народа, публицист и общественный деятель Семён Маркович Дубнов (1860—1941).

В 1096 г. начался Первый крестовый поход, который сопровождался истреблением еврейских общин по пути следования. Жак Ле Гофф пишет: *«В Первый крестовый поход³⁰ армия бедноты, как наиболее воодушевленная, тронулась первой, и, перебив по пути много евреев, она постепенно распалась и прекратила существование»*.

Крестовые походы продолжались вплоть до конца XIII в. Все они сопровождалось еврейскими погромами. Религиозная нетерпимость на Западе в эпоху Средневековья вплоть до Великой французской революции, принесшей иудеям эмансипацию³¹, всегда была нормой, но с XI в. положение евреев стало очень тяжелым.

Характерный для христианского Запада пример отношения к евреям – город Шпейер. В 1084 г. епископ Рудигер-Гозман пригласил в него евреев, чтобы таким образом «повысить уважение к городу». В 1096 г. во время Первого крестового похода там произошел известный еврейский погром. В дальнейшем город изгонял их неоднократно и без какого бы то ни было предупреждения. Так, евреи были изгнаны из Шпейера в 1405 г., однако в 1421 г. снова допущены в город; затем они были высланы в 1430 г., а через 4 года им опять разрешили вернуться... чтобы годом позже вновь изгнать. На сей раз их возвращение произошло лишь в 1465 г., незадолго до введения нового епископского законодательства о евреях в 1468—1472 гг.

В большинстве регионов Запада постоянная угроза погромов, изгнаний и насильственного обращения в христианство сделали землепользование практически невозможным для

²⁹ Дубнов С. М. Краткая история евреев. М.: Юрайт, 2019.

³⁰ 1096—1099 гг.

³¹ Решение Национального собрания предоставить евреям во Франции все гражданские права было утверждено королем Людовиком XVI (1754—1793) 28 сентября 1791 г. Победоносные наполеоновские войны проложили еврейской эмансипации путь и в другие страны Европы.

евреев. Со временем у европейских евреев вообще осталось право заниматься лишь теми видами деятельности, которыми пренебрегали приверженцы титульной христианской религии.

Необходимость выживать без земли тогда, когда она составляла основу всякого богатства и была основным средством производства, заставила евреев создавать новые экономические стратегии и новые структуры, сохранившиеся на многие века. Парадоксальным образом именно эти вынужденные стратегии оказали огромное позитивное влияние на экономику Запада. Вернер Зомбарт (1863—1941), немецкий экономист и социолог, на которого я еще не раз буду ссылаться, говоря о многовековом значении евреев, пишет в своем произведении «Евреи и их участие в образовании современного хозяйства»:

«Они [евреи] придали капиталистической организации ее особую форму еще тем, что создали целый ряд господствующих над современной экономической жизнью учреждений и приняли самое деятельное участие в выработке ряда других учреждений»³².

³² Зомбарт В. Избранные работы / Пер. с нем. Э. М. Зиновьевой. М.: Территория будущего, 2005. С. 152.

Евреи – купцы

О Великом шелковом пути и его колоссальном значении для установления первых в истории трансконтинентальных связей, для торговли роскошью и шелком известно практически каждому. Но мало кто знает, что торговлю по этому пути на протяжении раннего Средневековья (ок. VII—X вв.) контролировали еврейские купцы *раданиты* (или *рахдониты*). В рукописи «*Китаб ал-масалик ва-л-мамалик*»³³ описаны эти странствующие еврейские купцы, которые вели торговлю между исламским Востоком и христианской Европой по Шелковому пути и другим торговым маршрутам. Раданиты создали одну из первых в истории постоянных торговых сетей, простиравшуюся от Китая и Индии до Западной Европы. Ибн Хордадбех, вероятный автор «Книги путей и стран», пишет:

*«Эти купцы знают арабский, персидский, римский (то есть греческий и латинский), французский, испанский и славянские языки. Они путешествуют с Запада на Восток и с Востока на Запад, когда по суше, когда по морю. Они доставляют с Запада евнухов, рабынь, мальчиков, парчу, бобра, куницу и меха других животных, а также мечи... На обратном пути из Китая они везут мускус, алоэ, камфару, корицу и другие товары стран Востока в Аль-Колзом, откуда доставляют их в Фараму, где они опять грузятся на корабли и выходят в Западное море. Некоторые отправляются морем в Константинополь, чтобы продать свои товары римлянам; другие едут во дворец короля франков, чтобы сбыть свои товары ему...»*³⁴.

Успех еврейских купцов был связан с присутствием еврейских общин во многих странах Европы и Азии вплоть до Индии и Китая. Межконфессиональное напряжение между христианами и мусульманскими торговцами часто выливалось в запреты на заход купеческих судов в порты враждебной стороны. На еврейских купцов они обычно не распространялись.

Торговля раданитов пошла на спад лишь к концу X в. в связи с распадом Хазарии³⁵, где исповедовался иудаизм, и подъемом «национальных» торговцев, в особенности итальянских торговых республик. После ухода раданитов торговля по Шелковому пути стала чахнуть, а из рациона европейцев на несколько столетий пропали восточные пряности, однако привитый вкус к восточной роскоши остался.

Каковы же были преимущества евреев и предпосылки их феноменального успеха в области торговли? Ведь несмотря на жесткую конкуренцию с греками, армянами, сирийцами и арабами, еврейские торговцы добились значительных преимуществ в местной, и особенно – в международной торговле. Для Запада – империи Каролингов (800—888) и стран, возникших после ее распада, Восток был единственным источником предметов роскоши. На Западе купцы обладали пограничным, а иногда презируемым статусом. Острая религиозная вражда между мусульманами Ближнего Востока и христианской Европой препятствовала установлению прочных торговых связей: в условиях не просто неопределенности, а прямой опасности для жизни самих купцов и товара, отправляться в чужие земли осмеливались немногие. Таким образом, с разделением европейского и большей части азиатского регионов на сферы влияния христианства и ислама евреи стали связующим звеном в экономических и финансовых контактах между ними, что было связано с рядом причин.

³³ «Книга путей и стран» – самый ранний из сохранившихся до наших дней арабских географических трактатов, составленный в IX в. начальником почт северной Персии ибн Хордадбехом или, возможно, Саманидом Абу ал-Джайхани. Книга представляет собой краткое описание стран с указанием областей, дорог, торговых путей, расстояний между пунктами и сумм собираемых налогов.

³⁴ Цит. по: *Элкан Натан Адлер. Дети Вечного Жида, или Увлекательное путешествие по Средневековью. 19 рассказов странствующих еврейских ученых, купцов, послов и паломников.* М.: Центрполиграф, 2014.

³⁵ Хазарский каганат, Хазария (650—969).

Во-первых, евреи выступили торговыми посредниками между двумя регионами с принципиально различающимися правовыми системами. Если торговцы-христиане в основном действовали согласно обычаям и традициям, характерным для бывших провинций Византийской империи, то мусульмане в плане законов и обычаев придерживались одного из *Мазхабов*³⁶, а также веками складывавшихся в конкретном регионе местных устоев.

Относительное единство иудеев, проживающих в мусульманских и европейских государствах, в области религиозных и правовых норм давало им преимущества.

Во-вторых, христиан, владевших арабским языком, было очень немного, а арабов, говоривших на латыни или одном из европейских языков, – и того меньше. Евреи же могли использовать иврит как язык устного и особенно письменного общения во всех странах рассеяния.

В-третьих, евреи были рассеяны по странам Востока, и Запада. При этом было известно, что они солидарны друг с другом, дают приют, а также обеспечивают определенные личные и имущественные гарантии соплеменнику, в том числе и деловому человеку, прибывшему из дальних стран.

Крестовые походы и расцвет таких конкурентов, как Венеция, Пиза и Генуя, которые распространили свои торговые связи на весь Ближний и Средний Восток, нанесли большой ущерб еврейским купцам.

*«Бесправие евреев во Франции и Германии. Крестовые походы ухудшили общественное и экономическое положение евреев в Западной Европе. Передвижения масс из Европы в Азию сблизили эти части света, и христианские купцы вытеснили из области международной торговли ее прежних посредников – евреев. В самой Европе, по мере развития городской жизни, число торговцев-христиан росло, и евреи все более оттеснялись в область мелкой торговли. Удаленные от земледелия и многих промыслов, состоятельные евреи вынуждены были заниматься ссудой денег под проценты»*³⁷.

Это перемещение сфер деятельности оказало громадное влияние на оформление денежной системы Европы. Вернер Зомбарт, например, начинает свой исторический экскурс в историю влияния евреев на западную экономику с XV в. и показывает, какое колоссальное значение они продолжали оказывать на сам дух западного капитализма. Более того, его научная гипотеза состоит в том, что процессы переселения и изгнания евреев соответствуют расцвету экономики тех стран, в которые они привозили свои знания, организации и капиталы, и, соответственно, – упадку тех, откуда их изгоняли. Об этом же пишет и Семён Дубнов, описывая изгнание евреев из Испании в 1492 г.:

*«Значительная часть изгнанных из Испании и Португалии евреев нашла приют во владениях Турции. Турецкие султаны ценили трудолюбие и промышленные способности евреев и охотно допускали их в свое государство. Султан Баязет II, узнав об изгнании евреев и арабов из Испании, воскликнул: „Фердинанд Испанский – глупый король! Он разорил свою страну и обогатил нашу“*³⁸.

Далее в нашем исследовании мы наглядно увидим этот процесс, с которым рука об руку шло и перемещение центра европейской моды. Эта гипотеза очень существенна для исторической последовательности и структуры предлагаемого исследования моды, поэтому приведем обширную цитату из Вернера Зомбарта:

«Для развития современной хозяйственной жизни решающим фактом явилось перемещение центра тяжести мировых хозяйственных отношений и перенесение центра экономической энергии из круга южно-европейских наций (итальянцев, испанцев, португальцев) – к кото-

³⁶ Мазхаб – это богословско-правовая школа в Исламе. В настоящее время получили распространение четыре мазхаба: ханафитский, маликитский, шафитский и ханбалитский.

³⁷ Дубнов С. М. Краткая история евреев. М.: Юрайт, 2019.

³⁸ Там же.

рым примыкали некоторые южно-германские области – к северо-европейским народам: сперва к бельгийцам и голландцам, затем к французам, англичанам, северным немцам... Я имею в виду гипотезу, ставящую перемещение хозяйственного центра тяжести с юга Европы на север в связь с переселениями евреев»³⁹.

Мы не будем далее углубляться в историю еврейского купечества, его участия в европейской торговле, ярмарках, снаряжении морских экспедиций, в том числе финансировании экспедиции Колумба, коренным образом изменившей мировую торговлю. Всё это можно прочесть у Вернера Зомбарта. Отметим лишь 2 факта из этого исследования.

Первый – когда в 1550 г. венецианский сенат решил изгнать марранов (евреев, подвергшихся насильственному крещению, но продолжавших исповедовать веру предков тайно) и запретить торговлю с ними, то купцы-христиане заявили, что это равносильно их разорению, т.к. в руках евреев находилась в том числе торговля шерстью и шелком с Испанией. А это, как мы понимаем, – основа текстильной отрасли той эпохи.

Второй факт – анализ структуры товарного оборота в период после открытия европейцами Америки (1492 г.) говорит о том, что именно евреи революционизировали старые формы торговли. И они опять же касались текстильной промышленности. Так, в аристократические XVII и XVIII вв. это были предметы роскоши, в том числе шелк и шелковые товары, а торговля ими находилась в руках евреев благодаря традиционным связям с Востоком. Но в эти же столетия к ним начинают присоединяться более массовые продукты быстроразвивающейся текстильной промышленности, в том числе хлопок, иностранные хлопчатобумажные товары (ситцы), индиго и пр. В Великобритании евреи стали принимать активное участие в производстве и торговле тканями – главным двигателем индустриальной революции. Одним из них был Натаниэл Майер Ротшильд II (1840—1915), первый еврей, который вошел в палату лордов, начавший производство хлопчатобумажных изделий (в частности, военной формы) в Манчестере в 1797 г. Семья Ротшильдов – семья банкиров, финансовых магнатов и филантропов. Фамилия Ротшильд стала и более полутора веков оставалась, – как для евреев, так и для неевреев, – именем нарицательным, символом богатства и могущества.

³⁹ Зомбарт В. Избранные работы / Пер. с нем. Э. М. Зиновьевой. М.: Территория будущего, 2005. С. 146, 148.

Евреи – первые банкиры Запада

Финансовый капитал, умение грамотно распорядиться им, вложить не в роскошь и потребление, а в дело – один из ключевых, определяющих факторов расцвета Запада, основа капитализма. И этому европейцы учились у евреев. Поэтому нам важно осветить эту тему в социальной истории моды. Ведь мы ищем в том числе причины того, почему мода возникла именно на Западе.

Выдающиеся позиции евреев в области финансов и денежного обращения давно привлекали внимание ученых. Вернер Зомбарт в уже указанной ранее работе «Евреи и хозяйственная жизнь», считал евреев обладателями особых финансовых талантов. Говоря о роли евреев в развитии финансовой сферы Запада, он утверждал:

«...в хозяйственном мире не столько важно изобретение само по себе, сколько „эксплуатация“ этого изобретения... Для хода и направления хозяйственного развития решающим моментом является не то, что какая-нибудь умная голова додумывалась у себя дома до теоретической идеи, скажем, о продаже в рассрочку; важнее было то, имелись ли налицо люди, обладавшие желаниями и способностями, необходимыми, чтобы ввести в употребление эту новую форму торговых отношений»⁴⁰.

Российский еврейский историк Семён Дубнов полагал, что особая вовлеченность евреев в финансовые занятия – результат скорее исторических обстоятельств.

Как бы то ни было, евреи стран рассеяния были вынуждены искать немногие незанятые ниши в экономической системе. В эпоху Средневековья на Западе такой нишей была выдача денежных ссуд. Основной причиной незанятости этой сферы был запрет, наложенный христианской Церковью на взимание процентов. Ссылаясь на Священное писание, в котором сказано: «взаимы давайте, не ожидая ничего», в 1139 г. на Втором Латеранском соборе папа Александр III объявил, что виновные во взимании процента лишаются причастия и христианского погребения. А Третий (1179 г.) и Четвертый (1215 г.) Латеранские соборы подтвердили запрет христианам на выдачу займов под проценты. Это привело к тому, что ссудное дело в эпоху Средневековья стало прерогативой в основном евреев.

Осмелюсь предположить, что кредитование могло бы стать большой проблемой во времена Средневековья, т.к. в том числе и иудаизм осуждал ростовщичество. И, возможно, мы никогда не дождались бы взлета западной цивилизации, ведь без ссудного капитала экономика развиваться не в состоянии. Однако насущная необходимость преодолела религиозные ограничения. Евреи смогли стать активными участниками финансового процесса, т.к. они находились в более благоприятном положении. Составляя в национальной структуре населения весьма скромную по численности группу, они без проблем соблюдали запрет на взимание ссудного процента с единоверцев, потому как не имели недостатка в заемщиках иных вероисповеданий. К тому же у них имелся многовековой опыт финансовой деятельности, обретенный на Востоке.

Говоря об истоках финансовой деятельности евреев, скажем, что развитие товарной экономики и торговли началось у евреев позже, чем у других приморских народов древнего Средиземноморья, и первые знания в этой области евреи приобрели у финикийцев, египтян и греков. С вавилонским пленением в Эрец-Исраэль наступила хозяйственная катастрофа, но именно в Вавилонии были заложены основы экономики и финансов диаспоры.

По возвращении из вавилонского пленения (VI—V вв. до н.э.) в Иерусалиме возникли зажиточные династии сборщиков налогов и землевладельцев, занимавшиеся финансовыми операциями и отдававшие накопленные средства на хранение в Храм, который стал подобием

⁴⁰ Там же. С. 142.

национального банка. Особая роль Храма как финансового центра была связана с податями, с паломничествами в Иерусалим и деятельностью менял у Храма⁴¹.

В древнейших центрах диаспоры – Вавилонии и Александрии – евреи активно занимались ссудными операциями, налогами и взиманием таможенных сборов. Иосиф Флавий свидетельствует, что еврейский откупщик налогов мог дать колоссальный заем в сумме до трёх тысяч талантов. Откупщик налогов, некто Александр Лизимах, дал займы Агриппе I 1,2 млн драхм, а также был кредитором матери императора Клавдия – Антонии.

В дальнейшем раздел Римской империи на Западную и Восточную (395 г.), к которой отошла Эрец-Исраэль, длительные войны между Византией и Персией на территории Эрец-Исраэль (VI—VII вв.) разрушили еврейское сельское хозяйство. Это создало почву для миграции евреев на территории, подпадавшие под власть арабских халифов. В условиях быстрого развития торговли и городов в Багдадском халифате большинство евреев мигрировали из сельских районов в города и перешли к городским занятиям – торговле, ремеслу, денежным операциям. Еврейские торговцы получали большие доходы от прибыльной торговли драгоценными металлами, пряностями и шелком, рабами, бобровым и кунным мехом.

В мусульманском мире среди еврейских финансистов возникла форма аккредитива *суфтайя*, поскольку перевозка значительных денежных ценностей была связана с опасностями. Первоначальные запреты на использование денежных документов вместо наличных средств, как и иные запреты и ограничения на финансовые операции, содержащиеся в Талмуде, были смягчены решениями *гаонов*⁴² Вавилонии. В спокойные времена раннего Средневековья на Востоке прибыли от денежных операций были огромны. В то время в крупных городах, таких как Багдад, Каир, Александрия, Кайруан, Фес, Кордова, сложились финансовые кланы евреев, нажившие себе колоссальные состояния денежными сделками.

С разделением европейского и большей части азиатского регионов на сферы влияния христианства и ислама евреи стали важным связующим звеном в экономических и финансовых контактах двух ареалов.

Правление Меровингов (с 481 г.) было тяжелым для евреев из-за постоянных гонений и принуждения к насильственному крещению. Однако и тогда они занимались в Галлии налоговыми откупами и ссужали часть доходов сановникам двора.

«Падение государства Меровингов и создание империи Карла Великого избавили на время евреев Франции и Германии от преследований (768—814 гг.). Этот могущественный монарх не поддавался влиянию духовенства и покровительствовал евреям, которые тогда были главными двигателями торговли и промышленности в Европе», – пишет о начавшемся затем спокойном и продуктивном как для евреев, так и для Запада периоде Семён Маркович Дубнов. В эпоху Каролингов евреи вернулись в Рейнскую область, оставленную перед падением Рима, и многие из них занимались выдачей ссуд под обязательства или под участие в будущих доходах торговцев-христиан.

С XI в. с началом внутренних междоусобиц заканчивается расцвет цивилизации Востока. *«Вместо Палестины и Вавилонии, центрами еврейства делаются Испания, Франция, Германия и другие европейские страны. В руках евреев находилась тогда значительная часть международной торговли, они издавна были промышленными посредниками между Азией и Европой, и поэтому им нетрудно было переместиться с Востока на Запад»*⁴³. И вместе с этим мы

⁴¹ Тех самых, что, согласно Евангелию, изгнал из Храма Христос. Ин. II, 13—25: Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул.

⁴² Гаоны – духовные лидеры еврейского народа, бывшие высшим авторитетом в толковании Талмуда и применении его принципов при решении галахических вопросов (конец VI – середина XI вв.).

⁴³ Дубнов С. М. Краткая история евреев. М.: Юрайт, 2019.

наблюдаем начало общего подъема западного мира, и евреи с их знаниями и навыками ведения дел сыграли в этом процессе не последнюю роль.

Однако, как отмечает Семён Дубнов, *«в первый период [раннее Средневековье], когда число евреев в Европы было еще невелико, они жили сравнительно спокойно и лишь редко подвергались гонениям со стороны окружающих народов, переходивших тогда от язычества к христианству. Во второй же период, по мере своего размножения, евреи всё чаще подвергаются со стороны христиан притеснениям и преследованиям, которые в нескольких странах кончаются полным изгнанием еврейских жителей»*⁴⁴.

Водоразделом в этом отношении можно считать 1096 г., когда Германия и Франция приняли участие в Первом крестовом походе. К тому же с подъемом экономики усиливаются и городские общины Запада. Они начали проявлять стремление избавиться от еврейских конкурентов. Во Франции, Англии, Германии, Австрии, в Северной и Центральной Италии евреи были выдавлены практически из всей хозяйственной жизни и, чтобы заработать на жизнь, они активно занимались выдачей ссуд. Дубнов пишет, насколько неустойчивым, а иногда и смертельно опасным, было положение евреев в этих странах. Так, Третий крестовый поход сопровождался погромами в Англии, где евреи занимали видное место в финансовой сфере:

*«На этот раз приготовления к крестовому походу сопровождались нападениями черни на евреев в одном из трёх союзных государств — в Англии. Еврейские общины в Англии, усиленные притоком переселенцев из соседней Франции, занимали в XII веке видное место в промышленной жизни страны. Евреи жили в Лондоне и других городах, занимаясь торговлей и банковскими операциями. Короли давали им свободу передвижения, купли и продажи по всей стране, но взимали за это огромные налоги. Среди евреев Лондона и провинциальных городов встречались богатые люди, жившие в каменных домах, „подобных дворцам“. Крупные купцы и банкиры обращали на себя внимание, возбуждая алчность королей и зависть христианского населения, которое считало всех евреев богачами. Эти чувства, в связи с религиозным фанатизмом, подготовили почву для взрыва народных страстей накануне Третьего крестового похода»*⁴⁵.

Всё это закончилось страшным погромом 1189 г.

Параллельно с начавшимся тогда в Европе передвижением населения нарастала и естественная потребность в операциях по обмену денег и чеканке монет – традиционных занятиях евреев. *Меняльное дело* не было связано с получением процента, однако и здесь евреи успешно противостояли конкуренции: они обладали обширной сетью межрегиональных связей с единоверцами, потому четко ориентировались во множестве курсов денег, умели разоблачать подделку монеты и постоянно следили за экономическими процессами во всём известном тогда мире.

И всё же главной формой финансовых операций оставалось ссудное дело. В дополнение к выдаче кредита под долговые обязательства распространилась форма кредита под заклад движимого и недвижимого имущества.

В Испании XIII в. новые христианские правители испытывали потребность в услугах образованных евреев и потому игнорировали предписания церковной власти на запрет евреям занимать государственные должности:

*«Испанские короли имели при себе министров и советников из евреев. Так, при дворе кастильского короля Альфонса Мудрого (1252—1282 гг.) занимал должность государственного казначея (министра финансов) еврей Меир де Малеа, а по смерти Меира эта должность перешла к его сыну»*⁴⁶.

Так продолжалось практически вплоть до изгнания евреев в 1492 г.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

В Италии, несмотря на ожесточенное сопротивление городских гильдий, деятельность еврейских банкиров развивалась под негласной защитой папства. Со второй половины XIII в. еврейские банкиры распространили свое влияние из папских земель на территорию Центральной и Северной Италии: сначала на малые и средние, а затем и на крупные города.

Венецианцы дали право евреям выдавать кредиты под обязательства в 1366 г., а в 1437 г. Козимо Медичи, «хозяин» Флоренции, позволил евреям учредить четыре кредитных банка. В целом в Италии еврейские кредитные банки достигли расцвета в XV—XVI вв. Их владельцы – семьи де Пиза, Вольтерра, Норса, дель Банко, Риети и Тиволи, подобно семье Росси в Мантуе, вели образ жизни состоятельных людей эпохи Возрождения, занимаясь искусствами и науками и покровительствуя им.

К XV в., однако, усилилась антиеврейская пропаганда францисканцев, что послужило толчком к созданию в Сиене первых христианских ссудных и депозитных банков в Европе. Вначале это были т.н. *monti di pietà* («горы благочестия») – разновидность «касс взаимопомощи» или «кредитных кооперативов». Суть их состояла в том, что во время церковной службы зажиточные горожане собирали пожертвования. Из образовавшейся денежной «горы благочестия» выдавались беспроцентные ссуды малоимущим. Такие *monti di pietà* в начале XV в. стали возникать во многих городах Италии, а также во Франции и Испании как альтернатива ростовщикам. Однако вскоре стало ясно, что при беспроцентных ссудах капитал «гор благочестия» быстро истощается. И католическая церковь уступила экономическим реалиям, признав, что до 8% годовых является «нравственным процентом» и не считается грехом.

Конкуренция со стороны банковской сети *monti di pietà*, ужесточение политики пап в период Контрреформации привели к тому, что еврейские финансисты постепенно уходят из Италии. Одновременно приходит в упадок и вся Италия. Деятельность еврейских финансистов постепенно перемещается в Англию, Нидерланды, Германию и Австрию вместе с экономическим подъемом в этих регионах. В германских княжествах с формированием режима абсолютных монархий даже возникает статус придворных евреев – казначеев и откупщиков. К XVII—XIX вв. еврейские финансы распространили свое влияние на торговое кредитование и акционерное дело. Символом таких финансов XIX в. стал клан Ротшильдов, распространивший свою активность на страны Европы от Англии и Италии до России. Их имя и на следующие века стало нарицательным для обозначения финансового могущества.

Евреи – ткачи и шелководы

*Тот, кто не обучает своих сыновей ремеслу, учит их разбою.
Древняя еврейская мудрость*

Евреи могли предложить Западу не только свою ученость, капиталы и умение торговать, но и навыки *производителей*. Роль евреев в становлении ткачества и шелководства на Западе нуждается в отдельном рассказе. Хотя, признаюсь, сведения об этом носят весьма разрозненный характер, и многие выводы я делала путем сопоставления фактов.

Очевидно, что искусство ткачества – это материальная база моды. Также, как мы уже выяснили ранее, оно было практически полностью заимствовано Западом у Востока в эпоху Средневековья. Строго говоря, наследовать в области ткаческих технологий Западу от Рима было особенно нечего. Античное ткачество уступало в техническом отношении древневосточному. Римский ткацкий станок был гораздо примитивнее древнеегипетского. Единственным вкладом Рима в ткацкую технику было создание рациональной конструкции челнока. Сложные, искусные, ручные операции ткача требовали личного мастерства ремесленника, и знания эти были утрачены в смутные времена распада Римской империи. Технологии раннего Средневековья имели значительно более низкий уровень по сравнению даже с уровнем, достигнутым античностью.

И всё же около XII—XIII вв. мы наблюдаем всплеск в области технологий, который ничем, кроме допуска в западное общество неких носителей знаний и умений, объяснить невозможно. Рискну предположить, что евреи сыграли здесь не последнюю роль.

Евреи из Северной Африки и с Ближнего Востока, обладавшие обширными профессиональными знаниями в самых разных областях, накопленными за столетия, прибывали в период Средневековья на Запад. Они основали там новые для Европы отрасли производства и ремёсла. В особенности это касалось текстиля.

Надо отметить, что история ткачества у евреев к Средневековью насчитывала уже много столетий. В библейский период холст и шерсть были основным текстильным сырьем. Эрец-Исраэль изобиловал шерстью, а Вавилония славилась холстом. В талмудический период начинается выделка тканей из новых материалов – хлопка (*цемер гефен*), льна (*кутна*; ныне это слово означает хлопок), верблюжьей шерсти, пеньки и даже шелка; входят в употребление ткани из смеси пеньковой и холстяной нити; упоминаются козья и кроличья шерсть.

Ткачество было одним из традиционных занятий домашнего хозяйства, но наряду с этим существовало и развитое ремесленное производство тканей.

Глубокие корни традиции производства тканей у евреев уходят корнями в их религиозные ограничения и требование избежать т.н. *ша'атнез* – частный случай запрета *кил'аим*⁴⁷.

Ша'атнез – это ткань, которая состоит из смеси шерсти и льна, а также одежда, сшитая из такой ткани. Законоучители Талмуда запретили также сидеть и лежать на тканях, попадающих под определение *ша'атнез*, равно как и использовать их каким-либо иным способом.

Эти ограничения привели к тому, что иудеи были вынуждены постоянно контролировать и самостоятельно производить всю используемую ими ткань и одежду, где бы они ни находились. Поэтому во всех своих скитаниях они привозили с собой свой многовековой опыт и умения в ткачестве. Для Запада это были совершенно новые технологии.

⁴⁷ Кил'аим (буквально – «разнородное») – шесть видов смешения, запрет на которые Талмуд выводит из двух библейских текстов: «Скота твоего не своди с иною породою; поля твоего не засевай двумя родами семян; в одежду из смешанной ткани, из шерсти и льна, не одевайся» (Лев. 19:19) и «Не засевай виноградника твоего посевом разнородным... Не паши на воле и осле вместе. Не надевай одежды ша'атнез из шерсти и льна вместе» (Втор. 22:9—11).

В Средние века значительная роль евреев в ткацком производстве в странах Средиземноморья объясняется также их широким участием в торговле тканями, в первую очередь шелковыми. Упоминаемые в источниках этого времени еврейские купцы – обычно торговцы тканями.

Освоение производства шелка и производных тканей (бархата, парчи) было стартовой точкой для создания собственной индустрии роскоши и моды на Западе. Однако шелковое производство долго не было известно феодальной Европе, не имевшей своей сырьевой базы. В VI в. (ок. 553—554 гг.) по заказу императора Юстиниана I (527—565) яйца тутовых шелкопрядов были тайно вывезены из Центральной Азии в Константинополь, что положило начало византийской индустрии шелкопрядения, где еврейские ремесленники заняли самое видное место. *«Значительные общины [евреев] находились в столице Константинополе и в торговом приморском городе Салониках. Евреи занимались различными промыслами, в особенности шелководством и изготовлением шелковых и пурпурных тканей. Из ремесел наиболее распространенным было красильное, и „еврейская краска“ славилась в тогдашней торговле»*, – пишет Семён Дубнов в своей «Краткой истории евреев».

Известный путешественник XII в. Биньямин из Туделы упоминает евреев, занимавшихся выделкой шелка и пурпуровых тканей, в Фивах, Салониках и Константинополе.

Уже в правление Юстиниана I шелкопрядение стало монополией государства, а на Западе его всё еще не было. Однако затем культура шелковичных червей попадает на Сицилию и в Южную Италию. При этом, как нам известно из предыдущей главы, в 1147 г. король Сицилии Рожер II вторгся в византийские центры по производству шелка – Коринф и Фивы – и вывез работников, большей частью евреев, в Южную Италию. Там их знания и навыки помогли не просто создать местную шелковую промышленность, но и привели ее к процветанию. Таким образом, искусство шелкопрядения попало из Византии на христианский Запад через Южную Италию при посредничестве евреев-ткачей.

Что касается мусульманской Испании, то евреи там были заняты в производстве шелка и шерстяных тканей на Мальорке, в Барселоне, Валенсии и Сарагосе. В Сарагосе евреи выделяли простой текстиль и красили ткани. В некоторых испанских городах еврей-ремесленники составляли столь значительную часть населения, что начали создавать собственные гильдии. Шелководство в Испании являлось одной из важнейших отраслей еврейского ремесла, оно процветало здесь еще в X в. Об этом сообщает еврейский ученый, меценат и политический деятель Хасдай ибн Шапут (915—970/990?) в своей переписке с правителем Хазарского каганата Иосифом. Шелковые ткани, производимые евреями в Испании, широко приобретались в придворных сферах.

Альгамбрский эдикт 1492 г. привел к массовому исходу евреев из Испании, а затем Португалии. После распространения указа об изгнании евреев из Испании на Сицилию власти Палермо и некоторых других городов протестовали против этого, резонно отмечая, что *«в этой стране почти все ремесленники — евреи. Если они исчезнут, сразу возникнет нехватка многих товаров, ибо христиане привыкли получать от них множество изделий»*. И действительно, после изгнания евреев и сарацин когда-то процветавшая испанская текстильная промышленность пришла в упадок.

Напротив, Медичи во Флоренции открыто зазывали к себе евреев и предоставили им для жительства город Ливорно. Сефардов приняла к себе Венецианская республика, специально расширившая для этого границы гетто. Множество евреев поселилось и в Папском государстве, прежде всего в Анконе и в Риме, где их объявили находящимися под защитой церкви. В результате в XIII—XIV вв. Болонья, Лукка, Генуя, Венеция становятся центрами производства шелковых тканей в Италии.

Кроме итальянских городов-государств, испанские и португальские евреи поселились в Амстердаме и Антверпене, а в Гамбурге марраны получили возможность открыто исповедо-

вать иудаизм. Среди них были не только финансисты, кораблестроители, коммерсанты-импортеры, ювелиры, но и ткачи. В XIII—XVI в. Италия и Нидерланды уверенно лидировали в производстве тканей.

Во Францию марраны стали переселяться с 1550 г. В южную Францию приехало около 200 семей марранов, которых власти официально называли «португальскими купцами». Они прибыли со значительными капиталами, с налаженными торговыми связями, и это сразу дало импульс экономике страны. Французская корона предоставила беженцам письма о натурализации, которые фактически уравнивали их с местными жителями. «Португальские купцы» внешне соблюдали христианские обряды, но втайне сохраняли верность иудаизму. К концу XVII в. община богатых иудеев, которая жила в Париже, постепенно перестала скрывать еврейство, а Франция стала абсолютным лидером сначала в шелкоткачестве, а затем и в моде.

Евреи – красильщики

Важным аспектом материального воплощения моды в ткани было придание ей цвета, т.н. *крашение*, что было традиционным занятием евреев. Согласно библейскому сказанию, Иаков выделил Иосифа из прочих сыновей своих двухцветным нарядом, т.н. *ктонет пассим*⁴⁸. В Песне Деборы⁴⁹ цветные и отделанные разноцветной вышивкой одежды (Суд. 5:30) названы в качестве богатой добычи, которую враги мечтали захватить у израильтян.

*Ведь они добычу взяли,
Меж собой добычу делят;
Кто одну рабу умыкал,*

*Кто и двух забрал в сражение;
Ткань цветную для Сисеры,
Тканей вышитых добычу.*

В библейских текстах шерстяные, льняные и, реже, шелковые нити и ткани упоминаются большей частью без указания их окраски. Вместе с тем, три названия цвета из тридцати, встречающихся в Библии, применяются для обозначения материй, скорее всего шерстяных, для изготовления полотнищ скинии, парадных одежд, поясов, цицит и т. д. Это *тхелет* («шерсть голубая»), *аргаман* («шерсть пурпуровая») и *тола'ат шани, кормил* («шерсть червлёная»).

Для крашения *тхелет* лилово-черный краситель добывали из пурпурных улиток (иглянок), водившихся на побережье Средиземного моря. Для *аргаман* применяли тот же краситель с примесями, а темно-красный краситель для *тола'ат шани* изготавливали из дубовой тли. Сосуд с истолчёнными иглянками был обнаружен в красильне довольно сложного устройства VII—VI вв. до н.э., открытой в Тель-Бет-Мирсима. В северной части Ашдода была раскопана красильня рубежа н. э. В Галилее существовал целый город красильщиков Мигдал Цабба'ая, который был разрушен в ходе I Иудейской войны. Таким образом, судя по данным раскопок, занятия крашением даже после восстания Бар-Кохбы⁵⁰ в таких центрах ткацкого производства, как Бет-Шеан и Лод, говорят о многовековом развитии крашения в Эрец-Исраэль в качестве специфического, часто наследственного ремесла.

Судя по историческим данным о крашении в Эрец-Исраэль, нити льна и шерсть для прядения отбеливали на солнце, смочив предварительно водой, иногда с примесью щелочи, а возможно, и мыльного корня. В качестве протравы применяли, в зависимости от рода сырья и красителя, известь, квасцы, калий, органические кислоты и т. п. Процесс горячего крашения в кипящем красителе был кратковременным, интенсивность окраски достигалась либо повторным погружением сырья в тот же краситель, либо сочетанием двух красителей. Судя по данным Талмуда, для крашения более дешевых материалов применялись: красно-желтый краситель, получаемый из корней марены (ее выращиванием вплоть до начала XX в. занимались

⁴⁸ Быт. 37:3; буквально «полосатая рубашка», в русском переводе Библии – «разноцветная одежда».

⁴⁹ Дебора – героиня библейской книги Судей, одна из семи пророчиц эпохи Судей (XII—XI вв. до н.э.) Вдохновительница и руководительница войны еврейского ополчения против ханаанейского царя Явина. Одержала победу над ханаанеями. В память об этой победе Дебора сложила благодарственный гимн Богу, известный под названием «Песнь Деборы» (Суд. 5). Датировки этого фрагмента разнятся от ~1200 года до н.э. до VIII в. до н. э. Этот текст считается древнейшим сохранившимся образцом древнееврейской поэзии, равно как и одним из древнейших по происхождению мест в Библии.

⁵⁰ Восстание Бар-Кохбы – восстание иудеев против римлян при императоре Адриане, в 132—136 гг., под предводительством Шимона Бар-Кохбы. Одно из важнейших событий в истории еврейского народа, завершающее так называемый «период Второго Храма». Это восстание было очередной безуспешной попыткой восстановления еврейской государственности.

горские евреи), синий – из листьев вайды красильной, желто-коричневый – из скорлупы ореха или кожуры граната.

В Средние века изготовление красителей и крашение считались на Западе в основном еврейскими занятиями. Евреи успешно развивали производство красителей в Греции и Италии, широко занимаясь также их экспортом и импортом из Индии. Биньямин из Туделы отмечал встречи с евреями-красильщиками в ряде городов Эрец-Исраэль, в том числе в Иерусалиме. Король Балдуин II Иерусалимский (1118—1131) выделил иерусалимским красильщикам особое здание под мастерскую. В 1231 г. германский император Фридрих II, введя монополию на шелкоткачество и крашение, поручил их внедрение евреям из Трани (Италия). Евреи были ведущими изготовителями красителей в Монпелье (Франция), а в Испании, где на существование еврейской гильдии красильщиков указывал в респонсах⁵¹ Шломо бен Аврахам Адрет (1235—1310)⁵², славились красильни Сарагосы и других городов, перешедшие при изгнании евреев (1492 г.) в руки новых христиан.

⁵¹ Респонсы – жанр раввинистической литературы, письменные разъяснения и решения по галахическим и судебным вопросам, которые даются признанными учеными в ответ на запросы общин и отдельных лиц.

⁵² Комментатор Талмуда, авторитет в области Галахи.

Старьевщик, портной, кутюрье

Где же мой рай? Или я его еще не выкроил?
И. Эренбург, «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца»

Каждый человек совершенен. Я должен изготовить костюм, который помогает ему верить, что он может достичь своей мечты.
Портной американских президентов, переживший Освенцим, Мартин Гринфилд, Автобиография «Мерка человека»

Хорошая одежда развивает чувство собственного достоинства.
Сэр Монтегю Бертон (Меше Давид Осинский)

В Нью-Йорке на Седьмой Авеню сидит бронзовый портной и что-то строчит на своей швейной машинке. Памятник расположен в районе Манхэттена, давно заслужившего славу «портняжного» или «модного», а Седьмая Авеню так и называется – *Fashion Street*. Считается, что памятник посвящен Айзеку Зингеру (настоящее имя – Исаак Меррит Зингер) – изобретателю швейной машинки и выходцу из семьи еврейских эмигрантов из Германии. Однако члены американского профсоюза дамских портных, который спонсировал установку памятника, уверены, что он посвящен всем швейным работникам США. Национальная принадлежность Портного, судя по кипе на голове, не вызывает сомнений. Автор скульптуры, Джудит Веллер из Тель-Авива, выбрала в качестве модели своего отца – портного.

Место также выбрано не случайно: со времен зарождения Манхэттена и до середины XX в. Седьмая авеню славилась огромным количеством ателье. Гармент-дистрикт, что переводится как «район одежды», имел общую площадь меньше квадратной мили, однако отвечал за большую часть готовой одежды в США. Тысячи иммигрантов – евреев, итальянцев и ирландцев – нашли работу в мастерских и ателье на Седьмой авеню.

Почему же портняжное дело считается еврейской профессией? Есть в ней и независимость, и достоинство. Портной работает на себя и скорее сам станет командовать заказчиками, чем позволит командовать собой. У хорошего мастера есть собственное мнение обо всём на свете – о работе, фасоне, материи, и даже о высоких материях. Это профессия индивидуалистическая и творческая. К портному идут за особенным, личным костюмом. Портной умеет завуалировать недостатки и подчеркнуть достоинства. Наконец, эта работа требует понимания психологии людей и постоянного общения, ну как же – а поговорить? Сложите всё это вместе – и вот перед вами еврей.

Слово «портной» (на иврите – *хаят*) впервые было употреблено в *мишнаитских*⁵³ текстах, в Талмуде портные также упоминаются достаточно часто. Как я уже отмечала выше, евреям необходимо было придерживаться в одежде ряда ритуальных правил, особенно *ша'ат-нез* или *цниют*⁵⁴, поэтому практически у каждой еврейской общины имелся свой портной.⁵⁵

Еще одной причиной популярности этого ремесла у евреев была их ростовщицкая деятельность. Истоки множества еврейских ремесел берут свое начало в практике выдавать ссуду под залог вещей – одежды, мебели, ювелирных изделий. Если ссуда не была возвращена вовремя, держатель залога имел полное право оставить его себе. Что-то действительно

⁵³ Мишна – первый письменный текст, содержащий в себе основополагающие религиозные предписания ортодоксального иудаизма.

⁵⁴ Цниют («скромность») – свод правил, определяющих для верующей еврейки повседневную жизнь, включая и внешний вид.

⁵⁵ См.: Портняжное дело / Краткая еврейская энциклопедия. Т. 6. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1992. Кол. 680—684.

использовалось лично, но подавляющая часть предметов чистилась, чинилась, переделывалась с целью дальнейшей перепродажи. Такая возможность имела, потому что торговля подержанными вещами не подпадала под запреты, налагаемые на деятельность евреев. Например, в период Контрреформации евреи перепродавали жителям Рима подержанные предметы гардероба, которые до этого скупались у знати и духовенства. Всё это косвенно помогало зарабатывать портным и красильщикам:

«По свидетельству одного путешественника, посетившего Рим в 1724 г., в еврейском квартале, состоявшем из двух больших и шести малых улиц, жило в крайней тесноте около 3000 семейств, т.е. 20—25 тысяч человек. Большинство их занималось мелкой торговлей и ремеслами. Улицы гетто были усеяны лавками и лавочками, где торговали всем, начиная со съестных припасов и кончая старым платьем. Торговля старьем особенно поощрялась римскими властями, как „привилегированное“ занятие старого народа; старьевщики имели право обходить христианский город для закупки подержанных вещей и даже иметь склады своих товаров вне гетто. Из ремесел самым распространенным было портняжесство. „Часто в летнее время, — рассказывает современник, — видишь сотни портных, сидящих за своей работой на улицах, возле дверей своих жилищ. Женщины изготовляют тут же пуговицы и петли для пуговиц. Эти мастерицы так усовершенствовались в своем ремесле, что портные других народностей из всего города заказывают им изготовление пуговиц и петель. В общем три четверти евреев (ремесленников) суть портные, а прочие занимаются другими ремеслами“»⁵⁶.

Указанную взаимосвязь между трудом портного и торговлей подержанными вещами в Италии можно проследить до начала XX в. Как и в Испании, местные евреи начали создавать профессиональные союзы. Так, в Риме еврейская портняжная гильдия существовала с XV в.

В Центральной Европе специализация евреев в портняжном искусстве была также обусловлена законами о *ша'атнезе* и торговлей подержанной одеждой. Однако здесь значительным стимулом для развития портняжного дела послужила также и Тридцатилетняя война (1618—1648), во время которой евреи снабжали армию форменной одеждой. По данным Краткой еврейской энциклопедии, в 1724 г. в Богемии из 3093 глав еврейских семейств 182 были портными⁵⁷.

В Праге шло постоянное соперничество между христианскими и еврейскими портняжными гильдиями. В ход пошло обвинение еврейских портных в нелегальной торговле новым платьем в обход запретов, что послужило одной из причин изгнания евреев из города в 1745 г.

В XVIII в. количество еврейских портных серьезно выросло: если в начале века на одну еврейскую общину в Моравии приходилось от одного до трёх портных, в конце века их было уже от четырех до двенадцати⁵⁸.

В эмансипированном XIX в. евреи смогли перейти от торговли подержанным платьем к промышленному производству новой одежды. Показательна в связи с этим история семьи торговца старой одеждой Аврахама Манделя (ум. 1836 г.) из городка Простеев в Моравии, специализировавшегося на перешивке мундиров в гражданское платье. Его сын Моше (1792—1862) открыл собственный магазин подержанного платья и с 1840 г. начал продавать новую одежду. А сын Моше, Меир Мандель (1820—1888), построил в 1859 г. первую в Европе швейную фабрику и обеспечивал форменной одеждой всю турецкую армию, а также армии балканских стран. На протяжении XX в. г. Простеев оставался одним из центров текстильной и швейной промышленности Чехии.

⁵⁶ Дубнов С. М. Краткая история евреев. М.: Юрайт, 2019.

⁵⁷ Портняжное дело / Краткая еврейская энциклопедия. Т. 6. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1992. Кол. 680—684.

⁵⁸ Там же.

Широкое распространение среди евреев портняжное дело получило в Польше и Литве. Еврейские портные стали первыми ремесленниками, организовавшими независимую цеховую гильдию с собственным цеховым штандартом. Позже этот цех расширился за счет шапочников и вышивальщиков – это были два практически исключительно еврейских ремесла. Однако в дальнейшем острая конкуренция между польскими и еврейскими портными не раз приводила к кровавым погромам.

В черте оседлости Российской империи надомная портняжная работа была одним из основных занятий обнищавшего населения еврейских местечек. В Польше в 1931 г. евреи составляли 44,1 % (504 тыс.) всех занятых в портняжном деле⁵⁹. Более половины частных работодателей в швейной промышленности были евреями, хотя большинство их предприятий были небольшими или средними мастерскими.

В Германии, как и в других странах Запада, евреи наряду с пошивом одежды для своей общины активно занимались починкой сдававшегося в залог платья, торговлей подержанной одеждой и даже могли позволить себе нанимать для работы христиан. И, как и везде, христиане постоянно жаловались, что еврейские разносчики торгуют в обход запретов не только старым, но и новым платьем на немецких ярмарках.

XIX в. ознаменовался бурным ростом городов, где евреи начали открывать галантерейные, бельевые и другие магазины «аксессуарной группы», а затем – швейные предприятия. По данным упомянутой энциклопедии, в Германии 30—50% таких предприятий принадлежало евреям, такая же пропорция была и в сфере торговли одеждой. Шляпное дело практически полностью было сосредоточено в руках евреев. Из Австрии евреи экспортировали ношеное европейское платье на Балканы и Ближний Восток. После освобождения евреев от цеховых ограничений Марией Терезией Австрийской (1767—1827) они фактически монополизировали производство модных аксессуаров: шляп, зонтов, нижнего белья.

С начала XVIII в. евреи Англии, как и повсюду в Европе, были заняты торговлей подержанной одеждой, производством и торговлей головными уборами. Однако здесь они также специализировались на поставке рабочей одежды для моряков. С ростом еврейского населения община постаралась направить еврейскую молодежь на обучение ремеслам – портняжному, шляпному и сапожному делу, – дабы сократить число неквалифицированных торговцев вразнос. Так, к середине XIX в. в Лондоне сложилась сравнительно зажиточная прослойка еврейских ремесленников и предпринимателей в сфере портняжного искусства со специализацией на массовом потребителе. По сути, это был переворот в социальном статусе еврейских портных, главными в котором стали фирмы «Хайэм»⁶⁰ и «И. Мозес энд сан». Подрядчиками таких крупных компаний были сотни мелких швейных мастерских, получивших толчок к бурному росту с началом импорта американских швейных машин *Singer* в 1850—60-х гг.

С конца XIX в. вместе с волнами иммигрантов из Восточной Европы в Англию прибывало и большое число евреев-портных. Так, по данным ЭЕЭ⁶¹, в 1901 г. среди иммигрантов из России и Польши 40% мужчин и 50% женщин были заняты в портняжном деле. Шляпное дело в Лондоне и Манчестере стало почти исключительно еврейским занятием. Еврейские портные отшивали и поставляли готовое платье торговцам. Уже тогда ими стал применяться основной принцип массового и дешевого производства – разделение труда и специализация на отдельных операциях. В Англии еврейские иммигранты разработали технологию водонепроницаемой, а затем – водоотталкивающей ткани.

⁵⁹ Статистические данные взяты из Электронной еврейской энциклопедии (ЭЕЭ), созданной в 2005—2006 гг. на базе Краткой еврейской энциклопедии в 11 томах, изданной в Иерусалиме в 1976—2005 гг. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/overview/13286/>.

⁶⁰ Согласно данным Электронной еврейской энциклопедии, в те времена фирма насчитывала 6000 рабочих, а ее годовой оборот составлял 200 000 фунтов.

⁶¹ Электронная еврейская энциклопедия [Эл. ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/overview/13286/>

В XX в. евреи заняли весьма значимое место в торговле одеждой массового производства. Один из самых знаковых представителей – *Marks & Spencer* – крупнейший британский производитель одежды и 43-й в списке крупнейших мировых ритейлеров. Компанию *Marks & Spencer* основал Майкл Маркс – еврейский эмигрант из города Слоним (территория современной Белоруссии). Он открыл *Marks Penny Bazaar* в порту Хартлепул в Англии, где продавал булавки и другие товары. В 1884 г. Маркс познакомился с Томасом Спенсером и объединил его бизнес со своим. Новую компанию назвали *Marks and Spencer*. Первый прилавок *Marks and Spencer* открыли в *Leeds Kirkgate Market*, где в память об этом событии в настоящее время установлены золотые мемориальные часы. В 1998 г. *M&S* стал первым британским ритейлером, прибыль которого превысила £1 млрд. На 2018 г. было открыто более 1300 магазинов *Marks & Spencer* по всему миру.

Создателя другой крупнейшей сети магазинов одежды в Великобритании – *Burton of London* и *Burton Menswear*, – будущего сэра Бертона, звали Меше Давид Осинский. Будущий Монтегю, Морис Бертон (1885—1952) родился в Каунасской губернии Российской империи, а в 1900 г. переехал в Британию. Меше Осинский был хорошо образован, обучался в иешиве, он начинал свою деятельность в Манчестере как мелкий торговец одеждой, а затем, одолжив 100 фунтов стерлингов у родственников, открыл цех по пошиву одежды в Честерфилде. Так появилась на свет одежда фирмы *Burton*. К 1913 г. у Бертона было пять мужских магазинов со штаб-квартирой в Шеффилде и производство в Лидсе. К 1929 г. у бренда было уже 400 магазинов, собственные фабрики и заводы. Монтегю Бертон сделал всё, чтобы обеспечить своим клиентам высочайшее качество сшитых на заказ костюмов, сохраняя приемлемые цены.

В 1924 г. Бертон стал мировым судьей. Он отказался от предложения стать лордом-мэром Лидса. В 1931 г. был посвящен в рыцари – за вклад в развитие английской легкой промышленности и высокую социальную ответственность. Помимо развития собственного бизнеса, он стремился улучшить условия жизни фабричных рабочих: открывал для них больницы, детские сады и школы. Во время Первой и Второй мировых войн Дом Бертон обеспечивал формой военнослужащих Великобритании.

Бертон стал членом Королевского общества антикваров. Он был удостоен почетной докторской степени Лидского университета, почетных степеней в Иерусалиме, Оксфорде, Лондонской школе экономики и политических наук и в Эдинбургском университете.

После смерти сэра Монтегю Бертона управление делами фирмы взяли на себя его наследники. В 1999 г. *Burton* был назначен официальным поставщиком спортивных сборных Великобритании. Этот Дом моды по-прежнему шьет мужскую одежду, отличающуюся высоким качеством.

Во Франции, как и повсюду на Западе, традиционная еврейская торговля подержанным платьем была популярна, но лишь до Великой французской революции, когда все граждане были признаны равноправными. Однако массовая иммиграция в страну восточноевропейских евреев после погромов (1881—1883, 1903—1905 гг.), а также между двумя мировыми войнами буквально наводнила Париж еврейскими портными. Они были вынуждены наниматься за гроши на предприятия с потогонной системой или же работали на дому. Им пришлось добиваться натурализации во Франции и бороться за создание своего профсоюза. По информации ЭЕЭ, в 1892 г. 55 еврейским шляпникам удалось основать профсоюз, и он оставался исключительно еврейским вплоть до 1936 г., и даже после принятия новых членов евреи всё еще составляли в нём более половины. В союзе трикотажников до 1936 г. евреи составляли более 90% (200 из 220 человек), а с 1936 г. – около 40% (720 из 1820 членов). После Второй мировой войны вместе с изменением структуры модного рынка Франции влияние евреев на французскую швейную промышленность значительно ослабло, хотя польские еврей-иммигранты всё

еще занимали большую долю рынка трикотажа и вязаных изделий.⁶² И всё же, как минимум одного французского кутюрье еврейского происхождения, которого сам президент Франции Николя Саркози назвал «воплощением творческого духа Франции», стоит особо упомянуть в нашем рассказе о вкладе евреев в моду. Это великий Тед Лapidус.

Эдмон Лapidус (1929—2008), будущий творец «новой волны», «поэт французского кутюра», родился в 1929 г. в Париже, в семье еврейского эмигранта из Виленской губернии Российской империи. Его отец, портной Рувим Лapidус, позднее ставший Робертом, подобно тысячам евреев из черты оседлости, в начале XX в. переехал в Париж. Там он поселился с семьей в квартале мануфактурщиков Сантье.

В 1949 г. Эдмон Лapidус отправился изучать ремесло портного в послевоенную Японию, где окончил Техническую школу в Токио. Вернувшись во Францию, он прошел стажировку в Доме моды *Christian Dior*. А в 1958 г. при поддержке своего друга Шарля Азнавура Лapidус открыл в Париже свой собственный Дом Высокой моды, а чуть позже – магазин готовой мужской одежды «*Ted*». Лapidус к тому времени поменял имя. В 1963 г. Тед Лapidус стал членом Парижского синдиката высокой моды, в том же году, вслед за Карденом, начал сотрудничать с универмагами, подписав контракт с магазином *La Belle Jardinière* на выпуск коллекции готового платья под брендом *Ted Lapidus*.

В 1969 г. израильское правительство заключило с Лapidусом магистральный контракт: под руководством кутюрье в Израиле начали выпускать военную форму для женщин. Через несколько лет почти 50% серийной одежды в Израиле производилась под именем Лapidуса.

В 1969 г. Лapidус выпустил культовую лимитированную коллекцию сумок *Bag One* в 300 экземпляров с автографом Джона Леннона, созданную специально по его заказу. На знаменитой обложке альбома «Битлз» *Abbey Road* Леннон одет в белый костюм от Лapidуса. Среди его клиентов были Фрэнк Синатра, Ален Делон и Брижит Бардо.

«Люди в моей одежде выглядят на десять лет моложе и на десять фунтов стройнее», – говорил Лapidус. Его талант проявился в идеальном крое, в пристальном внимании к деталям – и всё это в молодежном стиле. Он развил стиль сафари, предложенный Сен-Лораном. Его излюбленной материей был деним, а Брижит Бардо в знаменитой приталенной куртке песочного цвета со шнуровкой спереди стала лицом Дома Лapidуса. Самого себя он называл «кутюрье улицы». Тед Лapidус был одним из первых, кто понял, что роль женщины в современном мире необратимо меняется. Его новый стиль получил название «унисекс».

В 80-е гг. Лapidус почувствовал, что в мире утилитарности и стандартов эпоха *Haute Couture* клонится к закату. Распродав лицензии на производство аксессуаров и в 1989 г. вверив Дом сыну Оливье, Тед Лapidус скрылся от публики на Французской Ривьере, где и прожил последние свои 20 лет. Такова история сына бедного еврейского портного-иммигранта, ставшего одним из столпов французского кутюра, Теда Лapidуса.

Но самый значительный вклад евреи сделали в модную индустрию США. Фактически весь современный *fashion-истеблишмент* в США имеет еврейские корни. Но начнем с более ранней эпохи, швейной промышленности и профсоюзного движения США, в которых евреи также сыграли видную роль.

После окончания Гражданской войны (1861—1865) в США вместе с ростом городского населения значительно расширился рынок сбыта готового платья. Еврейские иммигранты из Германии стали ведущими производителями в этой области, а значительная часть евреев из Восточной Европы, прибывавших в США с 1880-х гг. и селившихся в районе Нью-Йорка, занималась в быстро развивающуюся швейную отрасль.

⁶² См.: Электронная еврейская энциклопедия [Эл. ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/overview/13286/>

В конце XIX в. 95% швейных фабрик принадлежало евреям, как и 80% легкой промышленности США первой половины XX в. К 1912 г. в портняжном деле Нью-Йорка евреи составляли 85%.

В 1880-е гг. в Нью-Йорке производили больше одежды, чем в четырех мировых текстильных центрах (Париже, Лондоне, Милане, Токио). К концу XIX в. США полностью обеспечивали себя массовой одеждой, а вот дорогие платья и мужские костюмы шились из привозного сукна и копировали европейские образцы.

А теперь коснемся важнейшего социального вопроса, связанного с текстильным производством, – вопроса о защите интересов работников, остро вставшего вместе с развитием капитализма. И здесь огромную роль также сыграли евреи. Специализация работников многочисленных потогонных предприятий в еврейских районах на одной операции не требовала квалификации и обучения, что привело к еще большей дешевизне труда. Профсоюзы портных выступали против подобной системы, однако они защищали интересы лишь квалифицированных рабочих. И только созданные иммигрантами из Восточной Европы крупные профсоюзы – Интернациональный Союз по изготовлению женского платья (1900 г.) и Объединенный союз рабочих швейной промышленности (1914 г.), – в которых евреи составляли абсолютное большинство, смогли добиться существенного улучшения условий труда и защиты интересов занятых в портняжном деле иммигрантов.⁶³ В 1920—30-х гг. признанным лидером этих профсоюзов был еще один представитель еврейского народа – Давид Исаак Дубинский, получивший в Америке имя Дэвид Дубинский (1892—1982).

Будущий лидер американского профсоюзного движения, которого президент США Джон Кеннеди назначит членом президентского Совета по вопросам труда и управления, а другой президент Ричард Никсон наградит высшим гражданским отличием – президентской медалью Свободы, родился в Российской империи в традиционной еврейской семье простого пекаря Бецалея. Как и многие еврейские юноши, Давид заразился революционным духом эпохи и примкнул к *Бунду*⁶⁴. В 1908 г. Давид Дубинский был арестован за участие в организации забастовки, попал в тюрьму, а затем был сослан в Сибирь. Но по пути в ссылку он сумел бежать и отправился в Америку по билету, присланному братом.

Так Давид Дубинский в 1911 г. оказался в Нью-Йорке. Там он поселился в Бруклине и поначалу устроился на работу закройщиком, но его по-прежнему увлекала революционная борьба. Он вступил в ряды Социалистической партии Америки и стал активным участником профсоюзного движения. В 1918 г. Давида Дубинского избрали в Исполнительный совет Интернационального профессионального союза рабочих по изготовлению женского белья. Это был преимущественно еврейский профсоюз. Весь дальнейший его жизненный путь был связан с профсоюзным движением, где он сделал успешную карьеру.

Дэвид Дубинский был президентом Союза Международных Дамских швейников (*ILGWU*) между 1932 и 1966 гг., принимал участие в создании *CIO*⁶⁵ и был одним из основателей Американской рабочей партии и Либеральной партии в Нью-Йорке.

Борьба профсоюзов привела к принятию в 1935 г. национального акта о трудовых отношениях, который принципиально поменял отношения рабочих и работодателей. Он упрощал процесс создания профсоюзов неквалифицированных и низкоквалифицированных рабочих. Были изданы законы об ограничении продолжительности рабочей недели, о минимальном

⁶³ См.: Электронная еврейская энциклопедия [Эл. ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/overview/13286/>

⁶⁴ Бунд – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 90-х гг. XIX в. до 40-х гг. XX в. Бунд считал себя единственным представителем интересов многочисленного на этих землях еврейского рабочего класса.

⁶⁵ *CIO* – Конгресс промышленных организаций, федерация профсоюзов, организовавшая работников промышленных профсоюзов в Соединенных Штатах и Канаде с 1935 по 1955 гг. Конгресс поддерживал Новый курс Франклина Д. Рузвельта и был открыт для афроамериканцев.

уровне почасовой заработной платы, о социальном страховании. Запрещалось использование труда подростков моложе 16 лет. Всё это привело не только к расширению соцгарантий и более справедливой оплате труда швейников, но и к тому, что их труд стал более затратным для американского капитала. Последствия были весьма неоднозначны для американской швейной промышленности. К 90-м гг. XX в. практически всё швейное производство США было вынесено в страны с менее требовательным рабочим законодательством в Центральной Америке и Азии, на фабрики с ужасающими условиями труда с потогонной системой, где кроят и шьют для транснациональных корпораций, таких как *Nike* и *Gap*.

В своем знаменитом бестселлере 1999 г. «*No Logo. Люди против брендов*» канадская журналистка, родившаяся в еврейской семье эмигрантов из США, – Наоми Кляйн (р. 1970 г.) – так описывает бывшие швейные кварталы канадского Торонто:

«Бурые склады, серо-желтые дымовые трубы, выцветшие краски на кирпичной стене, рекламирующие давно исчезнувшие бренды: Lovely, Gaywear. Это старый промышленный район Торонто, район швейных фабрик, скорняков и оптовых торговцев свадебными платьями...»

Когда я писала эту книгу, я жила в полуреальном швейном квартале Торонто, в десятиэтажном доме, который раньше использовался под склады. У многих других зданий такого типа двери давно уже заколочены досками, окна зияют выбитыми стеклами, трубы затаили дыхание... В 20—30-х годах сновали по этим улицам русские и польские эмигранты, заскакивали в закусыльные потолковать о Троцком или о руководстве Международного профсоюза рабочих легкой промышленности. Ныне старики-португальцы всё еще толкают по тротуарам вешалки на колесиках с блузками и пиджаками...

Муниципалитет счел нужным заказать серию художественных инсталляций для публички «в ознаменование» истории Спедайна-авеню. Первыми появились стальные фигуры, взгромоздившиеся на фонарные столбы: женщины, склонившиеся над швейными машинками, и толпы бастующих рабочих, размахивающие транспарантами с неразборчивыми лозунгами. Потом случилось самое худшее: явился гигантский медный наперсток – как раз на углу нашего квартала. Хорошо хоть Эммы Гольдман, знаменитой анархистки и организатора рабочего движения, жившей на этой улице в конце 30-х годов, уже не было в живых, и она не могла увидеть, в какой китч вылилась борьба трудящихся швейной промышленности с потогонной системой производства»⁶⁶.

Это описание можно смело отнести ко всем подобным швейным кварталам Северной Америки.

Но вернемся к нашей основной теме – еврейскому портняжному делу в США. К началу Первой мировой войны еврейские иммигранты из Европы составляли большинство работодателей в сфере портняжного дела и сохранили эти позиции до настоящего времени.⁶⁷

Со временем нью-йоркский Швейный квартал превратился в район бутиков, штаб-квартир американских домов моды и редакций модных журналов. В 1960—1980-е гг. в Нью-Йорке были основаны многие современные прет-а-порте бренды: *Ralph Lauren* (1967), *Calvin Klein* (1968), *Michael Kors* (1981), *DKNY* (1984). Далеко не все основатели этих компаний были нью-йоркцами, а многие даже не родились в США, но все они приезжали в Нью-Йорк, чтобы воплотить мечту о собственном Доме моды.

Самые известные американские джинсы *Levi Strauss* создал еврей Леви Штрасс. Парфюмерную империю *Este Lauder* создали евреи Рональд и Леонард Лаудеры. Империя *Calvin Klein* также была создана евреем Кельвином Ричардом Кляйном из Бронкса. Самые известные дизайнеры высокой моды Зак Позен, Марк Джейкобс, Ральф Лорен имеют еврейские корни. Макс

⁶⁶ Наоми Кляйн. *No logo: Люди против брендов*. М.: Добрая книга, 2003, 2007. С. 7.

⁶⁷ По данным: Электронная еврейская энциклопедия [Эл. ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/overview/13286/>

Азриа – это известное имя, которое стоит за брендом VCBG, – родился в тунисской еврейской семье. Бывший креативный директор *Louis Vuitton* Марк Джейкобс родился в еврейской семье в Нью-Йорке. Сейчас он разрабатывает коллекции под своим брендом. В 2010 г. Джейкобс был назван одним из 100 самых влиятельных людей мира. Его коллекции продаются в более чем 80 странах мира.

Мальчик из ешивы Ральф Лорен, живший в Бронксе, выделялся своим уникальным чувством стиля. Сегодня модная империя Ральфа Лорена охватывает весь земной шар.

Пол Марчиано происходит из рода марокканских раввинов. В 1981 г., после переезда в США, он основал *Guess Jeans*. Сегодня *Guess Inc.* имеет обороты в миллиарды долларов.

Соня Рикель (1930—2016) родилась в русско-румынской еврейской семье во Франции. Она начала свою карьеру в модной индустрии, когда во время беременности не смогла найти себе мягкий свитер. После того как ее *Poor Boy Sweater* появился на обложке журнала *Elle*, родилась новая икона стиля. В настоящее время бренд *Sonia Rykiel* известен всему миру.

Еще ребенком Зак Позен воровал ермолки из синагоги, которую посещали его бабушка и дедушка, чтобы шить балльные платья для кукол. Зак Позен прошел долгий путь от своего первого фэшн-шоу, состоявшегося в здании бывшей синагоги на Манхэттене в Нижнем Истсайте, и до разработки моделей одежды для таких крупных розничных сетей, как *Target* и *David's Bridal*.

После своей первой поездки в Израиль одна из ведущих мировых модельеров для женщин Донна Каран сказала журналу *Harper's Bazaar*: «Вы можете поверить, что нет другой такой хорошей еврейской девочки, как я?».

Диана фон Фюстенберг, до замужества – Диана Халфин. Мало кто знает, что мама основательницы модной империи – Лилиан Нахмias, еврейка греческого происхождения, родила ее через несколько лет после освобождения из Освенцима. Будучи студенткой Женевского университета, Диана вышла замуж за австрийского принца Эгона фон Фюрстенберга. В 1970 г. она выпустила свою первую коллекцию одежды. В 1972 г. – создала свой бренд *Diane Von Furstenberg*. В 1974 г. она ввела в моду легендарное платье с запахом, которое вошло в Книгу рекордов Гиннеса.

Но особого рассказа заслуживает лучший мужской портной, одевавший американских президентов, Мартин Гринфилд (р. 1928 г.). Под рукавом его рубашки с запонками, подаренными госсекретарем Колином Пауэллом, скрыт номер А4406, вытатуированный на руке в первый день его пребывания в концлагере Освенцим.

Одежда стала судьбой мастера-портного Мартина Гринфилда, который пережил Холокост и снимал мерку с президентов в Белом доме для создания фирменных костюмов ручной работы.

В то время как я пишу эту книгу, Гринфилд продолжает работать по 6 дней в неделю на своей швейной фабрике в Бруклине, выступает с вдохновляющими речами и занимается общественной деятельностью.

Семья Гринфилда происходит из Павлова, деревни в тогдашней Чехословакии. Вся она погибла в нацистских лагерях. Его отец, инженер, сказал ему в Освенциме: «Мы должны разделить. Ты молод и силен. Самостоятельно ты выживешь. Ты должен чтить нашу память, оставшись в живых». И он выжил, обучившись в концлагере портняжному делу у уже обреченных на смерть старших.

Родственники привезли его в Америку в 1947 г., где Мартин начал работать мальчиком для поручений на фабрике, которая теперь принадлежит ему. За очень короткий срок он стал ее лучшим портным, которому было доверено шить костюмы для Дуайта Эйзенхауэра до и после его избрания хозяином Белого дома в 1952 г. Существует легенда, что Гринфилд оставлял в карманах костюмов Эйзенхауэра записки со своими мыслями по поводу внешней политики.

В числе его клиентов – президенты Обама и Клинтон, Пол Ньюман, Фрэнк Синатра, Леонардо Ди Каприо и звёзды баскетбола П. Юинг и Ш. О’Нил. Один из любимых клиентов Гринфилда – государственный секретарь США Колин Пауэлл.

В 2015 г. Гринфилд получил звание почетного доктора наук в Йешива-университете (Нью-Йорк). Президент университета Р. Джоэл в своем выступлении привел цитату из автобиографии Гринфилда «Мерка человека»: «*Каждый человек совершенен. Я должен изготовить костюм, который помогает ему верить, что он может достичь своей мечты*».

Гринфилд с гордостью отметил, что он «одевает представителей обеих политических партий». В прошлом портной создал несколько костюмов и для Дональда Трампа. «*Одевать президентов – это большая честь. Я делаю так, чтобы одежда всегда украшала человека*.»

Жизнь и судьба портного Мартина Гринфилда могла бы стать метафорой истории еврейского народа: годы гонений и смертельной опасности закончились для него на земле, которую когда-то открыла экспедиция, снаряженная на деньги евреев. И на этой земле он обрел уважение и успех. Еврейский Портной прошел путь от бедного старьевщика, перешивающего обноски в европейских гетто, до легендарного портного американских президентов. Теперь большая часть элиты американской моды имеет еврейские корни. Эти талантливые люди успешны, богаты и уважаемы в мире, а столетия унижений и изгнаний евреев, верится, остались навсегда позади.

Закончить эту главу я хотела бы историей самого известного израильского дизайнера в мире и единственного представителя *Haute Couture*, отслужившего в Армии обороны Израиля, Альбера Эльбаза (р. 1961), одного из 100 наиболее влиятельных людей мира по версии *Time* 2007 г., а также кавалера Ордена Почетного легиона (2007) и Командора Ордена Почетного легиона (2016) за свои достижения на ниве *Haute Couture* и *prêt-à-porter*. Будучи евреем (он происходил из многолетней семьи марокканских евреев из Касабланки, прибывших на историческую родину, когда Эльбазу было 10 лет), он, безусловно, был человеком и дизайнером мира.

Я начинала с того, что израильская, да и вообще ближневосточная мода, в русле которой Эльбаз формировался как художник, довольно специфична. В будни израильтянки одеваются очень просто, красивые платья принято надевать только по большим праздникам вроде свадеб и бар-мицв – но это должны быть платья с большой буквы. То есть пышные, обильно украшенные, замысловатые. Весь творческий путь Эльбаза стал уходом от этой левантийской свадебно-вечерней избыточности, ее переосмыслением в пользу «барочного минимализма», как окрестили его стилисты, прекрасно уживавшегося с тонким вкусом. Звучит как оксюморон, но это именно так: вершиной творчества израильтянина стали атласные платья со струящимися драпировками и свободными бантами, дополненные массивной бижутерией. Они стали его визитной карточкой в Доме *Lanvin*, куда его пригласили в 2001 г. Эльбаз дал основанному в 1889 г. Жанной Ланвен модному Дому, от которого к началу XXI в. осталось лишь великое имя, современное содержание. Несмотря на колоссальный коммерческий успех, в 2015 г., Эльбаза уволили из *Lanvin*⁶⁸. После ухода из Дома Эльбаз продолжал много и плодотворно работать как дизайнер. В 2019 г., объединив усилия с *fashion*-гигантом *Richemont* для создания собственного бренд *AZfashion*. Этот Дом мог бы стать первым международным израильским брендом, но жизнь, к сожалению, внесла свои жестокие коррективы. Пока писалась эта книга, этого выдающегося дизайнера не стало. Он скоропостижно скончался от COVID-19 24 апреля 2021 г. в Париже в возрасте 59 лет.

Тем не менее, у нас навсегда останется перед глазами триумф Эльбаза на церемонии вручения «Оскара» в 2008 г., когда в его минималистичном, асимметричного кроя, струящемся черном атласном платье на красной дорожке появилась Тильда Суинтон – культовая в мире

⁶⁸ Вслед за уходом Эльбаза продажи резко упали, и в конечном итоге бренд был куплен китайской компанией *Fosun International*.

моды андрогинная «актриса-инопланетянка», ставшая в каком-то смысле символом современности, с ее новой простой элегантностью, ориентированной на индивидуальность, уводящей от жестких гендерных и национальных критериев в мир всечеловеческой универсальности.

Таковы были первые герои истории моды, проложившие нам путь от ее истоков с древних времен в мир европейского Средневековья и наметившие нам черты современной моды.

А теперь перейдем непосредственно к истории Запада. В следующих главах мы разберемся, почему говорить о моде в Средние века было бы исторической «модернизацией»⁶⁹. Одновременно увидим, что именно в Средневековье были заложены и основы западной цивилизации, и основы современного института моды.

⁶⁹ Модернизация древности, модернизация истории – распространение понятий и объяснений современности на исторические события. Предполагает проведение принципиальных аналогий между явлениями разных эпох. Большей частью встречается для истории древнего мира – модернизация древней истории.

Глава 3

Средневековье: Становление Запада

На развалинах Рима

Средневековый Запад представлял собой мир, находящийся на крайнем пределе.

Жак Ле Гофф, «Цивилизация средневекового Запада»

Там, где эллину сияла

Красота,

Мне из черных дыр зияла

Срамота.

Осип Мандельштам

Цивилизация Запада зародилась в Средневековье на развалинах Римского мира.

Несмотря на устоявшиеся в нашем сознании представления о том, что именно обращение к древнеримской цивилизации привело к резкому всплеску инноваций в эпоху Возрождения, Римская империя – это совсем другой мир. Жак Ле Гофф⁷⁰ назвал Рим шедевром консерватизма: *«город занимался эксплуатацией и потреблением, сам ничего не производя: после эллинистической эпохи не появилось никаких технических новшеств, хозяйство поддерживалось за счет грабежа и победоносных войн, которые обеспечивали приток рабской силы и драгоценных металлов, черпаемых из накопленных на Востоке сокровищ. Он великолепно преуспел в искусстве самосохранения...»*⁷¹. Ле Гофф очень точно ухватил этот дух «стоячей воды» в римском обществе последних веков, который объясняет отсутствие какой-либо мало-мальски подвижной римской моды. Динамика общества была внешней, экстенсивной, потребительской, внутренне римлянин был уверен в незыблемости и вечности своего мира, где всё устойчиво и неизменно, где хлеб и зрелища гарантированы гражданством, в то время как активная политическая жизнь на излете империи постепенно деградировала. Однако и во времена расцвета демократии в Римской республике в III—I вв. до н.э. мы не находим каких-либо интересных модных процессов. Тут, возможно, стоит отметить, что для полисного мировоззрения согласие было обожествляемым понятием: в римском пантеоне существовала богиня Конкордия (Согласие), которой при республике было возведено два храма. Одной из причин консенсуса между элитой и обществом в Риме было то, что общество не воспринимало естественное неравенство между людьми как несправедливость. И это признание естественности и справедливости неравенства сочеталось с высокими требованиями морального характера к правящей элите. Поэтому вплоть до поздней Империи заимствование или оспаривание символов статуса, выраженных во внешнем облике, вряд ли могло восприниматься обществом как приемлемая норма. А «эффект просачивания»⁷² культурных образцов из элиты в более низкие слои общества – один из важнейших источников модного процесса.

Античная одежда была открытой, что можно объяснить мягкостью средиземноморского климата, но не в меньшей степени – общими этическими и эстетическими принципами эпохи и любви к красоте человеческого тела.

⁷⁰ Жак Ле Гофф (1924—2014) – французский историк-медиевист, писатель, представитель «Новой исторической науки», верный концепции «тотальной истории», один из авторов и популяризаторов концепции т.н. «долгого Средневековья», согласно которой, данный период тянулся до окончания эпохи феодализма в конце XVIII в.

⁷¹ Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 9.

⁷² В 1904 г. немецкий социолог и философ Георг Зиммель (1858—1918) в своей работе «Мода» предложил так называемую элитарную теорию «просачивания вниз». Суть теории состоит в том, что в основе модных процессов лежит стремление низших социальных слоев копировать стиль одежды и моду высших слоев.

В Риме на протяжении всей его истории костюм оставался практически неизменным. Одежда состояла из двух элементов: рубашки и плаща, которые обертывались вокруг тела и закреплялись застежкой или сшивались на плечах. Драпировка складками составляла практически единственный прием украшения античного костюма: существовали специальные правила, как драпировать римскую тогу – белоснежный шерстяной или льняной плащ, эллипсовидный кусок ткани, размером примерно 6×1,8 м. Политики Рима перед выступлением проводили часы в совершенствовании этой части туалета. Правая рука и ноги, обутые в сандалии, оставались открытыми, головные уборы мужчины не носили⁷³. И по большому счету, это всё, что изобрела великая цивилизация в области костюма за более чем 1000 лет. Социальный статус маркировался цветом, длиной, нашитыми поверх полосами и качеством ткани. Функцию официальной одежды римлянина выполняла тога, чей размер зависел от статуса гражданина. Несколько разбавило это однообразие появление шелка к концу Империи.

Вот такие «минималистские» рекомендации дает в I в. н.э. древнеримский автор Овидий в «Науке любви» в области внешнего вида для мужчин:

*Будь лишь опрятен и прост. Загаром на Марсовом поле
Тело покрой, подбери чистую тогу под рост,
Мягкий ремень башмака застегни нержавеющей пряжкой,
Чтоб не болталась нога, словно в широком мешке;
Не безобразь своей головы неумелою стрижкой —
Волосы и борода требуют ловкой руки;
Ногти пусть не торчат, окаймленные черною грязью,
И ни один не глядит волос из полой ноздри;
Пусть из чистого рта не пахнет несвежестью тяжелой
И из подмышек твоих стадный не дышит козел;
Всё остальное оставь — пускай этим тешатся девки
Или, Венере назло, ищут мужчины мужчин.*

Унаследовавший от эллинов представления о безусловном социальном и эстетическом достоинстве тела самого по себе, гражданин Рима явно мало интересовался модными тенденциями в одежде.

Перенос столицы в Византию императором Константином Великим (306—337) разделил Римскую империю на Восток и Запад. И это положило начало разделению европейского мира, где Константинополь продлил жизнь и процветание империи еще на тысячу лет, до 1453 г., а Запад оскудел под набегами варваров и смог полностью возродиться уже совершенно другим обществом только к концу Средневековья. Города и дороги раннего Средневековья пребывали в разорении, территории обезлюдели, наступили темные века. Вот как описывает Жак Ле Гофф ситуацию V в. в западной части Римской империи: «Длинный меч великого варварского нашествия, который впоследствии стал и оружием рыцарства, накрыл Запад своей смертоносной тенью. Прежде чем постепенно возобновить созидание, Западом надолго овладела сила разрушения. Средневековые люди — это отпрыски тех варваров»⁷⁴.

Единственным институтом, сохранявшим цивилизованность и устойчивость в этих условиях, была церковь. Главной задачей церкви было хоть какое-то окультуривание полчищ (хотя по некоторым подсчетам их было не более 5% европейского населения) варваров, расселившихся там, где ранее процветала культура и правил закон. Как утверждает Ле Гофф, в хаосе

⁷³ Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII веков. Эпоха, быт, костюм. М.: Искусство, 1978.

⁷⁴ Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 22.

варварских нашествий церковники в какой-то момент стали универсальными руководителями разваливающегося общества – и к своей религиозной роли они прибавили политическую, вступая в переговоры с варварами; социальную, когда раздавали милостыню; военную – когда организовывали сопротивление и боролись «духовным оружием»⁷⁵.

Но церковное сословие и само варваризировалось или оказалось не в силах бороться с дикостью новых хозяев и народа, поэтому постоянно шло на уступки, – как в духовной сфере, так и в религиозной практике. В то время значительное развитие получает культ мощей, вводятся новые сексуальные и пищевые ограничения. Помимо этого, церковь постоянно накапливала доходы и привилегии, привыкнув получать их в дар, что постепенно обескровливало хозяйственную жизнь.

И всё же церковь стала краеугольным камнем средневековой западной цивилизации, объединяя ее, являясь источником моральных принципов, ограничивая насилие, легитимизируя власть, сохраняя в своих недрах культуру и знания до Новых времён. В костюме церковь внедрила новый этический идеал: в противовес варварской вседозволенности она объявила плоть греховной и потребовала от паствы наглухо закрывать тело. Это отвечало и климатическим условиям: легкая «южная» одежда римлян в центре и на севере Европы была бы холодной и неудобной. В обиход входят заимствованные, видимо, у варваров «накладная» рубаша и штаны, которые и легли в основу средневекового костюма, гораздо более закрытого и утилитарного, чем римский.

В VIII – «франкском» – веке король франков Пипин III Короткий (751—768) сделал решительный шаг по восстановлению католического приоритета на своих землях, заключив союз в 754 г. с папой Стефаном II (III), который в том же году короновал его. За римским понтификом признали светскую власть над частью Италии вокруг Рима.

Таким образом был заложен фундамент, на основе которого каролингская монархия к IX в. объединила большую часть христианского Запада и затем возродила Западную империю. На востоке ее подпирали Византия, славяне, болгары и авары, с юга вплоть до Иберийского полуострова – мир ислама, на севере – скандинавы. *В 800 г. восшествие на престол Карла Великого*⁷⁶ ознаменовало слияние варварского и римского миров, благодаря которому западная цивилизация обрела свой облик. Этот островок нового Запада, который отвоюет затем всю Европу, колонизирует Азию и Африку, захватит Американский и Австралийский континенты, в момент своего рождения был слаб и неустойчив. Но его цементировала единая христианская вера и церковь города Рима, которой канонически подчинялась вся территория; единый письменный язык – латынь, язык законов, богослужений, науки; близкие отношения с античным наследием – чеканка монет, дороги, римская юридическая традиция в законах; и одежда, костюм средневековой Европы, – насколько можно судить по сохранившимся изображениям. Во всяком случае, костюм ее господствующих сословий, оставивших о себе заметные следы в книжной миниатюре и в скульптурных памятниках, оказывается однотипным. Мы можем убедиться, что изолированность средневековых княжеств отнюдь не была абсолютной, информация преодолевала расстояния, хотя и медленно, и мода в значении «обычай» была единой повсюду, где говорили и писали на латинском языке⁷⁷. В собственных глазах новый мир Запада считал себя не разрушителем, а наследником римской культуры. И вместе с этой унаследованной культурой его постоянно двигал вперед заложенный в нём изначально беспокойный, пылкий, воинственный и предприимчивый дух иудео-христианской культуры.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Карл Великий (742/748—814) – король франков с 768 г., король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., император Запада с 800 г. Основатель империи Каролингов, впервые после падения Римской империи объединивший большую часть Западной и Центральной Европы.

⁷⁷ Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

Рыцарство – элита Средневековья

Лицо любого, особенно домассового, общества определяет его элита – ее этика и этос⁷⁸. Культура движется по элитам, развивается в них, и только к XIX в. станет достоянием масс, которые до этого момента остаются практически невидимы и нетронуты ею. Поэтому и мы традиционно судим о жизни общества прошлых времен по жизни его элиты. Элита средневекового общества – это рыцарство, выросшее к VIII в. из христианизированной варварской франкской конницы. Карл Великий обязал всех свободных людей своей империи носить оружие. Необходимость защищать себя, склонность к праздности и приключениям, предрасположенность в пользу воинской жизни привели во всей Европе к образованию военной аристократии. Это светский феодал или монах с мечом и крестом. Основное правило, которому должен был подчиняться этот своеобразный военный аристократ, – подражание Господу, который *«храпит пришельцев, поддерживает сироту и вдову, а путь нечестивых извращает»* (Пс. 145, 8–9). Это же предписание определяло царское и королевское служение, обязанности правителя и главы этих воинов⁷⁹.

Вот что предписывали рыцарские уставы, Кодексы чести европейских рыцарей:

«... – Щит рыцарей должен быть прибежищем слабого и угнетенного; мужество рыцарей должно поддерживать всегда и во всём правое дело того, кто к ним обратится.

– Да не обидят рыцари никогда и никого и да убоятся более всего злословием оскорблять дружбу, непорочность отсутствующих, скорбящих и бедных.

– Жажда прибыли или благодарности, любовь к почестям, гордость и мицение да не руководят их поступками, но да будут они везде и во всём вдохновляемы честью и правдою.

– Они не должны вступать в неравный бой, не должны идти несколько против одного, и должны избегать всякого обмана и лжи.

– Да не положат они оружия, пока не окончат начатого по обету дела, каково бы оно ни было.

– Да не допускают они разорения жатв и виноградников; да наказуется ими строго воин, который убьет курицу вдовы или собаку пастуха или нанесет малейший вред на земле союзников»⁸⁰.

Помимо мужества, чести, верности сюзерену, защита веры была важнейшей целью и ценностью рыцарства. Чтобы стать рыцарем, человек должен был «начать новую жизнь»: молиться, избегать греха, высокомерия и низких поступков. Защищать церковь, вдов и сирот, заботиться о поданных, быть верным слову и храбрым в бою. Об этом говорит самая ранняя из дошедших формулировок посвящения в рыцари XII в. *Ordinatio militis*: *«Твой меч – это меч Духа Святого... Следуя этому образу, поддержи же истину, защити Церковь, сирот, вдов, тех, кто молится, и тех, кто трудится. Воспрянь против тех, кто нападет на Святую Церковь, с тем чтобы в жизни вечной предстать перед Христом во славе, с мечом Истины и Справедливости»⁸¹.*

⁷⁸ Этика – учение о нравственности, морали. Термин «этос» в античной философии обозначал привычки, нравы, характеры, темпераменты, обычаи. Этос – стиль жизни какой-то общественной группы, общая ориентация какой-то культуры, принятая в ней иерархия ценностей, которая выражена в явном виде либо может быть выведена из поведения людей. Мы занимаемся этосом какой-либо группы, когда констатируем, например, что ее членам присуща склонность решать конфликты мирным путем или, напротив, постоянно утверждать свое превосходство с оружием в руках. Термин «этос» применяется к группам, а не к индивидам. Его объем выходит за рамки ценностей, которыми занимается этика. Это один из основных терминов социальной культуры.

⁷⁹ См.: Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

⁸⁰ Руа Ж.-Ж. История рыцарства. М.: Алетейя, 1996. С. 52–54.

⁸¹ Цит. по: Кухтенкова О. А. Рыцарская этика. Содержание понятия благородства в представлениях средневекового обще-

Славу рыцарю приносила не столько сама победа, сколько его «стиль» поведения в битве. Правила, обязательные в сражении, диктовались уважением к противнику, гордостью и гуманностью. Использование слабостей противника не приносило рыцарю славы, убийство безоружного врага покрывало его позором до конца дней. Гибель в бою была самым достойным завершением биографии, так как рыцарь не мог смириться с ролью беспомощного старика. Предательство рыцарем своего господина было сходно с предательством Иуды. Во исполнение долга чести рыцарь должен был пожертвовать всем, даже дружескими узами и жизнью.

Кодекс рыцарской чести – это некий идеал, ожидания и требования общества, миф, по которому судили о рыцарской культуре и этике в последующие эпохи. Реальность же, при более тщательном рассмотрении, сильно отличалась от этого идеала. Церковь, как самая цивилизованная и устойчивая структура Средневековья, старалась морально подчинить рыцарство и использовать его в своих интересах. Но христианская оболочка средневекового человека, в том числе рыцаря, была очень тонка. Рыцарская средневековая культура – это в чём-то культура подростков, погибающих на поле брани в юном возрасте и не доживающих до взросления, с ее вспышками неконтролируемой агрессии, юношеским максимализмом, товариществом и любовью к прекрасной даме. Вместо смирения – гордость, вместо прощения – месть, часто полное непонимание ценности как своей, так и чужой жизни. Рыцарство критиковали и духовенство, и мещане, и крестьяне, и сами рыцари. Их обвиняли в жадности, в нападениях на путешественников, в ограблении церквей, в нарушении клятвы, в разврате, в битве женщин, в несоблюдении правил, обязательных при поединках, в неуважении к жизни заложников. Рыцари чаще всего были невежественны и даже безграмотны.

С точки зрения российского исторического психолога В. Шкуратова, для современного человека *«рыцарь мог оказаться существом небезопасным. С ним, конечно, можно было бы поговорить, но не исключено, что после этого он содрал бы с вас кожу, если бы вы показали ему каким-то неправильным»*⁸². Возьмем для примера французского короля из династии Капетингов Людовика IX Святого (1226—1270). Представьте себе короля-крестоносца, рыцаря и святого в одном лице. Он был высокоморальным средневековым человеком, поэтому считал нужным и правильным портить себе удовольствие. Он любил рыбу, но поскольку считал чревоугодие грехом, ел рыбу мелкую и костистую. А если ел суп, то разбавлял водой – чтобы не было слишком вкусно. Он был крайне набожен и имел исповедника, которого очень уважал. После исповеди тот короля порол, наказывая его плоть, а потом король «по дружбе» порол исповедника. Он был моралист, идеальный рыцарь-крестоносец. И поэтому, отправляясь в Крестовый поход, он изгнал из Франции часть евреев, а оставшихся поместил в гетто. Кстати, именно этот святой придумал нашивать евреям на одежду желтые звезды. Из тех же моральных соображений он запретил ростовничество, чем в то время окончательно подорвал французскую экономику. Можем ли мы представить этого рыцаря-крестоносца, хоть в какой-то роли участвующего в модном процессе? Думаю, одежда для него – это нечто, что прикрывает тело от взглядов и холода, или латы рыцаря, защищающие от стрел врага.

Но то был святой. В целом же, скромность – далеко не обязательное качество средневекового рыцаря. В рыцарской литературе часто связываются понятия чести, могущества и богатства: чем сильнее и могущественнее рыцарь, тем, как правило, он состоятельнее. Богатство являлось знаком не только могущества, но и военной доблести и удачливости. Ведь его источником были не столько ленные доходы, сколько война и связанный с нею грабеж побежденных, а также выкупы за пленных.

ства (XI—XIII века) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. №2. С. 216—224.

⁸² Интервью с В. Шкуратовым. «Поговорить с кроманьонцем» // Русский репортёр. №21 (199). (Дата публикации: 01.06.2011).

Щедлость – вот знак могущества и удачливости рыцаря. Кодекс чести рыцаря включал в себя щедрость как обязательную максиму поведения, которая в раннюю эпоху носила особенно избыточный характер. Склонность рыцарей публично демонстрировать и «расточать» богатство была сильна даже тогда, когда реальность диктовала требования жизни «по средствам». Эта избыточная, нерациональная щедрость проявляла себя в пирах, празднествах, роскошной по тем временам одежде, дорогом оружии, подарках. За обильными пирами часто следовали, – по крайней мере, для не особо богатой части рыцарства, – дни скудного рациона и воздержания.

У Кретьена де Труа⁸³ в самом раннем из известных нам рыцарских романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола «Эрек и Энида» (ок. 1160 г.) рыцарь Эрек попадает в дом к старому обедневшему рыцарю. Его приглашают к столу и, несмотря на крайнюю нужду, от души угощают:

*Но в кухне даром не возясь,
Всё приготовил он тотчас —
И мясо, и к нему приправу,
И дичь зажарена на славу.
Чтоб руки мыть перед едой,
Несет два тазика с водой.
Стол белой скатертью покрыт,
Хлеб подан и вино стоит,
И мясо подано, и птица.
И время за еду садиться.
За трапезою каждый съел
И выпил, сколько захотел.*

И одновременно дочь старого рыцаря одета в рубище, что вызывает недоумение у Эрека:

*Любезный друг: молчать невмочь —
Прелестнейшая ваша дочь
В такое рубище одета.
Как допускаете вы это?»
«Ах, друг мой, – тот ему в ответ, —
Достатка в доме нашем нет.
Да, горько мне, что вижу я
Любимое свое дитя
В одежде нищенской такой.
Да кто же властен над судьбой?
Вся жизнь – походы и сраженья,
А без хозяина имения
Пошли в продажу и в заклад.»⁸⁴*

В Средние века Европа представляла собой «натурально-хозяйственный мир деревень и замков, в которых ценность сокровищ, особенно денег, была принципиально иной, нежели в современном мире»⁸⁵, публичная расточительность органично соответствовала рыцарскому

⁸³ Кретьен де Труа (ок. 1135—1180/1190?) – средневековый французский поэт, основоположник куртуазного романа.

⁸⁴ Кретьен де Труа. Эрек и Энида / Перевод Н. Я. Рыковой. М.: Наука, 1980.

⁸⁵ История западноевропейской средневековой культуры: Метод. пособие / Сост.: Николаева И. Ю., Карначук Н. В. Том-

мироощущению с его гипертрофированной потребностью в демонстративном поведении. Надо учитывать, что средняя продолжительность жизни в Европе тогда не превышала тридцати лет. Можно было погибнуть от любой инфекции, чумы, а у рыцаря была еще и постоянная опасность погибнуть в бою от ран или сгинуть в очередном Крестовом походе. Поэтому ценность мига была высока. Однако и в более позднюю эпоху, когда развитие товарно-денежных отношений, казалось бы, должно было привести к необходимости счета денег, идеал избыточной демонстративной расточительности⁸⁶ оставался значимым для рыцаря, что часто оборачивалось курьезами трагикомического характера. Вообще рыцари были на редкость нерациональны, их кодекс более подходил для войн, но в мирной жизни им оставались лишь турниры, охота да разгульные пиры. Никакие хозяйственные или административные задачи в число их жизненных приоритетов не входили.

О своеобразности представлений о гуманизме того времени можно судить по истории с уже упомянутым ранее королем-рыцарем Людовиком IX. Он считался современниками человеком добрым и даже «по-хорошему» простым. Прикосновением исцелял людей, любил сидеть на земле, словно простолюдин, был человеком милосердным. Однако милосердие это было весьма специфичным. Так, некая зажиточная дама подговорила любовника убить своего мужа. Женщина во всём призналась и покаялась. Всё окружение короля, в том числе королева, епископ, братья-монахи, просили ее помиловать. Людовик посоветовался со своим исповедником – и приказал сжечь ее на костре, причем публично, что считалось страшным позором. В общем, милосердие в рыцарском кодексе было одной из главных добродетелей, однако формула этого милосердия была такова: доставить мучение телу ради спасения души, что было следствием средневековых представлений о разделённости души и тела. Поэтому в Средние века в Европе были ужасающие казни, которые длились по несколько часов. К казнимому приставляли специального чиновника, который спрашивал, что тот чувствует, и записывал ответы. Во Франции этот обычай сохранился до просвещенных времен Вольтера и Руссо – второй половины XVIII в. К чиновнику тогда добавлялись и журналисты. Так что от рыцарского кодекса Европа унаследовала многое – и не только культ Прекрасной Дамы.

Таков был средневековый рыцарь и его мир. Могла ли его волновать мода как способ социального отличия посредством одежды, если своё превосходство он мог в любую минуту доказать мечом? Думаю, нет. Он не был озабочен соблюдением дистанции с простолюдином. Эта дистанция была заложена во всей системе социальных отношений средневековой эпохи. Его костюм – вначале это была броня, туника из кожи или материи, покрытая металлическими бляхами, с конца IX в. ее вытеснила кольчуга, а в XIV в. появились рыцарские доспехи из металлических пластин и шлем с забралом, остававшиеся в ходу до XVII в., – мог быть богатым, если позволяли средства, но это был не вопрос моды, а показатель его личного достатка, часто являвшегося результатом грабежа побежденных врагов. Вот мы читаем у Кретьена де Труа в «Эреке и Эниде»:

*Я одолжу вам всё своё:
И меч, и доброе копье,
Прочнейшую из всех кольчуг,
Что выбрана из сотни штук,
Дам и сапожки дорогие
Удобные, хоть и стальные, —
Они вам подойдут — затем
Отличный воронёный шлем,*

ский государственный университет, 2001.

⁸⁶ Это понятие мы подробно рассмотрим позже в истории о социологе Торстейне Веблене.

*И щит мой новый, и коня.
Всё, что вам нужно, у меня
Берите из вооруженья.
Мне радость – это одолжение».
«Спасибо, друг! Но меч – со мной,
И верный он пособник мой.⁸⁷*

Никаких угроз жестко закреплённому статусу вооруженного рыцаря простолюдин не мог представлять ни физически, ни символически. Необходимость сложного, меняющегося визуального модного кода для демонстрации социального статуса, ставшая впоследствии одним из основных стимулов следования моде для аристократии в эпоху упадка классического феодализма, в то время еще не существовала.

Это рыцарское восприятие мира, жесткая эстетика покорителя, закованного в латы, долгое время находилась в поле морали и поведенческих кодов западных элит. Многих европейских монархов на парадных портретах вплоть до XVII в. мы видим в рыцарских доспехах. И даже испанский придворный костюм, главенствовавший в Европе XVI – первой половины XVII вв., – это всё те же рыцарские доспехи недавно завершивших Реконкistu испанцев, но пошитые из атласа и бархата. Только тогда рыцарство утрачивает специфику особого сословия и окончательно входит в состав дворянства. Воспитанные в военных традициях своих легендарных предков, представители старых рыцарских родов составляли костяк офицерского корпуса армий эпохи формирования национальных государств и имперских захватов, бесстрашно действуя в военных походах и осуществляя колониальные завоевания по всему миру. Дворянская этика последующих веков, включая принципы верности долгу и достойного служения отечеству, несомненно, несет в себе влияние рыцарской эпохи. Дворянский мундир – это, прежде всего, военный мундир, а неременный дворянский атрибут – шпага – это всё тот же рыцарский меч. Однако и аристократический личностный образец сменится затем буржуазным – и тогда мы, наконец, увидим более существенные перемены в костюме вместе с рождением социального института моды, окончательно сменившего традицию.

⁸⁷ Кретьен де Труа. Эрек и Энида / Перевод Н. Я. Рыковой. М.: Наука, 1980.

Общество войны и обычая

Даже в XX в., золотом веке модельеров, мода затихала в периоды войн. Средневековое общество – это общество войны, как его основного состояния. Предки средневековых европейцев – воинственные римляне – считали войну делом, неугодным богам. Поэтому для них важно было, чтобы война являлась *bellum justum*⁸⁸, т.е. имела справедливые, пусть и формально справедливые, основания. Так, известны случаи во II в. до н.э., когда судили римских наместников, начинавших войну по своему усмотрению, руководствуясь желанием получить добычу и славу⁸⁹. В эпоху Римской Республики право начать войну имел только сенат, а самые важные войны утверждались на народном собрании. К тому же войны Древнего Рима носили внешний характер и служили нескончаемым источником богатства республики и империи, т.к. военный грабеж, наравне с сельским хозяйством, считался честным источником дохода. Посему он был поставлен на рациональные рельсы, пополнял казну и финансировал армию.

В Средневековье военная добыча продолжала считаться справедливой, да и только. На средневековом Западе каждый дворянин – воин. Он имел право воевать с кем хочет и когда захочет, если не был связан договором или клятвой верности, где обязуется уважать «жизнь и члены» другого дворянина. «Частная» война есть общее право Средневековья. Редко когда считали долгом объявить войну прежде, чем начать ее. Иногда могли послать какой-то символический предмет, например перчатку, в знак того, что начинают неприятельские действия. В силу обычая и следующего из него общего закона в войну вовлекались семьи обоих противников, т.к. родственники должны были помогать друг другу до седьмого колена.

Феодалные междоусобные войны Средневековья – это и развлечение, и доходное дело. Шли они по одному сценарию. Феодал собирался «конно, людно и оружно», созывал семью и вассалов – и война начиналась. Конные воины делали набег на поместье врага, угоняли стада, сжигали посевы и лес, избивали крестьян и насильничали над ними. Задачей войны было овладеть замком противника и захватить самих противников с целью выкупа, что достигалось сражением и осадой. Сражение было стычкой двух масс конных рыцарей, при этом старались выбить противника из седла, не убив его, повалить на землю. Оруженосец рыцаря должен был схватить побежденного и овладеть его лошастью. Пленников держали в замке, пока они не выкупали себя за определенную сумму. Так же выкупали и замки. Этот бизнес считался настолько приемлемым, что им не гнушались даже монархи. Известная всем с детства история пленения короля Англии Ричарда Львиное Сердце⁹⁰ – классический пример такой предприимчивости. Король Англии был взят под стражу в 1192 г. по приказу самого императора Священной Римской империи Генриха VI, когда тот возвращался из Крестового похода в Палестину. Император на специально созванном собрании высокопоставленных духовных и светских лиц предъявил Ричарду список обвинений и потребовал в качестве выкупа 150 тыс. марок – двухлетний доход английской короны. Ричард, присутствовавший на собрании, отверг все обвинения, и, по рассказу хрониста, его защита была столь убедительна, что он «заслужил восхищение и уважение всех», но от выкупа его это не освободило. В Англии о пленении Ричарда стало известно в 1193 г. Его мать, Алиенора Аквитанская⁹¹, обратилась к папе Целестину III,

⁸⁸ Справедливая война (лат.) – понятие в католическом богословии, определяющее справедливые основания для войны и приемлемые способы ее ведения. Термин (греч. δίκαιος πόλεμος) был введен Аристотелем в трактатах «Политика», «Никомахова этика» и «О риторике к Александру», по латыни (*B. j.*) впервые употреблен Цицероном в диалоге «О государстве».

⁸⁹ Сморгин А. Курс лекций «Рим от Ромула до Августа» [Эл. ресурс]. URL: <https://magisteria.ru/category/ancient-rome>

⁹⁰ Ричард I Львиное Сердце (1157—1199) – английский король из династии Плантагенетов.

⁹¹ Алиенора Аквитанская (ок. 1124—1204) – герцогиня Аквитании и Гаскони, графиня Пуатье, королева Франции в 1137—1152 гг., королева Англии в 1154—1189 гг., одна из богатейших и самых влиятельных женщин Высокого Средневековья. Алиенора была супругой двух королей – сначала короля Франции Людовика VII, а затем короля Англии Генриха II Плантаге-

требуя сделать всё возможное, чтобы вернуть Ричарду свободу. Целестин отлучил от церкви участника заговора Леопольда Австрийского и угрожал экскоммуникацией⁹² королю Франции Филиппу Августу. Но против императора Генриха ничего не предпринял. После получения условий, на которых должен был быть освобожден король, всем налогоплательщикам было приказано предоставить четвертую часть доходов для сбора средств на выкуп. Когда стало ясно, что всю сумму не удастся собрать, было решено отправить императору двести заложников до тех пор, пока он не получит весь выкуп. Алиенора Аквитанская лично доставила деньги в Германию и 2 февраля 1194 г. на торжественном собрании в Майнце Ричард обрел свободу, но был вынужден принести оммаж императору и обещать ему выплату ежегодно пяти тысяч фунтов стерлингов. Известно, что после отъезда английского короля император пожалел о том, что отпустил узника, и отправил за ним погоню. Однако Ричарда не удалось схватить, и Генрих ужесточил условия содержания английских заложников. История эта, совершенно аморальная и незаконная для современного европейца, в «благородные» рыцарские времена считалась абсолютно естественной.

В общем, феодальные войны были большим бизнесом Средневековья, но бизнес этот даже на самом высоком уровне был «частным» и, в отличие от войн Древнего Рима, наносил колоссальный вред общему состоянию дел.

Если не было подходящей войны, рыцари устраивали турниры. На турнирах также брали в плен противников и заставляли их выкупать себя. Выкупы были настолько выгодным делом, что рыцари и сеньоры распространили свои интересы на купцов, горожан и даже духовных лиц, которых они похищали, сажали в темницы и мучили до тех пор, пока не получали требуемое.

В противоположность современности в Средневековье именно война была общим правом, а для того, чтобы прекратить ее, требовался специальный акт – мир. Война была хлебом рыцарей, но сущим бедствием для всего общества. В конце X в. церковь сделала попытку водворить Божий мир. Вначале на юге Франции провинциальные Соборы для покровительства беззащитным людям – крестьянам и монахам – объявили, что всякий, кто нападал на них, подлежал отлучению от церкви. Затем Собор в Тулузе 1041 г. постановил, что войны должны прекращаться на время праздников и воскресенья, на Филипповский и Великий пост. Это было Божье перемирие. В 1095 г. оно было утверждено и распространено на все христианские страны Клермонским Собором, – тогда же, когда был объявлен Первый крестовый поход. Соблюдение этого перемирия обеспечило бы 240 мирных дней в году, однако данные по его соблюдению практически отсутствуют. Известно, что для исполнения этих постановлений в XI в. для каждой епархии, по крайней мере во Франции, учредили общество мира под началом епископов. Оно имело «армию мира» – народную милицию, набранную из прихожан под предводительством священников, свою казну и свой суд. Однако документов об успешности этих учреждений практически нет.

Были и попытки установления Королевского мира. Там, где государь обладал достаточной силой, он мог объявить мир, и всякому, кто нарушал его, угрожал штраф или смертная казнь. В Нормандии, Англии и королевстве обеих Сицилий провозглашался «мир герцога». В Каталонии – мир графа Барселоны. В Германии многие императоры пытались объявить Королевский мир, например, Фридрих Барбаросса издал «письмо мира», однако все эти попытки терпели неудачу, сталкиваясь с глубоко укоренившимся общим правом войны в Германии. В средневековой Франции король столь слаб, что не в состоянии установить мир даже пределах своего поместья. Филипп IV Красивый (1285—1314), казнивший тамплиеров и про-

нета, мать двух английских королей – Ричарда I Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Женщина выдающейся красоты и характера, выделяющих ее не только в ряду женщин-правителей своего времени, но и во всей истории.

⁹² Экскоммуникация – отлучение от церкви.

тивостоявший власти римских пап, смог запретить войны и турниры на время собственных войн – и не более того.

Состояние мира для Средневековья – это исключительное положение. Средневековое общество анархично и жестоко по своей сути, в нём нет устоявшихся социальных институтов, и, прежде всего, самого базового – института мира, главенствующего над войной и проистекающим из нее беззаконием и несправедливостью. Готовое каждую минуту обрушиться в бездну, это общество едва держится на страхе перед Богом и обычаем. Разве оно может позволить себе такую роскошь, как *произвол в системе устойчивых социальных отличий*, в системе визуальных коммуникаций? Разве есть силы у средневекового общества, высший класс которого практически постоянно находится в состоянии войны, на моду, которая противостоит обычаю по самой своей сути? Тяга к роскоши и потреблению у этого класса феодалов-воинов определенно присутствует, но мода – более тонкий социальный институт, он требует мира и присутствия ему легкомысленности. Что и говорить, если и в XX в. – веке господства модельеров, в период войн мода уходила на второй план или вовсе «эмигрировала» в более безопасные страны. Таким образом, суждение моды, как потенциальной угрозы устойчивости и спокойствию, укоренилось в сознании общества на долгие века.

Суд, как и мир, – также не общее право, а исключение и привилегия в раннем Средневековье. Феодалный порядок не устанавливал между жителями феодальных стран ни одного из тех отношений, которые кажутся современному человеку необходимыми и само собой разумеющимися для существования государства. Не было ни государственного налога, ни государственной военной службы, ни государственных судов, а только частные повинности, частная военная служба, частные суды. Для каждого класса существовало особое правосудие. Духовное лицо подсудно церкви, горожанин – городскому трибуналу, свободные люди – суду своего графа, благородные вассалы судились в феодальном суде, состоящем из равных им.

Римское право действовало лишь в церковных судах, средневековое светское судопроизводство противоположно ему. Римский суд производился судьей во имя интересов общества, судья преследовал преступления, арестовывал тех, на кого падало подозрение. До вынесения приговора судья должен был выяснить все обстоятельства дела, собрать доказательства, особенно письменные. Средневековый суд действовал не в интересах общества. Он оказывал услугу сторонам, не рассматривая суть дела по существу. Даже уголовный процесс носил характер тяжбы между сторонами, где к обвинителю и обвиняемому относились одинаково: обоих сажали в тюрьму и подвергали одному и тому же наказанию. Средневековому суду нет дела до реальной истории преступления, он обязан судить не в соответствии с разумом и справедливостью, а строго формально, согласно обычаям. Во время судебного поединка между сторонами достаточно одного слова, произнесенного не по правилам, или движения, не соответствующего обычаю, чтобы тяжущийся был осужден. Вместо разбора дела по существу средневековый суд предпочитал предоставлять дело Божьему суду (ордалии) или дуэли. Ордалия – это варварский обычай, принятый церковью и уничтоженный лишь на Соборе 1215 г. Суть его в «испытании». Например, огнем, когда ответчик брал в руку кусок раскаленного железа. Затем руку завязывали и открывали через несколько дней. Если рука не была повреждена, то ответчик выигрывал дело. Дуэль была излюбленным приемом судопроизводства Средневековья. Ее применяли не только к благородным, но и к крестьянам, как привилегию – к рабам, а женщины и немощные могли выставлять за себя бойцов. Дуэлью разрешались дела не только уголовные, но и тяжбы о собственности и наследстве. По сути, «право сильного» было основой средневекового порядка. Средневековое общество не знает права в современном или римском его понимании, его право или, точнее, правило – обычай, «кутюм». Оно плохо воспринимает закон.

Кутюмы различны не только в разных странах, но и в сеньориях. Они различны для духовных лиц, дворян, крестьян, горожан. Это частное право каждого класса. Обычай не изло-

жен на бумаге, он основан на прецеденте, сохраняющемся в памяти. Для средневекового человека справедливое – это то, что делалось всегда, раньше, «добрый обычай», а несправедливое – всё новое (*nouvelle*). Прогресс возникает только по незнанию или необходимости, в остальном каждое новое поколение старается во всём подражать предыдущему.

Средневековое общество, – непрочное, поглощенное выживанием в войне, – просто пронизано неприятием нового, оно держится за обычай, как за формальность может держаться всё неустойчивое. Мода по самой своей сущности противостоит институту обычая, поэтому ей нет места в умах и душах средневековых людей.

Общество голода и чумы

*Дичину в дебрях он стреляет
И голод мясом утоляет.
Среди пустынных этих мест
Ивейн сырое мясо ест.
Кретьен де Труа, «Ивейн, или Рыцарь со львом»⁹³*

Давайте теперь представим себе материальную жизнь средневекового человека и посмотрим, могли ли условия его реального существования и его мировоззрение хоть как-то соотноситься с желанием участвовать в погоне за модой, создавать моду, тратить на это свои скудные материальные и моральные ресурсы.

По словам Ле Гоффа, «средневековый Запад представлял собой мир, находящийся на крайнем пределе. Он без конца подвергался угрозе лишиться средств к существованию. Мир жил в состоянии крайне неустойчивого равновесия. Средневековый Запад – это прежде всего универсум голода, его терзал страх голода и слишком часто сам голод»⁹⁴.

Голод порождался любой минимальной климатической аномалией, вызывающей плохой урожай в среднем каждые три-пять лет. Те, кто не умирал с голода, вынуждены были потреблять недоброкачественную пищу – травы, испорченную муку, даже землю, что влекло за собой болезни, часто смертельные, или хроническое недоедание, которое подтачивало здоровье и приводило к ранней смерти. Голод порождал эпидемии, которые также выкашивали население. Ле Гофф ссылается на книгу «*Hungersote im Mittelalt*» Фрица Куршмана о голоде в Средние века, где собраны сотни текстов из хроник вплоть до Великого голода 1315—1317 гг. В этих хрониках разворачивается бесконечное траурное шествие стихийных бедствий, голодных лет и эпидемий с их ужасающими эпизодами, включая каннибализм, и неизбежной развязкой – мором с традиционными жертвами – бедняками.⁹⁵

Рауль Глабер⁹⁶ так описывает голод 1032—1034 гг. в своей «Истории»: «Голод принялся за свое опустошительное дело, и можно было опасаться, что исчезнет почти весь человеческий род. Атмосферные условия стали настолько неблагоприятны, что нельзя было выбрать подходящего дня для сева, но главным образом по причине наводнений не было никакой возможности убрать хлеб. Продолжительные дожди пропитали всю землю влагой до такой степени, что в течение трёх лет нельзя было провести борозду, могущую принять семя. А во время жатвы дикие травы и губительные плевелы покрыли всю поверхность полей. Хорошо, если мюид семян давал одно сетье урожая, а с него едва получали пригоршню зерна. Если по случаю и удавалось найти в продаже что-нибудь из продуктов, то продавец мог запрашивать любую цену. Когда же съели и диких зверей, и птиц, неутолимый голод заставил людей подбирать падаль и творить такие вещи, о каких и сказать страшно. Некоторые, чтобы избежать смерти, ели лесные корни и траву. Ужас охватывает меня, когда я перехожу к рассказу об извращениях, которые царили тогда в роду человеческом. Увы! О горе! Вещь, неслыханная во веки веков: свирепый голод заставил людей пожирать человеческую плоть. Кто был посильнее, похищал путника, расчленил тело, варил и поедал. Многие из тех, кого голод гнал из одного места в другое, находили в пути приют, но ночью с перерезанным горлом шли в пищу

⁹³ Кретьен де Труа. Эрек и Энида / Перевод Н. Я. Рыковой. М.: Наука, 1980. 514 с.

⁹⁴ Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 216.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Рауль Глабер (985—1047) – бургундский хронист, монах-бенедиктинец, автор латинской «Истории своего времени в пяти книгах», охватывающей период 900—1046 гг.

гостеприимным хозяевам. Детям показывали какой-либо плод или яйцо, а потом их уводили в отдаленное место, там убивали и съедали. Во многих местностях, чтобы утолить голод, выкапывали из земли трупы.

В округе Макона творилось нечто такое, о чем, насколько нам известно, в других местах и не слыхивали. Многие люди извлекали из почвы белую землю, похожую на глину, примешивали к ней немного муки или отрубей и пекли из этой смеси хлеб, полагая, что благодаря этому они не умрут от голода. Но это принесло им лишь надежду на спасение и обманчивое облегчение. Повсюду видны были одни лишь бледные, исхудалые лица да вздутые животы, и сам человеческий голос становился тонким, подобным слабому крику умирающих птиц»⁹⁷.

Голод приводил к истощению людских ресурсов, в результате экономика постоянно страдала. А великая эпидемия чумы 1348 г. превратила демографический спад в катастрофу.

Материальная нестабильность определяет присущее средневековому человеку постоянное чувство неуверенности. Единственное, в чём он обретал чувство безопасности, – это религия. Главный его фетиш – хлеб.

Хлеб – это основная пища масс и сакральный продукт, объект чудес святых. Легенды о средневековых праведниках, чудесным образом создающих хлеба, – это не только память о чудесах Христа, но также и мечты средневекового человека, которого неотступно преследовал голод. Главный вид статусного отличия богатых от бедных – это пир, обжорство. Средневековье было настолько скудным миром, что хвастовство и демонстративную роскошь выражали в «продовольственном» поведении, а не в текстильном и костюмном. Объектом вожеления была еда, а не одежда. Чтобы показать свой статус люди объедались, а не наряжались.

Существует замечательный документ той эпохи – сатирическая эпопея «Роман о Лисе» («*Roman de Renard*»), памятник французской городской литературы конца XII—XIV вв., популярный также и у фламандцев, голландцев, немцев и англичан.

«Роман о Лисе» представляет собой две дюжины сказок, или «ветвей», которые возникли в разное время и были сведены воедино переписчиками, вероятно, по той причине, что в большинстве из них действуют одни и те же главные персонажи – лис, волк, лев и некоторые другие. В прологе к III ветви «Ренара» комически описана мифологическая история сотворения животных: мановением руки Ева порождает Волка и Лисицу; автор раскрывает перед нами «смысл» этого факта:

Сей лис иносказательно означает Ренара, большого пройдоху.

С тех пор всех, кто хитер и ловок, называют Ренаром...

Знайτε же, что Изенгрин, дядя Ренара, был великий вор...

Он иносказательно означает волка, который украл овец Адама.

*Всех, кто хорошо умеет воровать, по праву называют Изенгрином.*⁹⁸

Сюжет произведения строится вокруг борьбы умного и хитрого лиса Ренара с грубым и кровожадным волком Изенгрином, с сильным и глупым медведем Бреном, львом Ноблем (королем), глупым ослом Бодуэном (священником). Основным двигателем борьбы лиса Ренара является голод и кража еды – ветчины, сельдерея, сыра. Когда лис и его товарищи превращаются в баронов, они первым делом закатывают пир:

⁹⁷ Цит. по: Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

⁹⁸ Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. / Пер. с фр. И. К. Стаф. СПб.: Алетейя, 2003. С. 392.

«Дама Эрзан с радостью устраивает им празднество и готовит всё, что может: ягненка, жаркое, каплунов в горшке. Она приносит всего в изобилии, и бароны с избытком утоляют свой голод».

Сытость, а не богатый, тем более модный, костюм становится символом обретения нового, более высокого статуса.

Самая базовая из человеческих потребностей – еда, а отнюдь не одежда, еще долгие столетия будет оставаться фетишем, важнейшим маркером социального статуса, а обжорство – объектом вождения большинства, одним из главных грехов знати и в каком-то смысле предписанным демонстративным поведением королевских особ. Прием пищи превратился в значимую придворную церемонию задолго до того, как такую же роль стали отводить смене разнообразных придворных костюмов при Людовике XIV. Вот как описана церемония ежедневного приема пищи его отцом, Людовиком XIII, уже в первой половине XVII в.:

«Согласно церемониалу, король восседал за столом, окруженным барьерами, на высоком стуле. С одной стороны от него размещался первый лейб-медик, с другой — первый гофмейстер. Позади — уже стоя — капитан королевской гвардии, два вооруженных стражника, принцы и кардиналы, находящиеся в это время в Лувре, а за барьерами — неподвижные и молчаливые придворные. Король благоговейно и отрешенно выслушивал „Benedicite“ — молитву перед едой, которую произносил священник в качестве символа милосердия, затем принимал от самого знатного из сеньоров салфетку и приступал к трапезе»⁹⁹.

А вот, к примеру, что подавали весьма слабому здоровьем Людовику XIII перед осадой Ла Рошели 29 января 1628 г. На обед: протертый суп из каплунов, заваренный хлебом; суп с прожаренным в жире мясом, сдобренным лимонным соком; отварная телятина; костный мозг; рубленые каплуны с хлебными крошками; желе; два печеных яблока с сахаром; груша в сиропе; начинка из яблочного пирога; три пакета вафельных трубочек; хлеб; легкое, слабоокрашенное, но хорошо выдержанное вино. На ужин: похлебка из каплунов и рубленые каплуны; телятина в собственном соку; суп с телятиной в собственном соку; отварная телятина; костный мозг и нижние части куриных ножек.¹⁰⁰ Как он всё это съедал – остается загадкой, но, возможно, такая способность к обжорству была требованием к королевской персоне, уходя корнями в голод Средневековья и сакральное отношение к еде.

⁹⁹ Эмиль Мань. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII / Пер. с франц. А. С. Васильковой. СПб.: Евразия, 2002. С. 64.

¹⁰⁰ По книге: Эмиль Мань. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII / Пер. с франц. А. С. Васильковой. СПб.: Евразия, 2002.

Общество без времени и коммуникаций

Восприятие мира выражается в двух основных категориях – время и пространство. Существует термин «Хронотоп» – «время—пространство», где «хронос» – по-гречески «время», а «топос» – «место». Буржуазное общество и промышленный переворот внесли в восприятие времени и пространства принципиальные изменения, которые отличают нашу современную картину мира от картины мира обществ добуржуазных, архаичных. Современный человек воспринимает время как некий абстрактный однородный поток, который можно разделить на соизмеримые отрезки. Этот поток равномерно течет из безвозвратного прошлого через настоящий момент – в еще неизвестное будущее. Мода – дитя современного, буржуазного, линейного, быстротечного, остро ощущаемого времени.

Человек же Средневековья индифферентен к времени «историческому», его мировосприятие – это мировосприятие аграрного циклического времени (пахота—сев—жатва), усиливавшаяся календарем религиозных праздников. Он живет «от рассвета до заката», постоянно воспроизводя вчерашний опыт. Время не воспринимается им как ценность, его не считают, оно тратится на церемонии и празднества, на паломничества и бесконечные молитвы. Время утекало у средневекового человека, словно песок, но то был человек эпохи, которая не столько не измеряла время, сколько жила естественным, природным временем, органически ощущая цикличность смены утра вечером, зимы – весной, летом, осенью и снова зимой.

Единственным учреждением раннего Средневековья, которое пыталось организовать время, была церковь. Церковное время, казалось бы, отличалось от «естественного» времени, противостояло ему. Однако и оно на самом деле было цикличным, а не линейным, в нём не было развития и динамики. Только церковь разделяла сутки и год не по природным явлениям, а в соответствии с церковными праздниками и задачами богослужения, ежедневно и ежегодно повторяющими свой круг. Это «церковное» время было скорее синтезом исторического и мифического. Мифическое время – это не события прошлого, а события, которые постоянно актуализируются во время религиозных праздников, возрождаясь в ритуалах. Все эти ритуалы воспринимались через живое «детское» сопереживание публики как реально происходящие у нее на глазах события.

В период раннего Средневековья античное искусство строить солнечные и водяные часы (клепсидры) сохранилось только в Византии и в арабском мире. На Западе они были крайней редкостью и воспринимались скорее как диковина, чем как полезный в жизни механизм. Хроники сообщают, что арабский халиф Харун ар-Рашид прислал императору Карлу Великому в Аахен сложно устроенные водяные часы. Однако как распорядился подарком Карл Великий, хроники умалчивают.

Лишь в XIII в. в Европе появляются механические часы. Известно, что в 1288 г. башенные часы были установлены в Вестминстере. Первые в Западной Европе башенные механические часы имели всего одну стрелку – часовую. Минуты тогда не измерялись вообще, зато такие часы нередко отмечали церковные праздники. Так, башенные часы в Страсбурге, установленные в 1354 г., не имели маятника, зато отмечали часы, части суток, праздники церковного календаря, Пасху и зависящие от нее дни.

Первые карманные часы были запатентованы в 1675 г. Х. Гюйгенсом¹⁰¹. Всеобщим мерилом и частной необходимостью время стало только к буржуазным XVII—XVIII вв.

¹⁰¹ Христиан Гюйгенс ван Зейлихем (1629—1695) – голландский механик, физик, математик, астроном и изобретатель. Первый иностранный член Лондонского королевского общества, член Французской академии наук с момента основания и первый ее президент.

Средневековому человеку точное время было ни к чему. Он знал, что было первое Пришествие, и ожидал второго – и это всё. Единственный персонаж Средневековья, который существовал в конкретном времени – это бюргер или купец, хотя и он вплоть до XIV в., когда вместе с механическими часами внедряется новая линейная система осмысления времени, действовал скорее на удачу, чем сообразуясь с точными расчетами. Купец был главным провозвестником новой экономики, существующей не в цикличном времени натурального хозяйства или церковном времени повторяющихся богослужений, а времени, где от него зависит стоимость денег и товара.

И всё же средневековое естественное цикличное время осталось с модой Нового времени. Ежегодные циклы обновления моды, столь удачно нащупанные Людовиком XIV в законе 1667 г., аналогичны архетипу вечно возрождающегося героя, как и ежегодным циклам религиозных праздников. Поэтому воспринимаются как нечто естественное, повторяя вечный цикл рождения и смерти. Так что, строго говоря, современная мода живет одновременно в двух временных измерениях – линейном «буржуазном» и цикличном средневековом.

Пространство – вторая базовая категория мировосприятия. А оно в Средневековье из-за проблем с коммуникациями сузилось до масштабов конкретного места проживания человека. Коммуникация – это еще одно условие для функционирования моды. Во-первых, для движения моды в каких-то более-менее значимых масштабах нужен широкий обмен информацией между участниками модного процесса. Но как это сделать, если носителей такой информации практически нет, да и те немногие рассеяны по разным странам и лишены возможности личной коммуникации ввиду весьма плачевного состояния дорог? Во-вторых, безопасные дороги и транспорт необходимы для перемещения товаров. В-третьих, одежда как символическая коммуникационная система должна быть единой для коммуникаторов, чтобы они понимали друг друга. Возможно ли это при отсутствии развитых физических коммуникаций? И всё же совершенно очевидно, что цивилизация Запада даже в эпоху Средневековья, в отсутствие хороших дорог, развитой письменности и общего массового языка, была единой, если не единообразной.

Давайте поразмышляем, как люди общались в эпоху Средневековья, передавали информацию через большие расстояния и время, как они договаривались. Как распространялась информация в догутенберговской вселенной, т.е. до изобретения печатного станка, когда письменность была еще мало развита, скорость обмена информацией очень низкая, а физические коммуникации медленны и опасны? Мы поговорим о коммуникации, о том, без чего развитое человеческое общество не может существовать.

Люди Средневековья были домоседами или они всё же передвигались? Как много, как часто и как далеко? С одной стороны, единый язык средневекового богослужения и средневековой науки – латынь – облегчал перемещение богословов и священнослужителей так же, как единство обычаев господствующего класса способствовало передвижению рыцарей от одного феодального двора к другому. Но передвигались в те времена очень неторопливо. За сутки удавалось покрыть не более нескольких десятков километров. Например, путь из Флоренции в Неаполь занимал одиннадцать-двенадцать дней. Путешествовали медленно не столько потому, что Средневековье не слишком ценило время, сколько из-за того, что транспортные средства были плохи. Древний Рим оставил после себя 150 тыс. километров прекрасных шоссейных дорог¹⁰². Но состояние их без централизованной поддержки было плачевным, а окрестные жители часто выламывали камни из них для строительства своих жилищ. Обычные средневековые дороги представляли собой тропы, проложенные через поля или в лесу, и были настолько узки, что две повозки не могли свободно разъехаться: специальные статуты XIII в.

¹⁰² Шоссейная дорога – дорога с искусственным покрытием, чаще всего – твердым, обязательно с устройством на основе дорожного полотна поверх грунтового основания, и с устройством для стока воды по обочинам.

предписывали, что пустая повозка должна была уступать путь грузеной. Пользоваться дорогами можно было только в хорошую погоду – в зимнее и дождливое время они становились непроезжими. Только королевские дороги во Франции достигали ширины двух повозок благодаря введению королевской властью и монастырями специальных повинностей по их строительству и поддержанию. Часть из них была вымощена уже в конце XI века.

Римские мосты через большие реки в Средние века были разрушены. Те новые, деревянные, что начинали строить, согласно средневековым хроникам, часто сами жители города могли сжечь в целях безопасности, чтобы воспрепятствовать переправе грабителей с другого берега. Мост могли поджечь и перевозчики, в расчете увеличить плату за перевоз, как произошло, например, с мостом у Майнца, который был сожжен в 813 г. Некоторое оживление в строительстве мостов приходится только на XII в. В несколько лучшем положении было строительство каменных мостов в Северной Италии по причине сохранившихся римских традиций.

Как вообще люди передвигались сами и перевозили товар? Римская система упряжи была такой: быков запрягали непосредственно за рога, а лошадям надевали ремни на шею. Такая упряжь не позволяла использовать тяжело нагруженный воз. Однако в раннее Средневековье всё же распространяются некоторые нововведения, например железная подкова: римляне лишь в исключительных случаях подвязывали лошадям и верблюдам подковы из металла, кожи или даже соломы. Настоящие подковы, прибиваемые гвоздями к копытам, стали распространенным бытовым явлением к X в. Подкова сберегала копыта, позволяла лошади быть устойчивей и тащить большой груз. К началу IX в. относится изобретение хомута и распространение дышла, которое было известно римлянам, но не получило у них широкого применения. Масловым использование этих усовершенствований стало в XII в., что позволило перевозить более тяжелые грузы. В это же время началось усиленное мощение дорог. Так что и этот факт также приводит нас к выводу, что ранее XII в. не было необходимых условий для нормального обмена товарами и, соответственно, хоть какого-то распространения общеевропейской моды.

Плохие дороги и мосты мешали развитию торговых связей, но были лишь частью слабости всей системы средневековых коммуникаций. Отсутствие налаженного обмена порождало те социальные условия, которые, со своей стороны, препятствовали его упорядочиванию. Сам феодальный уклад ограничивал коммуникации: многочисленные таможенные заставы приводили к удорожанию провоза товаров и замедляли сообщение.

Хуже всего дело с таможнями обстояло в Германии. Так, на Рейне, между Базелем и Роттердамом, они размещались в среднем через каждые 10 км, на Эльбе, между Прагой и Гамбургом, – через каждые 14 км, на Дунае, между Ульмом и Пассау, – через каждые 15. Сеньоры предписывали купцам обязательные дороги для проезда на ярмарку. Такая дорога могла быть в несколько раз длиннее прямого пути, но она была закреплена обычным правом, и заменять ее лучшей строжайше воспрещалось. Феодалы получали плату за конвой, то есть за выделение вооруженных всадников для охраны путников, хотя по сути это был обычный рэкет. Феодальное право диктовало путнику не только то, где он должен был ехать, но и где останавливаться – в какой харчевне, у какого кузнеца или седельника, регламентировалось также количество припасов, какое следовало закупать проезжающим. И еще множество регулирующих правил, вплоть до того, что в случае поломки повозки или падения животного вещи, высыпавшиеся на землю, становились собственностью местного сеньора. Направляющиеся на войну или очередной Крестовый поход армии просто грабили торговые обозы. Гораздо позже, в эпоху формирования национальных государств и возникновения осмысленно-научного подхода к экономической политике государства, возникло понимание необходимости поддержки торговли и, соответственно, хороших и безопасных дорог с единой системой налогообложения. А пока, в Средние века, физические коммуникации, если они были связаны с перевозом каких-либо ценностей, были весьма затруднительны. Поэтому и моды могли меняться преимущественно по воле случая, а не вследствие регулярного обмена информацией и товарами. Так, под влиянием

янием Крестовых походов западная элита стала носить более длинную и струящуюся одежду на «восточный манер».

Как еще можно было коммуницировать в ту эпоху? Устная культура ненадежна, информация плохо сохраняется при передаче. На чём писал и как совершенствовал человек те носители, на которые можно было нанести информацию, а затем передать ее через расстояния и время? Как, например, во Флоренции XII века можно было узнать о том, что носят при бургундском дворе, помимо того, чтобы просто приехать и увидеть это своими глазами?

Сейчас трудно представить себе время без возможности получить любые данные в любой момент. Но Средневековье – это время дефицита самых элементарных носителей информации, хотя именно тогда мы наблюдаем одну очень серьезную и важную эволюцию, касающуюся формы книги. Изначально книга представляла из себя свиток (лат. *volumen*) и лишь постепенно она эволюционирует к кодексу, от нетранспортабельной – к транспортабельной. В Риме свитки делались из папируса – материала, который завозили из Египта, где он выращивался. Свитки из склеенного папируса скручивали в трубки и вкладывали в глиняные кувшины. Собственно, это и была форма хранения книг в древних библиотеках, самой известной из которых была знаменитая библиотека в Александрии. С закатом Римской империи, упадком обмена с Египтом папирус перестал быть носителем информации, т.к. его просто не выращивали на территории Европы.

Форма кодекса вплоть до Средневековья использовалась, но для простых записей и черновиков. Массово кодекс распространяется ближе к середине первого тысячелетия и становится неотъемлемым элементом христианской культуры как форма книги. Делали его из пергамента, то есть из специфическим образом выделанных шкур животных, а обложка делалась из дощечек, которые обшивались кожей. Кодекс представлял собой, безусловно, более сохраняемую книгу, он создавал иную практику и чтения, и переписывания, копирования книг.

Вплоть до XI в. книги изготавливают преимущественно в монастырях, позднее их производство переключается в университеты, которые также были в той или иной мере религиозными учреждениями. Технологический процесс создания книг был сложным. Первоначально довольно долго, несколько месяцев, готовили пергамент. Подготовка состояла из процедур ошпаривания, многократного дубления, промывки и т. д. После этого пергаментчики разрезали шкуру при помощи свинцовых карандашей, чистили кожу пемзой, затем лист размечался, указывались поля, производилась обрезка, оставлялось место под иллюстрации и только потом материал передавался в скрипторию для переписывания книг. Затем книга иллюминировалась, т.е. иллюстрировалась. Можно ли представить монахов или ученых людей, чаще всего богословов, всерьез интересующихся фасонами одежды и использующих для передачи информации о ней столь сложно добываемые носители информации?

Свободно информация начала передаваться лишь в век бумаги. Классическая бумага, с проклейкой в массе, была создана в Китае еще в начале II в. н. э. В VII в. способ ее изготовления становится известным в Корее и Японии, а еще через 150 лет через военнопленных попадает к арабам. В VI—VIII вв. производство бумаги осуществлялось в Средней Азии, Корее, Японии и других странах Азии. И лишь в XI—XII вв. она появилась в Европе, где заменила животный пергамент. Производство бумаги начнет быстро расти в Новое время, с XV—XVI вв., в связи с началом книгопечатания. А до тех пор носители информации были дефицитным и дорогим продуктом, что тормозило эффективную коммуникацию, в том числе и обмен информацией о новых «модах».

Основа гардероба средневекового человека

Если говорить об одежде ранних Средних веков, то куда уж проще: никакой вам метафоричности и символичности. Мода была бы настолько избыточной характеристикой средневекового мировоззрения, что раннесредневековый романский и даже готический костюм – это некая простейшая смесь античных традиций, византийских деталей и варварских новшеств – «штанов», те же древнеримские рубашкообразные тоги, надетые одна поверх другой, и плащи. По большому счету, у нас практически нет достоверных сведений об одежде раннего Средневековья, помимо т.н. реликвий (напр., туники, принадлежавшей королеве Батильде¹⁰³) и археологических изысканий Нового времени. Однако ткань и кожа – материалы средневекового костюма – плохо сохраняются в земле, но по обрывкам платья и взаимному расположению металлических предметов – пряжек, нашитых на платье блях, обувных застежек и других деталей – археологам порой удается реконструировать одежду, в которую покойника обрядили для вечной жизни. Сопоставление вещей, принадлежащих к галло-римской и франкской культуре, показывает, как смешивались и воздействовали друг на друга привычки и вкусы населения, принадлежавшего к обеим народностям. Что важно: как правило, богатым убранством отличаются языческие захоронения. После VII в. заупокойный инвентарь даже в могилах королей становится куда скромнее и проще – дань христианскому благочестию и скудости жизни.

Вплоть до XII в. основу гардероба средневекового человека Запада¹⁰⁴, – как крестьянина, так и аристократа, – составляли всего несколько вещей: льняная рубашка (камиза или шенс), штаны, верхняя рубашка, плащ и мягкая обувь без подошвы. Интересно, что средневековый костюм фактически был «унисекс»: женская одежда несущественно отличалась от мужской.

Короткие штаны – брэ, первоначально были простым полотнищем, которое обертывалось вокруг бедер и закреплялось на поясе. Позднее брэ удлинились до колен, а затем – и до лодыжек. Помимо брэ носили и другие штаны – шоссы. Это были плотные чулки, натягивавшиеся отдельно на каждую ногу и закреплявшиеся застежками к поясу. Только в XIV в. обе половинки шосс слились в единый предмет туалета – аналог современных штанов. Шоссы могли как плотно облегать тело, так и быть достаточно просторными. Характерно, что шоссы в то время носили и женщины, и лишь позже у них отняли это право, за которое пришлось вновь бороться в эпоху эмансипации.

В раннем Средневековье камиза не считалась нижней рубашкой в современном смысле слова, но поверх нее надевали еще одну рубашу – блио¹⁰⁵. Запад вообще долго, почти до Нового времени, не знал понятия «белье». В гардеробе также присутствовал простейший плащ, иногда с капюшоном – прямоугольный кусок материи, скреплявшийся на плече или груди фибулой (застежкой). Поначалу он был настолько короткий, что покрывал лишь верхнюю часть тела. Женщины закутывались в простую накидку, а зимой носили грубо выделанные овчинные тулупы. Обувь с заостренным и удлиненным носком целиком шили из кожи, без твердой подошвы. Предназначалась она исключительно для закрытых помещений или верховой езды. По улице ходили либо в деревянных башмаках, либо и вовсе босиком.

¹⁰³ Батильда (ок. 630/635—680) – франкская королева, канонизированная Католической церковью.

¹⁰⁴ По материалам: Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII веков. Эпоха, быт, костюм. М.: Искусство, 1978.

¹⁰⁵ Блио (фр. *Bliaud*) – средневековая верхняя женская и мужская одежда, известная с X в. Была распространена с XI—XIII вв. Женские блио представляли собой длинное платье с рукавами, узкими до локтя и расширяющимися к запястью. Мужское блио было узким, с боковыми разрезами и короткими рукавами или же вообще без рукавов. Блио могли носить с богато украшенным поясом. На скульптурах святых в храмах X—XIII вв. во Франции и Великобритании одежда представляет именно блио. Более поздняя разновидность блио – роше (фр. *rochet*) – отличается широкой юбкой и часто пришнуровывающимися рукавами. Основными материалами для изготовления блио были тонкая шерстяная ткань или шелк.

Единственным «знаковым» предметом гардероба были перчатки и рукавицы, которые первоначально являлись предметом обихода крестьян, использовавших их в работе при прополке и жатве. Но постепенно они были заимствованы феодалами и приобрели символическое значение. Вручение перчатки стало означать феодальный оммаж, церемонию символического характера, присягу, оформлявшую заключение вассального договора. Напротив, бросая кому-нибудь перчатку, аристократ выражал свое презрение.

В целом, в раннем Средневековье конструкция костюма была очень примитивной и одинаковой для всех – мужчин и женщин, знати и простолюдинов, духовенства и паствы. Он отличался качеством материала и украшениями, но не покроем. Безусловно, босой, в коротких брз крестьянин, стоящий на пашне по колено в грязи, отличался от священника или рыцаря в доспехах. Однако в домашнем быту домотканые одежды рыцаря, ничем не выделяли его из челяди. Только спустя несколько веков гендерные и социальные отличия отразились и закрепились в одежде. В романе уже упомянутого Кретьена де Труа «Эрек и Энида», датированного ок. 1170 г., так описан наряд Эниды, дочери дворянина, разоренного феодальными междоусобицами:

*...Небогат
Был этой девушки наряд;
Рубашка скромного покроя
И платье белое простое
Из домотканого холста.
Во всём сквозила нищета.
До дырок износилась ткань,
Жалка, убога эта рвань,
Но тело, скрытое под ней
Тем и прекрасней и нежней.¹⁰⁶*

Большая часть гардероба в Средние века изготавливалась в домашнем хозяйстве – не только крестьянская одежда, которую кроили из домотканого холста и шерсти, но и одежда феодала, поступавшая в виде ренты. Только с ростом городов в XI—XII вв. появились цехи портных, изготавливавших костюмы по заказу или на рынок, а знать и горожане стали одеваться в купленные ткани.

Что касается костюма духовенства, еще в конце VII в. римская церковь осуждала только зарождавшийся обычай священства носить особые одеяния. Но постепенно так называемая литургическая одежда обособляется: духовенство начинает носить костюм, отличный от платья мирян, сложившийся, вероятнее всего, под византийским влиянием. Постепенно появляются отличия в костюме простолюдинов и знати. Первые разграничения были продиктованы скорее экономическими ограничениями, и начались с цвета, – ведь процесс окрашивания был дорогим удовольствием. Простолюдины довольствовались простой некрашеной одеждой, либо простейшими темными цветами, тогда как знатные люди одевались в зеленое, синее, красное. Значение имело также качество выделки тканей и особенно орнамент и наличие украшений в одежде знатных лиц.

В целом, система социальных различий проявлялась в костюме на протяжении почти всего Средневековья в виде деталей: цвета, каймы, нашивок и качества материалов. Всё остальное оставалось по-старому вплоть до XII в., когда прежде всего во Франции готический костюм становится более облегающим, а грубая, не кроенная по частям одежда сменяется платьем, более приспособленным к фигуре. Поэтому описание костюма рыцаря Круглого Стола у Кре-

¹⁰⁶ Кретьен де Труа. Эрек и Энида / Перевод Н. Я. Рыковой. М.: Наука, 1980. 514 с.

тьена де Труа в «Эреке и Эниде», если и воспринимать как достоверное, то, скорее, его достоверность относится ко времени написания, т.е. к середине XII в.

*Чуть дальше всадник молодой,
Эрек по имени – герой
И рыцарь Круглого Стола.
Прославлены его дела
В те дни за доблесть никого
Так не хвалили, как его.
На дорогом коне
Он скачет, дам сопровождая,
В плаще из шкурок горностая,
В богатой куртке для охоты
Из шелка греческой работы,
Гамаши дорогой парчи
Так скроены, что и не ищи
Искусней и честней работы.
Горит на шпорах позолота.*

Только к Высокому Средневековью в XIII в., вместе с появлением в духовной сфере интереса к конкретному человеку, с его конкретной душой и телом, появляется новое платье, сшитое по фигуре, с отдельно скроенными частями.

Главный вопрос

Итак, моды, как это показано выше, фактически не существовало по материальным и духовным причинам. И всё же она зародилась именно на средневековом Западе, материально скудном и технически отстающем от Востока. Попробуем построить гипотезу, почему так случилось, а для этого нужно проникнуть в устройство того мира, увидеть, что произошло в нём такого, что превратило этот магический «вечный космос» Средневековья в общество технологий и «быстрого момента» Нового времени.

Что позволило западному обществу стать в той мере цивилизованным и достаточно беззаботным, чтобы перестать держаться за обычай, думать не только о вечном, но и «ловить драгоценный момент», устремиться на поиск нового, не теряя связи с культурными корнями? Что дало людям Средневековья ту опору, которая позволила, оттолкнувшись от нее, обрести свободу и совершить скачок в будущее? Что создало сам Запад? Возможно, такие вопросы покажутся слишком амбициозными и глобальными для исследования столь незначительного явления, как мода. Но суть в том, что мода тем и интересна, что действительно органично присуща лишь западной цивилизации. И чтобы ответить на этот вопрос, нам придется понять, чем вообще Запад отличается от всех остальных цивилизаций и когда он встал на ту дорожку, которая привела его на путь модернизации.

Конкуренция церковной и светской власти

В XI в. в западной цивилизации происходят события, которые принципиально меняют ее сущность. Именно эти события, а не «неожиданный» повышенный интерес к античности, о котором часто пишут, как о первопричине Возрождения, приведут позднее к Ренессансу в искусстве и науках, Реформации в церкви, и выросшей на этой почве первой в мире цивилизации Нового времени, устремленной к прогрессу. Мы говорим о преобразовании церкви папой Григорием VII (1073—1085), его борьбе с Империей за инвеституру¹⁰⁷, а фактически – за выход церкви из-под контроля светского общества, власти императоров и королей, которая станет началом новой эпохи как в религиозной, так и в политической жизни Запада.

В первые века существования христианская церковь представляла совокупность общин. Главы этих связанных непрерывными сношениями, но разделенных территориально сообществ избирались паствой путем голосования. Начиная с VI в. исторические условия содействовали усилению первенства Римской церкви. К X в. формально папа оставался главой христианства, но на практике его власть была ослаблена беспорядками в курии, вмешательствами императоров и римских баронов. Власть папы ограничивало и множество различных институций – соборы, патриархи, митрополиты, епископы. Важную роль в период устроения христианского мира, который наступил после окончания гонений на христианство, играли Вселенские соборы. Они старались упорядочить управление церковью и установить догму, хотя водворять мир и согласие на этих многочисленных собраниях было достаточно трудно, и с конца IX в. Вселенских соборов не стало.

Патриархи Александрийский, Иерусалимский, Антиохийский и епископ Константинопольский занимали некогда влиятельные места в церковной иерархии. Однако к XI в. первые трое, окруженные неверными, с трудом поддерживали свое непрочное существование, а константинопольские епископы, выступавшие жесткими противниками папской власти, сами фактически находились под властью восточного императора.

Возможно, именно это положение зависимости восточной церкви от светской власти, боязнь противодействовать ей из страха быть низложенными, привели к тому, что христианство так и не дало на Востоке толчка к прогрессу, начавшемуся в момент принятия западным обществом на практике новозаветного принципа *«Богу – Богово, Кесарю – кесарево»*. Этот принцип *отделил духовную сферу жизни человека от светской, светскую власть — от власти Божьей, грех — от преступления*, что позволило западному обществу прийти в дальнейшем к принципиально новому отношению к власти, морали и закону.

Но к середине XI в. императорская власть Запада кажется абсолютно всемогущей, папство – бессильным. Император господствует в церкви, сами римляне уступили ему право избирать пап. И вот, как это часто бывает в истории, на сцене появляется пока мало кому известный клюнийский монах, некто Гильдебранд. Кто же этот человек, который без оружия поставит на колени всемогущего императора Запада? Кто станет лицом обновленной церкви этого нового западного мира?

Гильдебранд, этот будущий великий преобразователь церкви, являлся человеком весьма простого, если не плебейского происхождения. Его отец был крестьянином. Внешность будущего папы Григория VII также была маловнушительная, что называется, крестьянская. Он был мал ростом, полноват и коротконог. Однако это был человек несокрушимого духа и ясного политического ума. Он родился в Тоскане около 1020 г., рано поступил в монастырь св. Марии на Авентине в Риме. В то время по всему христианскому миру, и особенно в монастырях, шли разговоры о необходимости восстановления порядка в церкви, противодействия ее обмир-

¹⁰⁷ Инвеститура – акт передачи землевладения, должности, сана, фиксировавший вассальные взаимоотношения.

щению, практике симонии¹⁰⁸, нарушения celibата священников. На Соборе в Сутри 1046 г. за покупку первосвященства был низложен папа Григорий VI. Гильдебранд присутствовал при отречении и смиренном признании вины папой, после чего, полный решимости вернуть церкви ее изначальную чистоту, поднять ее над миром, он покидает Рим и вступает в Клуни. Этот могущественный монастырь тогда был сердцем всего западного христианства. Выйдя из него, Гильдебранд был вооружен ясными и безусловными принципами, от которых он уже никогда не отступался. Воля его была непреклонна, взор устремлен на одну цель, он не был подвержен влиянию чувства сострадания к врагам. Его принципы были изложены в его обширной переписке. Один из ключевых документов известен под названием «*Dictatus papae*». Он состоит из 27 словно рубленых острым мечом фраз, проникнутых основной мыслью: верховенство папы над церковью, а церковной власти – над светской. «*Только римский первосвященник может быть называем вселенским. Только он может низлагать епископов и вновь возвращать им сан. Только он может издавать новые законы, соединять или делить епархии. Без его повеления никакой Собор не может называться всеобщим. Он не может быть судим никем. Никто не может осудить того, кто апеллирует на приговор к апостольскому престолу. Важные дела каждой церкви должны подлежать его решению. Римская церковь никогда не ошибалась и никогда не впадает в ошибку. Римский первосвященник имеет право низлагать императоров. Он может освобождать от клятвы верности несправедливым государям*»¹⁰⁹. Это был абсолютно небывалый вызов империи, где папство еще было послушным рабом.

Почему мы так подробно останавливаемся на личности Гильдебранта? На мой взгляд, именно мощь этого святого во многом создала облик Запада. Церковь при нём осознала необходимость своей самостоятельности и независимости от мира. Он был избран папой под именем Григория VII в 1073 г., что ознаменовало новую эпоху как в религиозной, так и в политической истории Запада.

Важнейшим правовым явлением и понятием Средних веков является т.н. инвеститура. Она, как и все важнейшие гражданские процедуры Средневековья, закреплялась символическим обрядом: передачей сеньором вассалу горсти земли, перчатки, меча, копья, знамени, скипетра или другого символа власти. Церковная инвеститура состояла в назначении на церковную должность и введении в сан; она сопровождалась двумя актами: вручением посоха и кольца, символизировавших духовную власть, и передачей земельного владения и скипетра – символа светской власти. Борьба Григория VII с властью императора за уничтожение светской инвеституры в церкви, против вторжения в церковь феодального духа, была важнейшим этапом в формировании принципов западной цивилизации. Этот харизматичный, непримиримый святой для достижения своей цели готов был пожертвовать мирским имуществом т.к., по его мнению, лучше было отказаться от земных благ, чем подчиниться светским властям. Он предпочитал церковь бедную, но независимую, и в этом проявлял непреклонность. На римском синоде 1075 г. папа Григорий VII издал декрет: «*Если кто-нибудь впредь примет из рук светского лица епископство или аббатство, да не считается он епископом и да лишится милости св. Петра и доступа в церковь. Если какой-нибудь император, король, герцог, маркиз, граф или вообще какая-нибудь светская власть или светское лицо притязает на право давать инвеституру епископам или кому бы то ни было из служителей церкви, он подлежит отлучению*». Его борьба с германским императором Генрихом IV (1056—1106) за власть была долгой и мучительной, она сопровождалась интригами, военными сражениями, отлучениями, анафемой, созданием антипапы и личным унижением императора, когда в январе 1077 г. тот с горсткой приближенных совершил тяжелый переход через Альпы и встретился с папой в северо-

¹⁰⁸ От лат. *simonia* – продажа и покупка церковных должностей, духовного сана, церковных таинств и священнодействий.

¹⁰⁹ Э. Лависс (1842—1922) и А. Н. Рамбо (1841—1905) – выдающиеся французские историки и общественные деятели. Цит. по: Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; Пер. М. Гершензона. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 2003. С. 91.

итальянском замке Каносса. Сняв с себя королевские одежды, босой и голодный Генрих три дня ждал соизволения на встречу, умоляя понтифика на коленях, чтобы тот смилостивился и простил его. И лишь на четвертый день папа принял Генриха и снял с него отлучение. Таково было покаяние императора Генриха IV в Каноссе, которое известно как самая яркая победа папства над светской властью.

Дальнейшее развитие событий показало, что на этом противостояние светской и духовной власти не прекратилось. Более того, исключительному и деспотичному уму Григория VII всякая власть вне церкви казалась незаконной, из-за чего он настроил против себя многих королей и князей, что закончилось печальным и жестоким разграблением Рима норманнами Роберта Гвискара в 1084 г., в результате которого римляне изгнали своего папу из города. Папа Григорий VII скончался в 1085 г. в Салерно в изгнании.

В письме 1081 г. мецкому епископу Герману он писал: *«Кто не знает, что власть королей и князей была создана людьми, которые, не зная Бога и подстрекаемые дьяволом, посредством захвата, грабежей, вероломства, убийств и преступлений всякого рода достигли господства над подобными себе?»*¹¹⁰. Эта жесткая и непримиримая позиция папы Григория VII лишила светскую власть того сакрального значения, которое на Востоке привело к деспотиям. И дело не в фактических претензиях на абсолютную власть каждой из сторон конфликта, а в том, что ни одна так и не подчинилась полностью другой. Возникла конкуренция властей, содержательно отличных друг от друга.

Таково было первое разделение властей на Западе: на власть светскую, в основе которой должен помещаться закон земной, и власть духовную, в основе которой лежит закон Божий. Это изменило мировоззрение человека Запада. И именно этот «эпизод» можно считать краеугольным камнем западной цивилизации.

Мода – это одна из форм власти – власть символическая и, если так можно выразиться, «выборная». Возникнуть она могла только в обществе, где существует конкуренция властей и дозволенных образцов поведения, а не единообразное подчинение единственной власти и единственному образцу-обычаю, которому придается сакральный характер «оберега» этой власти. Поэтому эти события XI в. можно считать отправной точкой возникновения самой общественной возможности моды на Западе.

В то время как папа и император оспаривали друг у друга главенство над христианским миром, рядом с ними возникали и развивались другие силы, которые со временем вступят в соперничество с феодализмом и приведут к созданию нового политического и экономического уклада.

¹¹⁰ Там же. С. 123.

Города – мосты в Высокое Средневековье

*Городской воздух делает свободным.*¹¹¹

Мода – дитя современного типа города, где возможна социальная мобильность, где она рождается в котле различных культур, потоков информации, капиталов, товаров, где возможна ее демонстрация, царит вождение и зависть. Для моды нужен социальный «подиум», физическое пространство ярмарки тщеславия, атмосфера вольнодумства. Мода – продукт города, чье процветание основано на производстве и торговле, а не административных функциях.

Представляется интересным, как формировались те города, прежде всего в Италии, где обычай сменяется желанием перемен, а демонстрация роскоши трансформируется в моду? Что сделало общество этих городов открытым миру, желающим изменений и прогресса ради них самих?

В древнеримском мире города были в первую очередь политическими, административными и военными центрами, и только во вторую – экономическими. Во времена республики и ранней империи римское государство четко делилось на две части: собственно, Рим с Италией и провинции. Но постепенно разница между Италией и провинцией сглаживается. Прежде всего это выразилось в строительстве городов: теперь они создавались по образцу римского военного лагеря. Две большие улицы пересекали его с севера на юг и с запада на восток. В центре находилась площадь, где стояло здание местного сената, главный храм, рядом находился амфитеатр для гладиаторских боев, мог иметься театр и непременно где-то поблизости – бани, ибо без бань римляне не мыслили себе цивилизованного существования. Управление этими городами строилось по образцу Рима. Во главе стояло два дуумвира, как в эпоху республики два консула, были эдилы, отвечавшие за благоустройство, а также уже упомянутый ранее местный сенат. То есть это был город-форпост единой империи.

В Древнем Риме было два достойных экономических занятия – сельское хозяйство и военный грабеж. И оба они не связаны с городом. Для римлян доход от ремесла не был доходом, свободным от некоторого общественного порицания, причем и для владельца мастерских, и для самих мастеров. Как выразился Цицерон¹¹² в своем трактате «Об обязанностях»: *«недостойны свободного человека и презренны заработки всех поденщиков, чей покупается труд, а не искусство; ведь в этих занятиях самая плата есть вознаграждение за рабское состояние»*¹¹³. Ну а владельцами мастерских были преимущественно не сами римляне, а приезжие из стран Востока, покоренных Римом.

То же самое можно сказать и о торговле. Несомненно, среди торговцев было много и римлян, но абсолютно чистым это занятие не считалось. Недаром в 218 г. до н.э. был принят закон, который запрещал сенаторам заниматься крупной оптовой торговлей, кроме продажи продукции собственных поместий. То есть такая торговля считалась несовместимой с высоким званием сенатора, к которому предъявлялись требования морального характера.

Город стал опорным пунктом новой западной цивилизации. Но это не город Рим времен расцвета, о котором Вергилий¹¹⁴ писал в «Энеиде»: *«Ты научись народами править державно – В этом искусство твое! – налагать условия мира, Милость покорным являть и смирять войною надменных!»*¹¹⁵. И даже не город «хлеба и зрелищ» времен упадка Рима. Это город

¹¹¹ Средневековый правовой обычай, согласно которому крестьянин, убежавший от феодала в город и проживший там больше года, становился свободным человеком.

¹¹² Марк Туллий Цицерон (106—43 г. до н. э.) – римский политический деятель, оратор, философ, ученый.

¹¹³ Марк Туллий Цицерон. Об обязанностях. Кн. I, гл. XLII / Пер. с лат. и комм. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1993. С. 150.

¹¹⁴ Публий Вергилий Марон (70—19 г. до н.э.) – римский поэт.

¹¹⁵ Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. Кн. VI / Пер. с лат. С. А. Ошерова, комм. Н. А. Старостиной, под ред. Ф. А. Пет-

торговли и ремесел: купцов и ремесленников, богословов и студентов, *город времени и денег*. В том сельском мире Средневековья городское население составляло абсолютное меньшинство, – по некоторым оценкам, не более 5%¹¹⁶. Но именно город стал форпостом нового мира Запада. Сначала он был преимущественно местом обмена, торговым узлом, рынком, а затем – и мастерской ремесленников.

Наиболее крупные римские города в Средние века, за исключением самого Рима, религиозного центра Запада, исчезли или отступили на второй план. Классические средневековые города раньше всего появились в IX в. в Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Неаполь, Амальфи и др.), а также на юге Франции (Марсель, Арль, Нарбонн и Монпелье), где их развитию содействовали торговые связи Италии и Южной Франции с Востоком – Византией и Арабским халифатом.

Венеция, Флоренция, Генуя, Пиза и даже Милан были незначительны вплоть до XI в. Париж, Брюгге, Гент, Лондон, Гамбург и Любек являются творениями Средневековья.

В раннем Средневековье старые стены города служили укрытием и сохраняли лишь атрофированные административные функции. Государи раннего Средневековья предпочитали путешествовать, а наиболее видные города были обязаны своим положением скорее церковной власти, чем светской. Экономическая функция таких епископальных городов поначалу была довольно примитивной: туда свозились припасы из сельских окрестностей, содержались амбары епископа и городских монастырей. Защищенный стенами, населенный людьми, которых связывало множество общих интересов, город начинает осознавать свою силу, коллективную индивидуальность. Городская жизнь возобновилась благодаря ремеслам, торговле и купцам, хотя суть экономики раннего Средневековья – это пока лишь обеспечение самых основ человеческих нужд – крова, еды, одежды, оружия. Всё, что лежит за пределами этих благ, – пока либо просто не существует, либо является предметами роскоши.

Процесс возрождения городов в Европе активно начался в XI в. К XII в. Италия становится страной больших муниципальных республик, выросших из городов, находившихся под покровом епископской власти. В этих новых, полных жизни и страсти городах политическая жизнь бьет ключом, непрестанно разражаясь распрями и бунтами, но при этом побуждая людей к кипучей и энергичной деятельности, поддерживая в них сознание собственного достоинства.

Умберто Эко¹¹⁷ в романе «Баудолино» устами немецкого ученого так комментирует отличие духа итальянских муниципий от других городов: *«О племянник и император мой, – возразил Оттон, – для тебя Милан, Павия и Генуя всё равно что Ульм и Аугсбург. Но города Германии все основаны по велению князя, и князь для них высший авторитет с первого дня основания города. Иное дело в Италии. Города там рождаются, в то время как германские императоры заняты другими заботами, и растут, пользуясь отсутствием своего властителя. Когда ты этим горожанам пытаешься навязать свои порядки, они их принимают за potestatis insolentiam, за превышение власти, и считают поборы неприемлемыми. А подчиняются они власти консулов, ими самими избираемых»*.

Эти республики растут благодаря трудолюбию и даже авантюризму граждан, распространяя свои конторы и представительства по всем странам, снаряжая корабли во все моря, от берегов Англии до крайнего Востока. Они завоевывают мир торговлей быстрее и эффективнее, чем крестоносцы – оружием. И эти ломбардские и тосканские города в XII в. вступают в борьбу с самым великим из императоров Священной Римской империи, Фридрихом Барбароссой (1122—1190).

ровского. М.: Художественная литература, 1979. С. 851—853.

¹¹⁶ См.: Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

¹¹⁷ Умберто Эко (1932—2016) – итальянский ученый-медиевист, философ, специалист по семиотике и средневековой эстетике, теоретик культуры, литературный критик, писатель, публицист.

Описанные выше реформы церкви XI в. и спор из-за инвеституры ослабили власть и влияние епископов, вызвали брожение в городах и благоприятствовали стремлению горожан к независимости. Самый большой смутяня среди всех – Милан или Медиоланиум. Народ его постоянно бунтует и против архиепископов, а среди всех этих смут формируется муниципальное устройство. С другой стороны, города представляют уже настолько серьезную силу, что император и папа стараются завоевать их расположение уступками.

Давайте взглянем на самый старый замок типичного ломбардского города Беллинцона¹¹⁸ – Кастельграде, что в переводе с итальянского означает «большая крепость». С 1242 г. город принадлежал миланским правителям. Стены Кастельграде были заложены еще во времена Римской империи, но более поздние зубцы стен замка показывают нам, как часто Беллинцона меняла свои политические предпочтения: переходила от императора к папе. Тут есть и ласточкин хвост – так украшали крепости сторонники императора, – и прямоугольные зубцы, то есть эмблема сторонников папы.

Беллинцона – один из многих ломбардских городов, у которых были и серьезные городские ополчения, и крепкие стены. Итальянские горожане – ремесленники и купцы – имели оружие и несли гарнизонную службу. Они маневрировали между двумя силами – императором и папой римским. Но главное для них было не допустить, чтобы одна из сторон стала настолько сильной, чтобы смогла диктовать им свои условия. И эти разные зубцы на стенах крепостей, защищавших горожан, – символ той эпохи, где важна была не только прочность стен, но и символы, ее украшавшие.

Итак, в конце XI – первой половине XII вв. в Ломбардии и других регионах Италии совершается *Великая Коммунальная революция*, благодаря которой епископальное управление во многих городах заменяется муниципальной автономией. В Ломбардии результатом этой революции стало распространение *консулата*¹¹⁹.

Каждый город имеет свой стиль и обычаи управления, записанные в его *статутах*¹²⁰, где часто древнее римское право смешивается с новым ломбардским. В основном муниципальное управление состоит из трёх элементов: консулов, совета при консулах (*credential*) и общего собрания, *concio publica*, которое созывается в наиболее важных случаях. В некоторых городах каждое сословие избирает своего консула, т.к. внутри самой коммуны соперничают несколько сил – знать, буржуазия и чернь. Иногда число консулов доходит до нескольких десятков, – так, в Милане в 1130 г. их было двадцать, по числу городских ассоциаций, – а иногда соответствует количеству городских кварталов, служа целям административного и военного устройства города.

Примат закона над обычаем – еще один из столпов новой цивилизации Запада, и начало ему также было положено в городской культуре Средневековья. Без роста правовой культуры в городе не был возможен отход от отживших установок. Почему это так важно для нас? Мода противостоит обычаю, приходя ему на смену в костюме. В этом смысле она – часть новой общественной парадигмы, опора на право вместо следования устоявшимся традициям предков. Аналогия не совсем очевидная, но мода, как и право, имеет интеллектуально-волевой характер, выражает волю и сознание людей, «единство равной для всех нормы и меры свободы и справедливости»¹²¹.

¹¹⁸ Беллинцона (итал. и роман. *Bellinzona*, лат. *Bilitio*) – город в современной Швейцарии.

¹¹⁹ Консулы появляются: в 1093 г. в Бландрате, в 1095 г. – в Асти, в 1107 г. – в Милане, в 1109 г. – в Комо, в 1115 г. – в Гвастале, в 1126 г. – в Пьяченце, в 1150 г. – в Модене и др., а за пределами Ломбардии: в 1094 г. – в Пизе, в 1099 г. – в Генуе. В Вероне, Орвието и Равенне такое управление встречалось и ранее.

¹²⁰ Позднелат. *statutum*, от лат. *statuo* – постановляю, решаю. Уставы, фиксировавшие правовое положение средневековых городов и внутригородских объединений (цехи, купеческие гильдии и др.). Городской статут – записи городских привилегий, регулировавших внутреннюю организацию городов и их отношения с сеньорами.

¹²¹ Определение права В. С. Нерсесянца (1938—2005) – советского и российского ученого-правоведа, специалиста в области философии права.

В XII в. мы наблюдаем настоящий взрыв в области юридического образования в итальянских городах. Особенно славится Болонья, куда со всех концов мира стекаются студенты. Там преподает знаменитой профессор Ирнерий (1050—1125), один из основоположников западно-европейского изучения римского права и первых глоссаторов – комментаторов *Кодекса Юстиниана*¹²². К концу XII в. в Болонском университете насчитывается около 10 000 студентов. Это колоссальная цифра, особенно для Средних веков¹²³. Старинные школы других городов также начинают развиваться и становятся университетами – *studium generalia*¹²⁴. Эпоха подъема свободных городов Италии совпала с эпохой основания университетов. По разным оценкам, не менее 22 городов учредили у себя университеты в период XIII—XV вв.¹²⁵. Это подготовило базу для перемен в общественном мировоззрении, сдвинув его от традиционного, магического в сторону рационального и объективно-правового. Человек Запада, доселе державшийся за традиции из страха и неуверенности перед роком, получил достаточную опору и уверенность, чтобы шагнуть в неизведанное новое.

Инициаторами создания университетов выступали городские коммуны Италии. Так, в Перудже начало созданию собственного университета было положено в 1266 г., когда Большой совет коммуны города в присутствии капитана народа Угуччоне Очелетти и подеста¹²⁶ Альбертино Боскетти на заседании во дворце коммуны решил направить во все населенные пункты перуджинских земель письма о создании в городе университета – *super facto Studii*¹²⁷. В 1276 г. Большой совет Перуджи по предложению подеста Рональдо Адигери принял решение разослать глашатаев для приглашения молодых жителей округи в качестве школяров для прохождения курса гражданского права и других дисциплин. Каждый год подеста и капитан народа Перуджи должны были позаботиться об оплате приглашенного профессора по гражданскому праву. Обычно это была знаменитость, и его годовое содержание обходилось коммуне в 300—400 лир. В XIV в. дотация, выделяемая коммуной Перуджи на университет, доходила до 2000 флоринов в год. Тем не менее, коммуны шли на эти немалые расходы, и не только на них. Преподавателям и школярам предоставляли льготы, а особо выдающихся профессоров даже удостоивали чести получения гражданства. Так было и с выдающимся итальянским юристом Бартоло да Сассоферрато (1313/14—1357) – главой школы толкователей римского права, автором «Комментария к Кодификации Юстиниана». Его имя стало нарицательным для обозначения ученого-законника. Во времена преподавания Бартоло да Сассоферрато перуджин-

¹²² *Corpus juris civilis* – современное название свода римского гражданского права, составленного в 529—534 гг. при византийском императоре Юстиниане. Известен также под названиями «Свод Юстиниана» или «Кодификация Юстиниана». Кодекс Юстиниана был заново открыт в XII в. благодаря Болонскому университету. Он вновь стал применяться в Западной Европе, стал источником преподавания римского права, которое легло в основу гражданского права многих европейских стран.

¹²³ Для сравнения: общая численность всех обучающихся (граждан РФ и иностранных граждан) на всех факультетах МГУ им. Ломоносова в 2017 г. – чуть менее 40 тысяч.

¹²⁴ Общеупотребительное название для университета в средневековой Европе (лат.). Официального определения термина *studium generale* не существует. Термин *studium generale* впервые появился в начале XIII в. и означал место, где принимали студентов отовсюду, а не только из местного округа или региона. В XIII в. термин постепенно приобрел более точное значение как учреждение, (1) которое принимало студентов со всех мест; (2) где преподавалась по крайней мере одна из высших специальностей (теология, закон или медицина); (3) где значительная часть обучения проводилась мастерами; (4) где мастер, который преподавал и был зарегистрирован в гильдии мастеров *Studium Generale*, имел право преподавать без дополнительных экзаменов и вне зависимости от местоположения. Эта привилегия, известная как *jus ubique docendi*, по обычаю была предоставлена только магистрам трёх старейших университетов: Салерно, Болоньи и Парижа. Их репутация была настолько высока, что их выпускников и учителей приглашали преподавать во всех других университетах, но они не принимали сторонних учителей без экзаменов.

¹²⁵ Салерно (середина XI в.), Болонья (1158 г.), Ареццо (1215 г.), Реджо-Эмилия, Модена, Виченца (до 1222 г.), Падуя (1222 г.), Неаполь (1224 г.), Верчелли (1228 г.), Сиена (1246 г.), Пьяченца (1248 г.), Мачерата (1290 г.), Рим (1303 г.), Перуджа (1308 г.), Пиза (1343 г.), Флоренция (1349 г.), Павия (1361 г.), Феррара (1391 г.), Турин (1405 г.), Парма (1422 г.), Катания (1444 г.). В XVI в.: Урбино (1507 г.), Мессина (1548 г.), Кальяри (1596 г.).

¹²⁶ Глава администрации города.

¹²⁷ Букв.: по факту учёбы (лат.).

ский университет пользовался настолько высокой репутацией, что говорили, что на небе есть три светила: Болонья, Париж и Перуджа.

На официальной эмблеме университета Перуджи слева, на голубом поле, изображен Геркулафл, святой покровитель города, а справа, на красном поле, – грифон, символ города. Они олицетворяют истинных основателей и благотворителей университета – коммуну и ее духовную основу – христианскую веру.

Учащиеся университета получали право неприкосновенности, если за ними обращались из родных мест, гарантировалось сохранение их имущества и давалось право свободного передвижения в землях того города, где они учились. Коммуна освобождала их от налогов, обеспечивала проживание в городе по льготным ценам, возмещала убытки в случае ограбления. Спрашивается, для чего? Почему муниципии шли на такие фантастические расходы и раздавали такие небывалые преференции школярам и преподавателям? Вряд ли это можно объяснить лишь необходимостью большого количества юристов для нового общества. И опять же, почему нам это интересно в ключе возникновения моды?

Мода родилась из роскоши и ее свободного потребления. Для нее нужна публика, достаточно состоятельная, свободная от пут традиции и оторванная от обычаев предков. И всё это, как ни странно, давал приток в города студентов. Вот что пишет Альбано Сорбелли¹²⁸ в «*Storia della Università di Bologna*» о том, как изменилась и оживилась жизнь Болоньи после открытия университета: «Огромное количество школяров, достаточно богатых, которые приезжали в город со слугами, лошадьми и жили шикарно, изменяли лицо города, весь тон его жизни, вносили своего рода хозяйственный переворот. Город был полон деньгами и получал выгоды от продажи товаров этим чужеземцам. Появились новые формы культуры не без наличия роскоши, образовались новые дороги, строились новые дома. Вместо деревянных каменные, нередко дворцового типа. Город из римского поселения менее чем за два века превратился в крупный центр»¹²⁹. Другие города, мечта повторить успех Болоньи, во многом следовали ее примеру не столько из-за политического и культурного престижа, сколько из соображений коммерческой выгоды. Болонья стала богатой и обильной из-за наличия массы школяров – считали городские власти Перуджи, добиваясь открытия у себя университета.

Университеты итальянских коммун готовили юристов, медиков, светских и церковных чтецов, должностных лиц для учреждений. Но дело даже не в подготовке специалистов. Города оживлялись новыми людьми, возникал дух космополитизма, обмена идеями, укладами и мировоззрениями, ведь в университетах Болоньи, Перуджи, Сиены обучались люди со всей Европы. Они образовывали землячества, составлявшие общину чужеземцев. В Перудже их было шесть: немцы, богемцы, провансальцы, каталонцы, испанцы, англичане и еще представители 11 итальянских земель. В Болонском университете в XIII—XIV вв. было 13 землячеств: французы, испанцы, англичане, пикардийцы, бургундцы, жители Пуату, Тура, Мэна, нормандцы, каталонцы, венгры, немцы, поляки; в XV в. появились арагонцы, португальцы, наваррцы...¹³⁰ И эти многочисленные чужестранцы со всего Запада смешивались в плавильном котле итальянской культуры и итальянского образа жизни, которые они затем несли в свои страны и регионы как абсолютный образец для подражания. Так завоевывался авторитет Великой итальянской традиции, авторитет, который смог пошатнуть лишь французский абсолютизм.

Рассматривая историю моды, важно понимать, что дело обстояло вовсе не так, как часто пишут: вот было темное Средневековье, а потом люди обратились к Античности – и случилось итальянское Возрождение, а уже в рамках культуры Возрождения возникла, что важно для нас, исследователей моды, *протомода*. Вовсе нет. Новый мир и новая цивилизация выстраи-

¹²⁸ Альбано Сорбелли (1875—1944) – итальянский историк.

¹²⁹ Sorbelli A. Storia della Università di Bologna. Vol. 1. Bologna, 1944.

¹³⁰ Городская культура. Средневековье и начало нового времени / Под ред. В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1986. С. 51.

вались именно в эпоху Средневековья, и городская независимость – одна из сильнейших опор уникального мира Запада. Мода уходит своими политическими и экономическими корнями в эту средневековую эпоху, и ее еще только формирующуюся, вызревающую в борьбе за свободу и независимость, городскую культуру. Цивилизации, не прошедшие через горнило свободных муниципий, в которых формировалось самосознание будущей буржуазии, не смогли совершить самостоятельный прорыв в Новое время. Их модернизация носила черты заимствования у Запада. Поэтому и моду как институт свободного выбора мы увидим лишь у западной цивилизации, а на Востоке продолжают следовать вековым обычаям в одежде вплоть до тех времен, пока Запад не начнет его колонизацию.

Очень показательной в этом смысле представляется история борьбы Фридриха Барбароссы¹³¹ с ломбардскими городами. Фридрих Барбаросса стал императором Священной Римской империи в 1155 г. К этому времени он уже был королем Германии, которая досталась ему от отца Конрада с глубоко расстроенными делами, а сама королевская власть была совершенно бессильной. Фридриху Барбароссе, типичному германскому императору, умному и честолюбивому, суждено было господствовать 38 лет, волновать мир, покорять его. Он был доблестным рыцарем, выдающимся государственным деятелем, покрывшим свое правление имперским блеском. Его целью было восстановить Римскую империю во всем ее величии и блеске, о чем он не преминул написать папе тотчас после своего избрания. Города Германии при нём процветают, и хотя это не есть прямое следствие дел Фридриха, однако он способствовал их подъему устроением порядка и рыцарским блеском своего двора.

Такой же порядок император Фридрих желал установить и в итальянских муниципиях: назначать судей, брать пошлины с дорог, рынков и судоходных рек, чеканить монету. Однако стоило Фридриху пересечь Альпы, возвращаясь домой в Германию, как итальянские города восстанавливали все свои права. Всего Фридрих совершил пять завоевательных походов в Северную Италию¹³². В 1167 г. итальянские города объединились в знаменитую Ломбардскую лигу¹³³ для противостояния императору. Папа Александр III (1159—1181) дал ей свое благословение. Более всего человек Средневековья, постоянно воевавший, мечтал о мире, но этот мир приходит к нему через поражение противника. В своей булле папа так приветствовал создание Лиги: «*Нет сомнения, что вы заключили этот союз мира и согласия и, соединившись, явно свергли с себя иго рабства – в силу божественного решения, с целью защитить свободу церкви Божьей и вашу собственную против Фридриха, называемого императором*»¹³⁴. В определенном смысле Ломбардская лига, противостоящая вместе с папой германской империи, была одной из основ формирующейся итальянской нации.

29 мая 1176 г. противники – Фридрих Барбаросса и войска Лиги – встретились под Леньяно. В этой битве немецкие рыцари сразу бросились в атаку, прорвали строй ломбардской конницы, и та в беспорядке бежала. Но когда немцы обрушились на построившуюся в каре пехоту, их атака захлебнулась. Тем временем ломбардские конники, встретив войско из Брешиа, спешившее им на помощь, вернулись на поле боя и внезапно атаковали немцев с фланга. Фридрих отважно бросился в самое пекло битвы, но был выбит из седла. Тотчас по войскам разнесся слух о его мнимой смерти, и рыцари, побросав оружие, позорно бежали с поля боя, потерпев поражение от горожан.

¹³¹ Фридрих I Гогенштауфен (1122—1190) – король Германии, император Священной Римской империи. Свое прозвище получил в Италии из-за своей рыжеватой бороды (от итал. *Barba* – «борода», и *rossa* – «рыжая»).

¹³² В 1154—1155, 1158—1162, 1163—1164, 1166—1168 и 1174—1178 гг.

¹³³ В Ломбардскую лигу входили Милан, Кремона, Бергамо, Брешия, Мантуя, Феррара, Верона, Виченца, Падуя, Лоди, Пьяченца, Парма, Модена, Болонья и даже могущественная Венеция.

¹³⁴ Цит. по: Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; Пер. М. Гершензона. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 2003. С. 183.

Так император проиграл решающее сражение, а города отстаивали независимость. После этого поражения Фридриху Барбароссе пришлось пойти на большие уступки, в том числе признать Александра III единственным законным папой и вернуть ему префектуру в Риме. В обмен на это папа снял с него свое отлучение. Лишь примирившись с папой, Фридрих вернулся к ломбардским делам, но договориться с восставшими городами не удалось. В июле 1177 г. в Венеции Фридрих подписал с ними перемирие. В 1183 г. Фридрих подписал с ломбардцами договор, по которому гарантировал им те регалии и правовые обычаи, которыми они пользовались фактически, оставляя себе привилегию собирать военные подати. Представители императора не могли решать ни одного важного вопроса без совета, избранного городом.

Битва при Леньяно между городами и императором стала не только и не столько военным сражением за территории и право их управления, сколько битвой между двумя видениями мира, двумя идеологиями – феодальной, имперской и, условно говоря, «демократической». Империя проиграла Италию «для себя» не только политически, но и для своего духа феодального принуждения. Говоря о древнеримском наследии итальянской муниципальной организации и жизни, мне представляется важным обратить внимание не только на технические традиции городских ремесел (что весьма сомнительно, т.к. многие из них были заимствованы с Востока), рыночные связи (которые могли надолго замирать во время войн, голода и эпидемий чумы) или традиции градостроительства. Важнейшим стержнем и опорой итальянских муниципий было римское право и традиции частной собственности, которые входили в противоречие с феодальными нормами права и владения. Частная собственность и выборная власть – основа основ Запада – сохранились и нашли защиту именно в средневековой Италии.

Вся эта история о противостоянии итальянских городов-государств и императора Священной Римской империи, казалось бы, довольно далека от моды. Но в начале этой главы мы поставили вопрос о связи возникновения моды и особенностями цивилизации Запада. Феодальный дух и феодальное право есть суть наследование, следование традиции и единому, однажды заданному образцу. Без веры в справедливость единожды заданного патриархального порядка, единственного справедливого образа жизни, оно теряет свою идейную основу. Моду питает свободный выбор и новизна, не зависящие от того, «что было всегда». Поэтому впервые мода находит себе дорогу в этом шумном, полицентричном, динамичном, соревновательном, независимом, сделавшем ставку на личные заслуги и инновативность, конкурентность различных властей и образов жизни, сообществе итальянских городов-коммун.

После победы Лига быстро распалась – между этими своенравными соперниками не могло быть настоящего единодушия. Ведь самым главным своеобразием развития Италии было даже не лавирование между Империей и папой. Главным, что влияло на развитие любого итальянского города, было наличие других городов. Историки называют это явление, характерное для северной и средней Италии, полицентризмом. Всякий город зависел, взаимодействовал, завидовал, сражался, интриговал против других городов, что определяло итальянскую историю и дух итальянской нации с XI в. и вплоть до испанского захвата значительной части страны. Не только производительные, но и культурные, и политические силы Италии развивались «безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу»¹³⁵. Городов было так много и они были настолько разные, что это создало совершенно уникальную по типу среду развития культуры. Некоторые из этих культурных явлений или ценностей являются абсолютно новаторскими и даже парадоксальными для политически разъединенной географической территории, население которой и слышать не хотело об объединении почти до самой новейшей истории. Например, уже к XIV в. мы обнаруживаем здесь не только практически существующий, но и глубоко теоретически разработанный национальный литературный язык, основанный на тосканском диалекте. Великие Данте, Петрарка, Боккаччо, если не писали

¹³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., Т. 46, Ч. I. М.: Политиздат, 1967. С. 476.

на латыни, то обращались к *vulgare illustre*, понятному современному им итальянцу. Данте писал, что *vulgare illustre* являет собой совокупность общих черт итальянского языка «*который ощущается в каждом городе, но не находится ни в одном из них*». И далее: «*мы утверждаем, что в Италии есть блистательная и правильная народная речь, составляющая собственность каждого и ни одного в отдельности итальянского города, но которой все городские речи итальянцев измеряются, оцениваются и равняются*»¹³⁶. Итальянский, первый в Европе национальный литературный язык, был создан в стране, которую и современники, и историки следующих столетий обвиняли в политической раздробленности. И это произошло на три столетия раньше, чем во Франции, Англии и Испании. Италия задолго до того, как превратилась в государственно-политическую реальность, осознала себя в общих формах культуры, литературы и национального языка, скрепленных единой великой традицией.

В лишенной единой государственности стране, далекой от нее как никакая другая, появился термин для обозначения государства – *stato*¹³⁷, сформировались самые зрелые для позднего Средневековья политические доктрины, разрабатывались теории государства. В. Зомбарт в «Современном капитализме» писал, что итальянская городская жизнь и политическая практика была источником развития самой идеи государства, и что термин «государство» – итальянского происхождения. В Италии того времени впервые сформулирован принцип *ragione di stato* (государственной пользы). Наконец, Италия подарила миру уникальный феномен венецианской государственности, ведь Венеция просуществовала почти тысячу лет в состоянии конституционной преемственности власти. Религиозное свободомыслие и тенденции «папаганизма» совмещались с тем, что само папство имело свою резиденцию в Италии. И таким парадоксальным явлениям в средневековой Италии несть числа, что объясняется самой культурно-политической логикой полицентризма.

Вообще говоря, о чём это говорит нам, исследователям моды? Мода – продукт развитой культуры, высокой коммуникации и даже органической терпимости к некому «единству и борьбе» различий. Мода авторитарна, но на короткий срок, а затем она отвергается новой модой. Такая практика без ущерба для общества возможна только в устойчивой культурной среде, защищенной законом и общими правилами приличия. В полной мере эти условия возникли на Западе лишь к концу XIX в., однако складываться они начали в среде городской средневековой Италии.

Дядя Фридриха I Барбароссы и его историк, цистерцианский монах, а впоследствии – епископ Фрейзингенский Оттон (1112—1158), автор хроники «О двух государствах», а также «Деяний императора Фридриха I», с негодованием описывает управление итальянских городов. Знать там должна действовать заодно с буржуазией, люди низкого происхождения – мастера, занимающиеся «презренными ремеслами», – имеют право носить оружие, которое в других местах предоставлено лишь рыцарям, а также достигать в городском управлении

¹³⁶ Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 285.

¹³⁷ Термин *stato*, применяемый ныне в западноевропейских языках для обозначения государства, был введен в обиход в начале XVI в. итальянским мыслителем, философом и политическим деятелем Никколо Макиавелли (1469—1527). Близкие к *stato* слова использовались для выражения понятий «состояние», «положение». *Stato* восходит к латинскому *status*, производному от глагола *stare*, и несет смысловую нагрузку, включавшую «состояние», «установление», «структуру», «порядок». Новый термин придавал понятию суверенитета, т.е. высшей власти, абстрактное содержание, отделял его от конкретных носителей власти. Для Макиавелли государство означало не столько действительность с раздробленностью страны и междоусобицей, сколько состояние, к которому Италии следовало стремиться. Введя термин «государство» (*stato*), Макиавелли впервые стал четко употреблять традиционное понятие «республика» в его современном значении, т.е. как форму правления, как родовое понятие по отношению к аристократии и демократии, как противоположность монархии. С XVI в., с Макиавелли и его современников, начинает складываться понятие государства-нации, противопоставлявшееся городу-государству, власти феодальных сеньоров. Оно соответствовало практике постепенного, но неуклонного становления централизованных абсолютистских монархий в крупнейших странах Европы. XVI век был отмечен крупными достижениями в этом плане в Англии, Франции, Испании, России (по материалам: Мартышин О. В. К истории формирования понятия «государство» // Вестник ун-та им. О. Е. Кутафина. №4, 2018).

почетных должностей. Но в то же время он признаёт, что благодаря такому устройству итальянские города «превосходят богатством и могуществом все остальные города мира». По сути, Оттон Фрейзингенский возмущается социальной мобильностью, существовавшей в итальянских городах. Ведь даже ремесленники, которых, как отмечает хронист, в других странах не допускают к должностям и почету, там могут достичь высот власти. А если учесть, что ремесленником мог стать каждый, пройдя путь обучения и подтвердив свое мастерство, то мы видим просто потрясающие не только для т.н. «темного Средневековья», но и для гораздо более поздних веков, социальные возможности. И это еще один важнейший фактор возникновения моды, который мы обнаруживаем в средневековой Италии. Социальная мобильность в обществе – важнейшее условие возникновения истинного, а не имитационного института моды. Только при наличии социальных лифтов мода начинает выполнять свои основные функции и становится необходимой обществу системой отличия, престижа, коммуникации и пр., заменяя собой институт обычая и незыблемых традиций в костюме.

Большие города Италии XII—XIII вв., такие как Милан и Флоренция, находившиеся в глубине полуострова, были преимущественно «промышленными». Другие – Венеция, Генуя, Пиза, Амальфи, – расположившиеся на море, были торговыми республиками. Возрождение придет и в те, и в другие, а пока они набирают силу и достаток, чтобы затем вложить их в те культурные артефакты, которые до сих пор будоражат сердце, душу и ум всего человечества.

Уже на ранней стадии новая цивилизация показала свой беспокойный, подвижный, склонный к переменам и экспансии, вечно любопытный характер. Морские итальянские города вели торговлю с Востоком, который был и учителем в науке торговли и кредита, и источником новых товаров и богатства, и соперником в войнах. Жадные, воинственные, часто неразборчивые в средствах, эти муниципии поддерживали торговые отношения и с мусульманами, и с византийцами, успевая извлекать выгоду повсюду, в том числе и из Крестовых походов.

С VII в. история и культура Венеции носит столь же византийский характер, сколь и итальянский. Вся внешность города, его архитектура и костюмы – совершенно восточные. Венецианские дожи пользуются должностными титулами, которые жалует им византийский император. К XII в. власть дождей ограничивается, однако правление носит аристократический характер, что сильно отличает Венецию от остальной Италии и также роднит по духу с Востоком.

В Средиземноморье деятельность венецианцев и их конкурентов-генуэзцев выходила за рамки мирной колонизации. Руководимые своими торговыми интересами, эти морские державы задолго до Крестовых походов начали оспаривать у арабов Средиземное море. Часто пишут, что новая западная цивилизация завоевывала мир не мечом, но торговлей, хотя Крестовые походы также сыграли свою роль. Но это противопоставление не совсем верно по сути. Право на торговлю в те времена, как и всегда, прокладывалось мечом. Поэтому не стоит считать, что население великих городов Средневековья – это мирные бюргеры, не способные поднять ничего тяжелее мошны, набитой серебром. Корабли строились отнюдь не только для перевозки товаров. В 1001 г. Пиза и Генуя предприняли поход в Сирию, 1088 г. – в Тунис. В Первом крестовом походе Генуя участвовала 34 кораблями, Пиза – 120, Венеция снарядила 200 кораблей¹³⁸. Они предпринимали и самостоятельные Крестовые походы, нападая на королевства, отнимая целые острова, как, например, Генуя – Минорку. Венецианцы, получившие от вынужденных с ними считаться константинопольских императоров ряд особых привилегий, после Четвертого крестового похода 1204 г. основали целую колониальную империю на побережье Адриатики, Крите, островах Эгейского и Ионического морей, а в XIV—XV вв. – на Корфу

¹³⁸ По данным: Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; Пер. М. Гершензона. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 2003.

и Кипре. Вот что пишет об этом французский историк Фернан Бродель¹³⁹: *«так росла Венеция, потому что ее кормили рынки, слабеющая Византия, которой она навязала свои услуги. Венеция съела это огромное сооружение изнутри так, как термиты съедают деревянный каркас. Именно Венеция направила IV крестовый поход на Константинополь»*¹⁴⁰.

Генуэзцы обосновались в Малой Азии, где в Фокее находилось крупное производство квасцов, необходимых для текстильного производства. В Триполи, Яффе, Тире, Антиохии, Иерусалиме – практически везде той или иной из трёх больших морских республик принадлежали целые кварталы (иногда до одной трети города) с улицами, площадями, церквами, фактически образующие самостоятельные государства со своими консулами, советами и судами. Пиза имела свои представительства в Птолемаиде, Тире, Триполи, Константинополе. Генуя, которая участвовала в низвержении Латинской империи в Византии, обладала важнейшими опорными пунктами в Хиосе, Митилене, Тенедосе, Смирне. В Константинополе ей принадлежали целые предместья – Пера и Галата; в Черном море она торговала, завладев Каффой и Азовом. В общем, это были не города, а настоящие военно-торговые спруты, распространившие свои щупальца по всему средневековому миру.

Между самими морскими республиками, к несчастью для них самих, также царила вражда и конкуренция, отнюдь не ограничивающаяся торговой. В 1136 г. Пиза напала на город Амальфи и разрушила его, а затем Генуя разрушила Пизу. Между Генуей и Венецией война шла всё Средневековье, в том числе и на территории их колоний.

Самостоятельность и политическая независимость городов-государств приводили к такой игре политических сил и страстей, что итальянские дела были совершенно запутаны в течение многих столетий.

Мечтавший о политическом единстве Италии Данте Алигьери¹⁴¹ с горечью пишет об этом положении дел:

*А у тебя не могут без войны
Твои живые и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены,
Тебе, несчастной, стоит оглянуться
На берега твои и города:
Где мирные обитатели найдутся?
К чему тебе подправил повода
Юстиниан, когда седло пустеет?
Безудой меньше было бы стыда...*¹⁴²

Внутригородские распри и внутриитальянские конфликты связывались в сознании современников в одно целое. За этим динамизмом и нестабильностью составляющих системы итальянского полицентризма многие из них видели рок, хаос и злосчастную судьбу Италии. Но этот особый тип политического устройства породил совершенно потрясающие культурные результаты и следствия, которые в полной мере станут очевидны в эпоху Ренессанса.

¹³⁹ Фернан Бродель (1902—1985) – французский историк, представитель историографической школы «Анналов», занимавшейся изучением исторических феноменов в социальных науках, один из основоположников мир-системной теории. Провел революцию в исторической науке своим предложением учитывать экономические и географические факторы при анализе исторического процесса.

¹⁴⁰ Фернан Бродель, Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002.

¹⁴¹ Данте Алигьери (1265—1321) – флорентийский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, политический деятель. Автор «Комедии», прозванной Боккаччо «Божественной».

¹⁴² Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. с ит. М. Лозинского. М.: Наука, 1967.

К XIII в. Европа отошла от тех скудных времен, когда поместья могли удовлетворять только свои нужды, обмен не улучшал ситуации, а целые селения могли вымирать от голода в неурожайные годы. В эту эпоху на северо-западе Европы возник крупный союз торговых городов, быстро получивший политическое влияние и экономическое могущество на всём пространстве Запада – Ганза. Ее влияние распространялось от Фландрии и Англии до Северной Руси. Ганзейские купцы обосновались в Брюгге, Лондоне, Стокгольме, православном Новгороде и языческой Риге. В самом лучшем положении находились города, которые питали итальянские торговые пути: Аугсбур, порты Балтийского и Северного морей – Гамбург, Бремен, Любек. Во Франции это были Гент, Брюгге, Ипр, известные торговлей своими тканями.

Однако эти города не подарили миру Ренессанс, и одной из причин, вероятно, является то, что страны их торгового обмена не могли на тот момент выступать донорами знаний и более развитой культуры, какими были византийцы, арабы и евреи для итальянцев. Не возникло у ганзейцев и духа моды – привозной роскоши Востока, которая очаровала и буквально отравила сердце итальянцев золотом, парчой, шелками и стала вдохновением Великой итальянской традиции в стиле, искусстве и моде. Эта Великая традиция на много веков стала самой авторитетной на Западе. Ее не превзошло могущество Габсбургов, и лишь при Людовике XIV она была оспорена Францией.

Ремесленники: средневековая корпоративная система

Революционер моды 1960-х гг., французский кутюрье баскского происхождения Пако Рабан как-то сказал: «Бесспорно, я кутюрье, так как шью и создаю уникальную одежду, но, в сущности, я считаю себя ремесленником. Я просто ремесленник, который старается делать свою работу как можно лучше». И таков не только этот выдающийся модельер. Вся основа структурно-функциональной системы французской, а затем и мировой системы моды – профессиональные корпорации, такие как французская Федерация Высокой моды¹⁴³, – корнями уходит в ремесленные цеха и купеческие гильдии средневековых городов.

На протяжении столетий мода, особенно Высокая мода, несла в себе этот цеховой средневековый дух элитарности, закрытости, уважения к профессиональному мастерству, сохранения традиций и корпоративной солидарности. И, возможно, смерть истинной Высокой моды, о приближении которой всё чаще говорят в начале XXI в., связана во многом с утратой этого духа абсолютной эксклюзивности, подменой его идеологией больших денег и принципом финансовой эффективности глобального бизнеса.

О происхождении и природе средневековых цехов, корпораций или гильдий мы и поговорим далее.

Итак, в XI—XII вв. на Западе прокатилась коммунальная революция, принесшая освобождение от множества феодальных ограничений для города как единого целого. А между тем во внутренней жизни города не было ни настоящей свободы, ни спокойствия. Свобода и равенство господствуют в таком городе-коммуне только с виду, в реальности же община следит за индивидом и ограничивает его деятельность. Гражданин также прикреплен к своему городу, как крестьянин-колон – к своему участку. Он – часть одной из групп, составляющих коммуну, а не самостоятельный независимый гражданин. Он всю жизнь принадлежит одному сословию, цеху, корпорации, приходу или городскому кварталу. Многочисленные муниципальные декреты регулируют практически всю жизнь горожанина от рождения, профессии, которую он унаследует от родителей, до того, сколько свечей должно сопровождать его гроб на похоронах.

Главной приметой экономики средневекового города являются торгово-промышленные ассоциации: корпорации¹⁴⁴, гильдии¹⁴⁵, цехи¹⁴⁶. Мы будем использовать эти термины более-менее взаимозаменяемым образом, хотя понятие «гильдия» преимущественно принято употреблять в отношении объединения купцов. Объединяясь в ассоциации, на основе которых позже возникнет городская коммунальная администрация, купцы и ремесленники отвоевывают себе коллективную свободу, льготы и привилегии. Однако личная свобода их членов этими же ассоциациями и ограничивается.

В Средние века корпорация или цех – это тесно, прочно организованная ассоциация всех ремесленников определенной профессии одного города. Например, всякий золотых дел мастер, оседло живущий в Париже, был членом ювелирного цеха. И никто не мог продать даже ржавого гвоздя, не будучи членом цеха кузнецов, или старого тряпья, не принадлежа к цеху старьевщиков. Цех часто был одновременно и городской военной единицей, и каждый его член должен был иметь оружие для защиты города.

¹⁴³ Общее название для самого авторитетного профессионального объединения французских, а затем и принятых на основе ряда условий иностранных кутюрье – *Fédération de la Haute Couture et de la Mode* (Федерация Высокой моды, с 2017 г.), преемника *Chambre Syndicale de la Haute Couture Parisienne* (Синдикат Высокой моды), основанного в 1868 г. На протяжении своего существования вплоть до настоящего времени объединение несколько раз меняло свое название, структуру и функции, оставаясь при этом, по сути, одной и той же организацией.

¹⁴⁴ Фр. *corps de métier* – категория рабочих, профессиональная группа.

¹⁴⁵ Нем. *Gilde* – «объединение купцов».

¹⁴⁶ Через польск. *cech* из средневерхненемецкого *zēch, zēche* «объединение лиц одного сословия», совр. нем. *Zunft*.

Происхождение института средневекового цеха (корпорации, гильдии) иногда пытаются отнести к древнеримским коллегиям, которые неизвестным образом восстали из пепла после нескольких веков забвения. С точки зрения историков Лависса и Рамбо¹⁴⁷, разумнее было бы предположить, что такая форма объединения была естественной в ту эпоху, когда обособленное, независимое существование было опасно, право и суд были привилегией и плохо защищали от произвола. Форму корпорации в Средневековье принимали тогда любые профессии, даже свободные, – университетские преподаватели, менестрели и нищие – все объединялись в ассоциации, цехи и гильдии, способные защитить их коллективные интересы.

Сведения об основании первых гильдий довольно скудны и отрывочны. Текстильное производство в Средние века было самым мощным, если не сказать единственным, помимо строительства, поэтому текстильные корпорации обладали большим влиянием и значением для экономик всех стран Запада. Известно, что в 925 г. основываются гильдии красильщиков шерсти в Германии. В 979 г. была основана Тевтонская текстильная гильдия в Лондоне, получив на это королевскую грамоту в обмен на уплату двадцати унтов перца ежегодно. Она просуществовала без малого шесть веков, пока в 1578 г. королева Елизавета I не ликвидировала ее. Массовое же образование цехов относится к XI—XII вв.

Часто цехи имели общие и взаимные интересы с властями. В Англии король Генрих I (1100—1135), известный своей ученостью, активно поощрял развитие городов и городского самоуправления. Король поддерживал развитие торговли, ремесла и путей сообщения в стране, даруя различные привилегии городам и купеческим гильдиям и утверждая уставы первых английских ремесленных цехов. При нём начался выкуп крупнейшими городами страны прав самостоятельного сбора налогов и уплаты их непосредственно в королевское казначейство – первый шаг на пути завоевания английскими городами автономии. Особенно большое значение имела хартия Генриха I Лондону, которая, помимо освобождения горожан от уплаты «датских денег», торговых и таможенных пошлин, предоставила право избрания собственного шерифа и верховного судьи. Около 1120 г. он расселил фламандских¹⁴⁸ текстильщиков в английских городах и деревнях для повышения уровня мастерства местных производителей текстиля. Они основали там первые текстильные гильдии шерстянщиков. Генрих II Плантагенет (1154—1189) даровал гильдии английских производителей шерсти хартию¹⁴⁹ на исключительные права поставки суровой шерсти в Лондон. Это право поддержало английских овцеводов, боровшихся с ввозом испанской шерсти, превосходившей английскую по качеству. В 1164 г. было организовано шесть гильдий ткачей и валяльщиков в разных городах Англии. К 1188 г. относится первое упоминание о корпорации английских красильщиков текстиля. Борьба английских и испанских текстильщиков, порой весьма жесткая, в которой корпорации были важной силой лоббирования, шла не один век. В 1221 г. Генрих III (1216—1272) приказал мэру Лондона сжечь все шерстяные ткани, завезенные из Испании, и только в 1240 г. импорт был восстановлен. В 1248 г. торговцы шерстью также организовали корпорацию, чтобы защищать свои интересы в английской экономике, однако это не помешало Генриху III в 1261 г. запретить весь экспорт шерсти в континентальную Европу. А в 1271 г. он издал декрет, в котором говорилось: *«Все рабочие, мужчины и женщины из Фландрии и других стран могут при-
быть в наше королевство и производить ткани»*. В ответ на действия короля Англии король Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрый (1252—1284) выпустил в 1273 г. декрет, согласно которому *«все пастухи Кастилии объединяются в почетную ассамблею пастухов»* – знаме-

¹⁴⁷ Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; Пер. М. Гершензона. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 2003.

¹⁴⁸ Фламандцы – народ, родственный по происхождению голландцам. Большая часть живет в Бельгии, наряду с романоязычными валлонами. В XIII—XIV вв. территория Бельгии была ареной борьбы между Англией и Францией. В Средние века Бельгия входила в состав Бургундского герцогства.

¹⁴⁹ От лат. *charta*, от др.-греч. *χάρτη* «лист папируса; бумага». В Средние века – документ публично-правового и политического характера (Хартия городов и коммун, Великая хартия вольностей 1215 г. и др.).

ниту Месту¹⁵⁰ (о ней будет отдельная история в главе об Испании), которая получила привилегии на 500 лет по выращиванию мериносовых овец в Испании.

Своим величием и процветанием Флоренция также обязана цехам. Во Флоренции корпорации ткачей и торговцев тканей образуются в 1193 г. Об истории флорентийских цехов мы поговорим ниже особым образом.

Один из самых своеобразных королей Франции, Филипп IV Красивый (1285—1314), помимо расправы над тамплиерами, был известен тем, что запретил своим подданным носить одежду из фламандской шерсти, т.к. был очень озабочен ее чрезмерной популярностью.

Жизнь цехов регулировалась статутами¹⁵¹ или уставами. Древнейший цеховой статут – устав парижского свечного цеха – Лависс и Рамбо относят к 1061 г. Степень регламентированности и суровости цеховых уставов снижалась с севера на юг Европы. Самыми обстоятельными, расписанными буквально до мелочей они были в Германии¹⁵², а в Монреале и Лиможе корпорации носили характер, скорее, благотворительных и религиозных обществ, не имели монополии, не ограничивали число членов и принимали иностранцев. Отмечу, что эта традиция гостеприимства весьма плодотворно скажется на росте мастерства лиможских ткачей,

¹⁵⁰ Исп. *Mesta, Honrado Concejo de la Mesta*. Этимологически испанское слово «*Mesta*» производят от латинского «*Mixta*» (смешение), подразумевая «*animalia mixta*» (смешение скота).

¹⁵¹ От лат. *statutum* – постановление.

¹⁵² Извлечения из Устава Франкфуртских сукноделов 1345 г.: «Мы, мастера-сукноделы Франкфурта, извещаем господ шеффенов и весь совет о наших правах и обычаях, как мы их сохранили исстари: 1. Никто из членов нашего цеха не должен делать сукно с каймой, разве только по заказу шеффенов, которые вместе с членами их семей могут носить такие сукна. 3. Мы имеем обыкновение присматривать за нашими чесальщицами и прядильщицами. 4. Запрещается закладывать крашеную шерсть, пряжу и неготовое сукно или принимать их в залог; если это будет обнаружено, то заложенное должно быть отдано нам безвозмездно. Исключается тот случай, когда пряжа и сукно принадлежали самому заложившему их. 5. ... Запрещается пользоваться печатью, прилагаемой к сукну, тем, кто не состоит в нашем цехе и не живет в городе. 6. ... Кто подвергся оговору и не восстановил своей чести, тот не может оставаться в нашем цехе. 9. Исстари у нас в обычае, что мы сами можем принимать все постановления, вызываемые нуждами ремесла, если только данные вопросы не подлежат ведению городского суда или совета. 10. Мастерцам монастыря пресв. девы разрешается ткать сукно с каймой и продавать его в розницу. Кульман Зан, Фольмар фон Бибра, Гейне Гольцгеймер и Годфрид фон Дорфельдин прочли вышеприведенные статьи перед шеффенами и всем советом и показали под присягой, что все эти обычаи цех сукноделов перенял от предков. 11. Штрафы и взыскания, которые были у нас установлены и которых мы придерживаемся, перечислены ниже. 12. ... Если будут найдены сукна с каймой или с порезанными местами, или они окажутся сделанными из обрезков и клочков шерсти, или подправленными светлой пряжей, такие сукна должны быть отобраны у мастера, а последний вносит 1 фунт геллеров штрафа. 13. Если кто-нибудь отдаст ткать или отделять сукно за город, а потом обнаружится, что оно с каймой, то сукно отбирается, а мастер лишается права заниматься ремеслом в течение года; по истечении срока он может просить мастеров наших о снисхождении, но обязан внести 5 марок штрафа. 14. Никто не должен окрашивать в пестрые цвета сукна с каймой [Последствия те же, что и в 13-й ст.]. 15. Такой же штраф уплатит тот, кто работает более чем на двух ткацких станках. 20. Кто продает сукна без свинцовой печати, тот уплачивает нашим мастерам 2 гроша штрафа. 24. Если будет найден у кого-нибудь спрятанный ткацкий станок, с того следует 1 марка. 27. Маклер, берущий вознаграждение не в ярмарочное время или изготовляющий сукно, штрафуется на 1 марку. 28. Мастер, дающий вознаграждение маклеру, который не привел с собой гостя в дом, всякий раз вносит полчетверти вина. 29. Кто делает сукна, должен вырабатывать их длиной в 33 локтя и без каймы; кто сделает сукно длиннее, платит мастерам 1 фунт. 30. Если будет найден меньший по длине кусок сукна, следует штраф в 1 фердунг. 31. Кого застанут ночью за работой, тот платит 1 марку. 34. ... С каждого куса сукна полагается по геллеру двум мастерам, осматривающим сукно с целью суждения о его промывке. 35. Если мастер станет ворсить сукно, а два мастера обнаружат, что оно было плохо промыто, то виновный вносит фердунг штрафа и дает четверть вина в цеховой дом. 36. Кто оскорбит двух мастеров словами или действием, тот платит такой же штраф, как и за оскорбление шестерых старост цеха. 40. Никто не должен давать ткачу со дня сретения Господня, когда освещают свечи, и до дня св. Михаила более 16, а в другое время – более 14 геллеров поденной платы; если же он работает сдельно, то ему следует платить 5 шиллингов с куса десятимоткового сукна, если работа всё время одинаковая; если же работа меняется, то он и его мастер должны договориться, и за девятимотковое сукно уплачивается 5½ шиллингов. Кто пообещает дать больше или даст больше, чем выше установлено, тот дает в цеховой дом четверть вина. 41. Ткач, запросивший у наших товарищей-мастеров больше положенного, на 4 недели лишается права заниматься ремеслом, он и жена. 44. Запрещается покупать вайду где-либо кроме двух гостиных дворов, где ее пробуют и оценивают; штраф – 1 фердунг и четверть вина. 45. Никто не должен, когда покупает вайду, брать больше одной вязки. Штраф – полмарки и четверть вина. 46. Никто из членов нашего цеха не должен продавать вайду негорожанину... Штраф – 1 фунт и четверть вина в цеховой дом. 47. Никто не должен сманивать у другого людей, будь то работник или работница... Штраф – полмарки.» Текст воспроизведен по: Немецкий город XIV—XV вв. Сборник материалов / Ввод. ст., пер., прил. и коммент. В. В. Стоклицкой-Терешкович. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.

когда через несколько веков они примут у себя бежавших из Италии, Испании и Португалии евреев-профессионалов.

Цехи ремесленников и торговцев представляли собой форму самоорганизации, не допускавшую никакой конкуренции и имевшую крайнюю степень специализации¹⁵³, странную и даже комичную на современный взгляд. Так, парижские торговцы четками делились на три ассоциации: один цех делал четки из кости и рогов, второй – из амбры и черного янтаря, третий – из раковин и кораллов. Парижские башмачники делились на три цеха, в зависимости от материалов изготовления, а шляпники – на пять. Было два различных цеха прядильщиц шелка на веретёнах: отдельно – больших и отдельно – малых. И если в Новое время нормой стало право выбрать любую профессию, то распространенным средневековым принципом, считавшимся глубоко справедливым, было убеждение, что ремесло принадлежит тем, кто им занимается.

Кропотливый узкоспециализированный труд способствовал достижению очень высокого уровня мастерства. Требования к качеству продукции жестко регулировались цеховыми статутами. Вот пример статута «О ткачихах шелка» из документа под названием «Регистры ремесел и торговли города Парижа»¹⁵⁴. Этот документ, составленный прево¹⁵⁵ города Этьеном Буало в XIII в., гласил:

«Никакая мастерица цеха не может и не должна набирать основу из ниток с шелком или из шелковых оческов с шелком, так как такое изделие поддельное и плохое и должно быть уничтожено, если его найдут. Никакая мастерица или подмастерица этого цеха не может делать поддельную (entaveleure) основу или ткань из ниток и из шелковых оческов или делать рельефную (enlevee) ткань, где имеются нитки или шелковые очески; а если такое изделие находят, оно должно быть уничтожено, так как оно поддельное и плохое».

Эту фантастическую «средневековую» требовательность к качеству исполнения мы всё еще можем увидеть в работах швей и вышивальщиц парижских Домов *Haute Couture*, или у классных итальянских обувщиков, или у производителей премиальных изделий из кашемира и сверхтонкой шерсти. Два революционера в моде – Браммель¹⁵⁶ и Шанель, – молодежная революция 60-х гг. и наступление эпохи массового общества повлияли на общий стиль в моде в пользу его упрощения и сократили число покупателей и ценителей этого уникального ручного мастерства, к тому же оно конкурирует с современными машинными технологиями даже в костюмах высокого класса. Всё менее это мастерство и внимание к деталям востребовано и миром крупных корпораций нашего века, требующим не элитарной скрупулезности многочасовой работы, а максимального упрощения, диктуемого бешеными скоростями обезличенного *fast-fashion*. И тем не менее вся великая мода выросла из средневекового ремесла, и вплоть до середины XX в. уникальный, Ремесленный с большой буквы, ручной труд был важнейшим мерилом ценности платья.

Цехи были подчинены очень подробным и обстоятельным статутам не только в области производства, им была подчинена вся жизнь членов корпорации. Нельзя было стать ремесленником, не пройдя все этапы многолетнего ученичества. Вступление на путь профессии было, как и вся жизнь в Средневековье, актом не личным, а общественным, публичным, окруженным обрядами и символами. Это был торжественный «общественный контракт», содержание которого было определено статутами. Он налагал определенные обязательства на каждую из сторон – ученика и мастера, принимающего публичную ответственность за подготовку про-

¹⁵³ В переписи 1291 г. в Париже насчитывалось 4159 членов цехов, которые были разделены на 350 профессий.

¹⁵⁴ Цит. по: Книга ремесел и торговли города Парижа. Вып. 10 / Пер. с фр. Л. И. Киселёвой. М., 1957.

¹⁵⁵ Прево (франц. *prévôt*, от лат. *praepositus* – «стоящий во главе, начальник») – должностное лицо в средневековой Франции. Первоначально прево – управляющий во владениях светских и церковных сеньоров с широкими административными, судебными, налоговыми и военными функциями.

¹⁵⁶ Подробнее о нём – в следующих главах.

фессионала, соответствующего уровню и требованиям корпорации. Этот контракт, как брак, заключался при свидетелях – мастерах или экспертах цеха. Своей разнообразной, богатой символикой и обрядами цехи оказали влияние на всю европейскую эстетику и культуру. Загадочные и знаменитые масоны, само название которых происходит от старофранцузского *masson*, т.е. каменщик, или англ. *freemason* – вольный каменщик, заимствовали свои регламенты, статуты, обряды и ранги у средневековых строительных цехов.

Количество учеников у одного мастера также было ограничено, что защищало интересы корпорации от излишней конкуренции и перепроизводства, хотя статуты утверждали, что такое ограничение есть благо для учеников. Срок обучения был продолжительным – от трёх до двенадцати лет. И все эти годы ученик обеспечивал мастеру даровую рабочую силу. Более того, поступая на обучение, ученик сам должен был уплатить своему патрону определенную сумму или отработать ее, т.к. считалось, что хозяин первое время лишь тратился на него, ничего не получая взамен. В указанном статуте «О ткачихах шелка» в Париже мы находим:

*«Никакая ткачиха шелка не может быть мастерицей в цехе, прежде чем она не работает в нём один год и один день после того, как она прошла срок обучения, чтобы она приобрела больше умения в деле своего ремесла. Никакая мастерица этого цеха не может и не должна брать учениц меньше чем на шесть лет за 4 ливра, или на восемь лет за 40 су, или на десять лет без денег. Не может она притом иметь одновременно более двух [учениц] и нельзя брать другой, пока время обучения не закончится»*¹⁵⁷.

Эта традиция длительной и низкооплачиваемой работы ученика, где главным мерилom успеха является выдающееся мастерство, а не доходы, сохранилась по сей день в сфере ручного труда в парижских ателье, где за честь почитается сама возможность работать на великий Дом¹⁵⁸ или великого кутюрье¹⁵⁹. Если приглядеться к стилю работы даже современных Домов моды, то возникает ощущение некой «капсулы средневекового времени», встроенной в современный механизм глобального капиталистического производства. Один мастер – кутюрье, арт-директор – определяет и контролирует стиль и качество каждой детали всей коллекции каждого сезона. Ему беспрекословно подчиняется работа современных «подмастерий» всего Дома даже в том случае, если он уже не является его владельцем. Такого не увидишь на предприятиях *fast-fashion*, где создание моделей и производство практически конвейерное и подчинено задачам исключительно рыночным¹⁶⁰.

Лишь в немногих корпорациях, таких как парижский цех ткачей, ученик мог жаловаться магистру цеха на дурное обращение своего мастера. Если ученик сбегал, его могли ловить и возвращать насильно. В общем, это была очень жесткая, но характерная для всей куль-

¹⁵⁷ Цит. по: Книга ремесел и торговли города Парижа. Вып. 10 / Пер. с фр. Л. И. Киселёвой. М., 1957

¹⁵⁸ Дом моды (фр. *maison de couture*) – общеупотребительное понятие в мире моды, у которого, однако, нет жесткого определения. Говоря описательно: это профессиональная коммерческая организация по созданию, моделированию и пошиву одежды, аксессуаров и обуви уникального дизайна, а также проведению мероприятий по продвижению и продаже этой продукции на рынке. Появление первого Дома датируется 1868 г. и связано с именем первого кутюрье и создателя самого понятия *Haute Couture* Чарльзом Фредриком Вортом (о нём и об этих понятиях подробнее – в дальнейших главах). Традиционно Дом моды (в первую очередь – Дом Высокой моды) носит имя его создателя-модельера и имеет свой уникальный стиль или, как сейчас принято говорить, «ДНК бренда». Со временем Дома моды, как и другие коммерческие организации, стали продавать, а в качестве главных дизайнеров нанимать специалистов-модельеров, обязанных следовать общему стилю или концепции бренда, с возможностью его творческого переосмысления, – например, Карла Лагерфельда для Дома Chanel. В настоящее время большинство Домов Высокой моды поделено между двумя крупнейшими международными конгломератами – LVMH и Kering. Стандартная структура Дома моды: Главный дизайнер (кутюрье, арт-директор). Штатные или приглашенные модельеры. Дизайнерская группа. Портные высшего уровня мастерства. Швеи, вышивальщицы и другие производственные сотрудники. Отделы продаж (бутики, оптовые и маркетинговые подразделения) и др. коммерческие подразделения. Хранилища архивных материалов.

¹⁵⁹ Кутюрье (от фр. *couturier* – «портной», от *couture* – «шитье, сшивание») – высшее звание дизайнера-модельера во Франции. Кутюрье работает в индустрии Высокой моды в собственном Доме, состоящем во французской Федерации Высокой моды или по контракту с таким Домом. В просторечии употребляется в качестве синонима слов «модельер» или «дизайнер одежды».

¹⁶⁰ Об организации работы типичного предприятия *fast-fashion* ZARA см. Приложения 2 и 3 к гл. 5.

туры Средневековья, с ее жестокостью, личной несвободой и телесными наказаниями, зависимость. Мастера обладали практически неограниченной властью над учениками, но сами должны были вести определенную статутами и правилами жизнь и быть безупречными в своем ремесле. В статуте ковалей проволоки говорилось: «*Никто не должен брать ученика, если он не настолько мудр и богат, чтобы мог учить и воспитывать их*»¹⁶¹.

Отчасти такой странно длинный срок обучения средневекового мастера, – например, «*никто из этого цеха [цех изготовителей шнурков из ниток и шелка] не может брать учеников менее чем на шесть лет обучения и за 40 пар. су деньгами или на восемь лет обучения без денег*»¹⁶², – объясняется не только заинтересованностью мастера в рабочей силе, но и тем, что средневековое ремесло не знало разделения труда. Мастер сам изготавливал все свои инструменты, обрабатывал сырьё, делал заготовки. Эта традиция во многом коррелирует с т.н. феноменом «человека Возрождения», чья гениальность возникала на фоне традиции освоения множества смежных профессий и наук. В текстильном производстве она сказывалась и позже: прославленный лионский ткач-промышленник первой половины XVIII в. Жан Ревель был также художником и рисовальщиком узоров для тканей, изобретателем нового станка. Такое полное и глубокое знание профессии – от материалов до средств производства – происходит из средневековой ремесленной культуры труда.

Пройдя обучение, ученик становился рабочим и мог быть причислен к цеху в полной мере. К XIII в. окончательно установился обычай доказывать свое мастерство, демонстрируя цеху образец своего ремесла. Экзамен проводился присяжными экспертами, выдававшими успешным кандидатам удостоверение. Посвящение в мастера было обставлено торжественными обрядами, будущему члену сообщества зачитывали статуты и правила цеха, а вновь вступающий клялся на мощах святого-покровителя цеха соблюдать правила и честно заниматься ремеслом. Вся жизнь, статус, возможности и перспективы жизни средневекового ремесленника зависели от уровня его профессионализма и признания этого уровня коллегами по цеху. В каком-то смысле эти традиции нашли продолжение в современности в требовании к Домам Высокой моды дважды в год демонстрировать на подиуме по 35 моделей (еще в начале 1990-х гг. коллекция должна была включать не менее 75 моделей в сезон). Причем все платья *Haute Couture* должны выполняться только в одном экземпляре, количество машинных швов не должно превышать 30%, отделка и декор должны производиться по старинным традициям, в тех самых специализированных парижских ателье – аналогах средневековых цехов.

Бывший ученик не всегда мог сразу завести свое дело. Часто он становился наемным рабочим, находящимся постоянно под давлением безработицы. В Париже целые их отряды собирались на Гревской площади, официальном месте найма, где их находили работодатели и приказчики.

Женщины, составлявшие большую часть рабочей силы в текстильном производстве, подвергались сильному угнетению. У Кретьена де Труа в романе «Ивейн, или рыцарь со львом» встречается жалоба ткачих:

*Ткём целый день такие ткани,
Что любо-дорого глядеть,
А что прикажешь нам надеть?
Работа наша всё труднее,
А мы, ткачихи, всё беднее,
В отрепьях нищенских сиди,
Мы хлеба вдоволь не едим,*

¹⁶¹ Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; Пер. М. Гершензона. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 2003. С. 593.

¹⁶² Книга ремесел и торговли города Парижа. Вып. 10 / Пер. с фр. Л. И. Киселёвой. М., 1957.

*Нам хлеб отвеивают скупю,
Надеждам придаваться глупю,
Нам платят жалкие гроши:
И так, мол, все вы хороши.
И понедельной нашей платы
Едва хватает на заплаты.
Сегодня грош, и завтра грош.
Скорее с голоду помрѣшь,
Чем наживѣшь себе чертоги.
Весьма плачевные итоги!
Нам полагается тощатъ,
Чтобы других обогащать.
Мы день и ночь должны трудиться,
Нам спать ночами не годится,
Ленивых могут наказать,
Усталых будут истязать...*¹⁶³

Но интересно, что и у женщин были свои права. И появились они именно как часть коллективных прав женских цехов, которые защищались городскими советами и уставами. Так, в Кёльне существовало четыре самостоятельных женских цеха: бумагопрядильный, золотопрядильный, шелкопрядильный и ткачих шелковых изделий. Женщины входили в качестве полноправных членов и в ряд других цехов: ткачей полотна или шерстяных изделий, вышивальщиц гербов, кошелечников, поясников, заготовщиков кожи, золотых дел мастеров, золотобитов, игольщиков, бочаров, токарей, портных, скорняков, пекарей и пивоваров, рыботорговцев, мясников. А во всех цехах, не указанных выше, женщина могла стать членом на основании т.н. вдовьего права, дававшего право вдове продолжать дело покойного мужа.¹⁶⁴

Несмотря на, казалось бы, нещадную эксплуатацию рабочих, чей трудовой день длился 16—18 часов, отношения между ними и патронами в эпоху Средневековья часто можно назвать товарищескими. Мастер в свое время также проходил выучку рабочего, а организовав дело, продолжал работать не меньше последнего. Мастер и рабочий делали одно общее дело, прикладывая каждый свою руку, сидели за одним столом, часто мастера давали рабочим кров. Играла роль и профессиональная солидарность, уважение к мастерству. Всякий трудолюбивый и бережливый рабочий мог стать со временем мастером, и даже в эту эпоху тотальной средневековой войны конфликты между мастерами и рабочими были относительно редкими.

Ремесленные корпорации постоянно бились за устранение любой внешней конкуренции. Всякий цех старался сохранять за собой исключительную монополию на право заниматься своей профессией, особенно в городах Северной Франции. Средневековый ремесленник уподоблялся яростному защитнику крепости, когда речь шла о малейшей угрозе со стороны чужаков или смежных корпораций. Париж был настоящей ареной битвы между «своими» цехами и пришлыми мастерами. Чужестранцы иногда имели право торговать по определенным дням на рынке, обычно не чаще раза в неделю, хотя и это послабление встречало яростное сопротивление местных. Парижские суконщики дошли до Парламента с требованием запретить жителям Сен-Дени выставлять по субботам свои товары. И в этом их поддержали суд и прево, однако Парламент их требование в 1309 г. отклонил. Ко всему прочему, привозные товары допускались лишь после осмотра экспертами цеха, а это были более чем пристрастные судьи. Следы этой конкурентной борьбы мы видим и правилах самой авторитетной в мире француз-

¹⁶³ Кретьен де Труа. Ивейн, или рыцарь со львом / Пер. В. Микушевича. М.: 1974.

¹⁶⁴ См.: Социальная история средневековья / Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова. М.—Л., 1927.

ской *Chambre Syndicale de la Couture*¹⁶⁵: право стать частью *Haute Couture* получают только те модные Дома, которые ежегодно утверждаются специальной комиссией, образованной и поддерживаемой Министерством промышленности Франции и самой Федерацией Высокой моды, а также лишь те Дома, что имеют штаб-квартиру в Париже и дважды в год показывают новые коллекции на Парижской Неделе Высокой моды, независимо от страны происхождения Дома.

Помимо войны за монополию в своей профессии, цехи постоянно воевали со смежниками. В Париже самым ревнивым и высокомерным был цех суконщиков. Он постоянно ссорился с цехом валяльщиков и красильщиков. Один из конфликтов был вокруг того, кто мог судить о достоинстве материи: суконщики, которые ее изготавливали, или сукновалы, которые ее выделывали и окончательно обрабатывали. В 1270 г. Парламент решил предоставить это право смешанным комиссиям. Другой конфликт разгорелся между суконщиками и красильщиками за право красить материи. Красильщики тщетно пытались запретить суконщикам красить свои материи, в отместку суконщики стали отдавать сукна иногородним. И конфликт был прекращен только после вмешательства прево в 1291 г., потребовавшего от обеих сторон проявлять уважение к традициям.

Такие столкновения шли повсюду. В Провене вражда валяльщиков, суконщиков и ткачей дошла до того, что каждый из этих цехов отказывался принимать в ученики любого родственника мастера, принадлежавшего другим корпорациям. Эти ссоры длились веками и, как пишут Лависс и Рамбо: «если бы не французская революция¹⁶⁶, то портные до сих пор препирались бы о своих правах со старьевщиками»¹⁶⁷.

Казалось бы, обоснованно расценивать такую ситуацию жесткого ограничения конкуренции как тормоз на пути развития всей экономики и текстильного производства. Можно сказать, что понятие свободы было чуждо экономическому строю Средневековья, поэтому истинной моды с необходимой ей свободой производства, обмена и потребления товаров здесь быть никак не могло. Однако не всё в реальной экономической жизни измеряется и зависит от «невидимой руки рынка», неограниченной конкуренции и других «благ» свободной экономики. Средневековая цеховая ремесленная система имела свои сильные стороны: она сформировала особую структурно-функциональную основу экономики Запада, уважительное отношение к профессионализму и мастерству, высочайший уровень требовательности в профессии, которая становилась призванием, делом жизни человека. Средневековый человек сделал шаг к тому, чтобы становиться не только и не столько тем, кем он был по рождению и наследованному от предков титулу и богатству, а профессионалом своего дела, заслужившим уважение личными заслугами и своим трудом. Средневековый цех сформировал чувство профессиональной солидарности, привычку бороться за свои права, преобразившиеся на Западе столетия спустя в профсоюзы и рабочие движения или мощные промышленные корпорации.

Мир современной моды сторонние наблюдатели часто признают закрытым до снобизма и жестким до жестокости, однако если посмотреть на него через призму культуры средневековых ремесленных корпораций, то всё выглядит куда более понятным. Система взаимоотношений мастер—ученик, защита от внешней конкуренции, высокие требования к мастерству и соблюдению как гласных, так и негласных правил, — всё это — наследие средневековых традиций ремесленных корпораций. Мира, где престиж, статус, уважение коллег зависели от уровня профессионализма мастера и его соответствия корпоративным требованиям, где не было места независимому художнику, не связанному взаимными обязательствами и правилами с сообще-

¹⁶⁵ С 2017 г. — один из трёх Синдикатов, входящих в *Fédération de la Haute Couture et de la Mode*, — Синдикат Высокой моды под председательством Ральфа Толедано. Также в эту федерацию входят *Chambre Syndicale de la Mode Féminine* (Синдикат женской моды) под председательством Бруно Павловского и *Chambre Syndicale de la Mode Masculine* (Синдикат мужской моды) под председательством Сиднея Толедано.

¹⁶⁶ Имеется в виду Великая французская революция 1789 г., окончательно отменившая все цеховые ограничения.

¹⁶⁷ Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; Пер. М. Гершензона. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 2003. С. 602.

ством коллег по цеху. Мира, где профессионала судили суровые коллеги, а не неискушенные приверженцы современного общества потребления.

Средневековый подход к конкуренции косвенным образом способствовал становлению менталитета местного патриотизма в том, что касалось предпочтения *своих* товаров. И если изначально, в раннем Средневековье, предметы роскоши и престижа были исключительно привозными, то постепенно к концу Средних веков цеховая монополия воспитала из европейских горожан «лояльных покупателей», патриотов местного продукта. Вот этот принцип, существующий и поныне в космополитичной, «единой» Европе, когда француз искренне хвалит только французское, итальянец – итальянское, а немец – немецкое, во многом воспитан Средневековьем. И до сих пор, при всём разнообразии глобальных брендов, столь успешны в Европе локальные модные марки, пользующиеся любовью своего местного населения.

В целом, средневековый корпоративный порядок не располагал к творческим, а соответственно, и модным процессам в производстве. Как не было свободы вне корпораций, так и внутри них свобода ремесленника была ограничена суровой дисциплиной и предписаниями. Цеховые статуты регламентировали все технические подробности производства, что определяло неизменность и самих товаров. Регламентировалось всё: время и дни работы, запрет ночной работы, т.к., как писал Амьенский устав, «ночная работа не может быть хороша и добросовестна», технологии, правила продажи. Техника производства должна была соблюдаться со всем тщанием, мастера контролировали труд рабочих, все работали днем, на глазах публики. Портной, например, должен был шить на столе, стоящем у окна, чтобы с улицы можно было следить за его работой. Регламентировалось качество тканей: запрещалось ткать смешанные ткани из бумаги и шелка, а если и разрешалось иногда, то с условием, что бумажные нитки будут явно видны. Иногда уставы предусматривали даже мельчайшие детали производства: длину и ширину материи, качество основы. Торговля регламентировалась столь же обстоятельно: в Париже в большинстве корпораций ни один предмет не мог попасть в продажу без предварительного осмотра и отметки знака цеха. Тот товар, который признавался дурным и недобросовестным, т.е. не соответствовавшим стандартам, изымали, сжигали, а виновному присуждали крупный штраф, лавку могли закрыть на какой-то срок, а иногда он мог быть и вовсе исключен из корпорации, что означало по факту запрет на профессию. Всё это не оставляло места свободному творчеству, переменам и инновациям, отдавая дань магическому мышлению человека Средневековья: «если я всё буду делать правильно, ничего плохого не случится».

Корпорация поглощала экономическую и творческую свободу мастера. В своем ежедневном труде ремесленник постоянно должен был соотноситься с уставами и предписаниями цеха. При этом сама корпорация обладала большой автономией: она издавала законы, управляла своими членами, взаимодействовала с городской администрацией и была практически независима. Лависс и Рамбо характеризуют этот строй как «*порабощенный ремесленник в свободной корпорации*». Корпорация составляла свои статуты, сеньор лишь утверждал устав. Каждая ассоциация считалась самостоятельным юридическим лицом, могла приобретать имущество, посылать в суд своего уполномоченного, иногда владеть своей печатью. Для Средневековья это были экстраординарные права коллективной независимости.

В Париже большинство цехов если и не подчинялось, то зависело от королевского прево¹⁶⁸. Он играл роль почетного президента и судьи, утверждал назначение магистратов, взимал некоторые повинности. В других городах это могли быть викарии архиепископа или чиновники сеньора. Уже в столь раннюю эпоху мы замечаем связь французского королевского двора с парижскими производителями текстиля и одежды: главный парижский эконо́м, ведавший королевским гардеробом, обладал и некоторыми правами над корпорациями, занимав-

¹⁶⁸ Королевский прево (фр. *prévôt royal*) занимал низшую ступень в иерархии королевских судей.

шимися производством и продажей платья, старьевщиками, перчаточниками, сапожниками, седельниками. Управляли цехами старшины, которых во Франции называли по-разному: присяжные, смотрители, мастера, выборные, оценщики. Число их тоже было различным. Парижские шляпники, или модистки, избирали трёх женщин-экспертов, ткачи шелковых лент избирали трёх мастеров и трёх мастериц. Должностные лица цехов назначались путем выборов. Парижский прево мог лишь утверждать тех кандидатов, которых предоставляла ему корпорация, и единственным его реальным правом была возможность отрешать их от должности. Главной обязанностью этих старшин был надзор за качеством работы мастеров, посещение мастерских. Они могли ворваться ночью, чтобы застать ремесленника врасплох, в сопровождении сержантов, так как часто встречали сопротивление. Присяжные обладали также и судебными правами: если находили некачественный товар, то изымали его и составляли протокол. Затем дело разбиралось ими же, либо общественным должностным лицом. Они играли роль посредников в конфликтах между членами цеха. То есть уже в Средние века на Западе мы видим профессиональные трибуналы, и в том, что касалось производства, ремесленник зависел от равных ему по статусу.

Избранные старшины руководили администрацией цеха, приемом экзаменов и практическими испытаниями, созывали собрания и были представителями корпорации в сделках и спорных делах, заведовали общим имуществом цеха, собирали доходы¹⁶⁹. Вообще говоря, мир средневекового цеха – это мир совершенно уникальный и в чём-то напоминающий коммунистическую Утопию. Здесь есть место и совместному труду, и жесткой дисциплине, подчинению уставу, и сильнейшей внутрицеховой кооперации, и солидарности, которые делали из цехов практически братства. Общие доходы общины часто были довольно велики и складывались из взносов за принятие в ученики и мастера, штрафов, завещаний и подарков, особых налогов, которыми облагались товары для покрытия непредвиденных, например судебных, издержек. Парижские ткачи, задолжав 660 ливров, обложили каждую штуку сукна налогом в 12 денье до полного погашения долга. Из этих же средств они содержали общие предприятия, иногда благотворительного характера. Например, по воскресеньям в Париже работал лишь один ювелир, и его выручка складывалась в особый ящик, в который ювелиры также клали получаемые ими задатки. А на собранные таким образом средства цех ювелиров ежегодно устраивал на Пасху обед для бедных. Цех фабрикантов сарацинских ковров раздавал беднякам прихода *Innocents* половину всех собранных штрафов. Повара отдавали одну треть штрафов на поддержку старых членов цехов, впадших в нужду. Фабриканты ремней воспитывали сирот. Но самым «продвинутым» считался цех парижских кожевенников, выделявавших беличьи шкурки, который основал настоящее общество взаимопомощи для поддержки своих товарищей, которые не могли работать из-за болезни.

Возвращаясь к вопросу, заданному в начале этой книги, о том, почему мода возникла лишь в западной цивилизации, отметим, что ничего подобного мы никогда не найдем на Востоке. Ремесленники Востока, в эпоху Средневековья однозначно, особенно в текстиле, превосходившие своим мастерством западных, работали не на рынок, а на властителей и их приближенный круг. Их жизнь была подвластна не закону и суду равных, а произволу власти. На Западе, несмотря на все ограничения внутри корпораций, ремесленная цеховая организация воспитала привычку ставить во главу угла свои права, закрепленные законом, и стремление к личной выгоде. Из свободы корпорации вырастает идеология свободного ремесла. Средневековый ремесленник, осознающий свою роль как части свободной корпорации, – это первый шаг к свободному творцу. На этой основе в дальнейшем на Западе развилась соревновательность и конкуренция, которая также выражает себя естественным образом в свободном следовании моде, а не обычаям предков, или предписаниям, или чужой моде. На Востоке такой

¹⁶⁹ Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; Пер. М. Гершензона. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 2003. С. 608.

независимой фигуры творца не возникло вплоть до этапа заимствованной у Запада модернизации, равно как и института моды. И это не совпадение, а следствие. История показала, что для моды социальные структуры важнее технического мастерства. Истоки корпоративной культуры нынешних модных организаций следует искать не в начале эпохи Нового времени, а в Средневековье. Особенно показателен феномен *fundatio* – т.н. практика «учреждения на собственные средства», современной формой которой стали разного рода благотворительные фонды крупных корпораций и меценатство. Корпорации средневекового Запада строили свои церкви и капеллы, создавали приюты и богадельни, за право разместить в городском соборе свои знамена они финансировали его ремонт, заказывали статуи святых и витражи. Так же, как сейчас корпорации *LVMH*, *Cie Financiere Richemont*, *Conde Nast* и *PRP* проводят выставки в музеях и благотворительные акции, поддерживают молодых дизайнеров, создавая культурные ценности, в которых группы заявляют о себе, о своем высоком и уважаемом месте в обществе.

И всё же средневековый цех был пока еще очень скудным и ограниченным производством. Патрон и его наемный рабочий трудились одним, ручным, способом. Они были одинаково неискушенными в технологиях и не имели доступа к капиталу. Между прибылью мастера и жалованьем его работника почти не было разницы. Так, во Фландрии XIV в. суконщик, имевший трёх наемных рабочих, выручал лишь в два раза больше каждого из них. Больших прибылей в средневековом экономическом строе не было, благосостояние у всех мастеров и рабочих цеха было практически равное.

И всё же цехи стали организационной основой западного мира на многие столетия, и их история не заканчивается в Средневековье. Во вступительном слове 3-го цехового устава ткачих шелковых изделий города Кёльна 1469 г. июня 20-го дня записано:

«Мы, бургомистры и совет города Кёльна, объявляем всем, кому предстоит увидеть и услышать эту грамоту, нижеследующее:

Наши предки — бургомистры и совет города Кёльна — в год от рождества господня 1437 в мае месяце, в понедельник, следующий за днем св. Люции, учредили женский шелкоткацкий цех, утвердили его на прочных законах и предписаниях и дали означенным ткачихам устав, приложив к нему городскую печать; в этом уставе содержалась оговорка, что если бургомистры и совет найдут его в чем-либо несоответствующим общему благу, то они в праве во всякое время, по мере надобности, расширить или сократить его. Устав был дан по предложению и нижайшей просьбе наших дорогих и верных бюргерии и жительниц из числа ткачих шелковых изделий, возбужденной ими из-за того, что ремесло, которым они занимались в течение ряда лет почетным и похвальным образом, стало приходить в заметный упадок, с одной стороны, из-за некоторых новшеств, с другой — из-за отсутствия у них до сих пор писаных законов, подобных тем, какими обладают другие ремёсла; сверх того, устав дан во славу всемогущего Бога и нашего города, во имя общего блага и, наконец, ради того, чтобы купец, как свой, так и приезжий, не рисковал быть обманутым...»¹⁷⁰.

В этом коротком отрывке изложен весь образ мысли и идеология городского средневекового человека Запада: опора на Бога, праведный труд, честную деловую репутацию, общее благо, писанный закон и социальную солидарность. Таковы были и творцы первых организационных основ будущей западной системы моды.

¹⁷⁰ Немецкий город. XIV—XV вв.: Сб. материалов / Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936. С. 25—29.

Средневековые технологии ткачества и шитья

Что касается технологий ткачества и шитья, то они оставались практически неизменными со времен Древнего Рима, т.е. были ручными, низкопроизводительными, ограниченными в средствах и скромными в результатах. Каждый шаг в технологиях давался человечеству поначалу с огромным трудом, приходилось преодолевать не только материальную скудость, но и моральное сопротивление переменам во всех сферах, – будь то в производительных средствах или изменении фасонов и тканей.

Совершим небольшой экскурс в *историю ткачества*, чтобы лучше понимать, о чём идет речь.

Прообразом ткачества было простое плетение. Раскопки стоянок древних людей в различных районах мира показывают, что уже в доисторические времена люди научились использовать ткацкую «раму» (иногда это были просто два столба, врытые в землю), на которую натягивались продольные нити – *основа*, которые переплетались с поперечными нитями – *утком*. Есть сведения, что в Ассирии и Вавилоне умели производить шерстяные ткани, было освоено крашение в красный, коричневый, голубой и желтый цвета.

Древний Египет был первой цивилизацией относительно развитого ткачества, которое отделилось от земледелия в период Среднего царства около 2 тыс. до н.э. и стало ремеслом, выполняемым в специальных ткацких мастерских профессионалами. В Древнем Египте ткацкий станок был усовершенствован: на раме появился передний вал, на который наматывалась ткань по мере ее изготовления; на задний брус перекидывались запасные нити основы, на концы которых подвешивались грузы, создававшие натяжение. Подъем ремизок вручную был заменен педальным механизмом, освободившим руки ткача для других операций. Ткач теперь мог не передвигаться вдоль рамы станка, а оставаться на одном месте. Уточная нить прибавалась гребнем, зубья которого делались из расщепленного тростника.

Однако Восток проявил свой не склонный к свободе характер еще на самой заре цивилизации. Ткали рабы, как, впрочем, и в античности, а вот на внешнюю торговлю тканями с Сирией и Месопотамией была введена монополия: только царь и жрецы имели право вывозить ткани за границу. Частные мануфактуры и купцы могли торговать лишь внутри страны. Эта ситуация воспроизвелась через несколько веков в другой восточной деспотии – Византии – в сфере торговли шелком, вывоз которого также контролировался императором.

В античные времена греки вырабатывали шерстяные и льняные ткани. И вплоть до VII—VI вв. до н.э. ткачество было домашним ремеслом. В домах греческой знати существовали отдельные помещения, где под присмотром хозяйки ткали рабыни. В Древней Греции появились многоремизные станки для выработки узорчатых тканей, в остальном античное ткачество уступало в техническом отношении древневосточному. Древнеримский ткацкий станок был примитивнее древнеегипетского. Единственным вкладом Древнего Рима было совершенствование приспособления для прокладывания уточной нити – челнока, который без существенных изменений сохранился в ручном ткачестве до наших дней.

Тем, что ткачеством занимались не свободные люди, а рабы, мало заинтересованные в инновациях, часто объясняют отсутствие какой-либо моды или хоть какого-то движения фасонов и тканей за 12 веков существования Древнего Рима. Для инноваций и искусных операций понадобилось личное мастерство свободного ремесленника, а для движения моды – участие творческой личности художника. Однако причин для того, что в обществе даже с относительной социальной мобильностью, каким был Рим, не возникло системы подвижной символической социальной дифференциации, может быть много. И они явно лежат не только в плоскости экономики и социологии. Ответ на этот вопрос нуждается еще в своих исследователях.

Техника ткачества раннего Средневековья имела значительно более низкий уровень даже по сравнению с античным. Ткани производились из овечьей шерсти и простейшего растительного волокна – льна. Для стрижки овец применялись ножницы римской формы – без гвоздика посередине. Затем шерсть вымачивали для удаления жира в щелочном растворе, сушили на солнце, удаляли инородные частицы, трепали и вычесывали металлическими или деревянными гребнями. Для изготовления шерстяной ленты использовали длинную деревянную раму, на которую натягивалась тетива, быстрая вибрация которой распутывала шерсть.

Следующий этап обработки шерсти – прядение – было исключительно женским занятием. Веретено даже стало символом женщины. Например, в английском языке слово «прялка», *distaff*¹⁷¹, означает и женское дело, и женщину. Прядение было традиционной домашней работой – и не только у крестьянок, но и у знатных дам. Веретено приводилось рукой в быстрое вращение и скручивало на себя образующуюся таким способом пряжу из пучка.

Ткачество состояло из нескольких последовательных операций. Сначала разматывали веретёна, в результате чего образовывались мотки пряжи. Затем определенное число нитей наматывалось на ткацкий навои, образуя основу ткани, после этого челнок с утком проходил через основание, в результате чего и получалась ткань.

Готовые шерстяные ткани дополнительно валялись, чтобы сукно стало более плотным. Для этого ткань вымачивали в воде с золой и человеческой мочой, топтали ее ногами, затем промывали, отбивали и высушивали. Около XIII в. для валяния стали применять специальные водяные валяльные мельницы, состоявшие из двух деревянных молотов, поочередно бивших ткань. Валяние сбивало волокна в сплошную войлокообразную массу, убирая просветы между нитями утка и основы, а сукно «усаживалось», делаясь уже и короче. Затем сукно ворсовали, придавая ему пушистость и мягкость. Для этих целей специально разводили растение ворсянку, соцветия которой – ворсильные шишки с крепкими чешуйками и острыми крючками – набивали на рамку с рукояткой, которой надирали поверхность ткани. Так как ворс получался неровным, сукно стригли ножницами, и только после этого ткань окрашивали. Так делали сукно в раннем Средневековье.

Льняную ткань делали примерно тем же способом. Лен отколачивали, чтобы очистить от головок с семенами, вымачивали для разъединения лубяных волокон от древесинных частей, затем сушили и мяли деревянными колотушками. После чесания из льна делалась пряжа для полотна при помощи веретена с более тяжелым каменным пряслицем.

Практически вся одежда, которую носили люди раннего Средневековья, изготавливалась непосредственно на месте, от производства ткани до шитья. Работа на сбыт существовала главным образом в крупных монастырских хозяйствах. Например, Райтенбахский монастырь в Германии славился своими льняными тканями, которые вывозились в Рим уже со второй половины XI века. Но в целом мы имеем довольно скудные представления и мало свидетельств о производстве этого времени. Лишь к XI в. начался медленный подъем уровня техники ткачества, после продолжительного упадка стали возрождаться, а затем и развиваться, ввезенные с Востока способы изготовления тканей. Появление в XII в. нового материала с Востока – хлопка, а затем и разведение шелковичного червя в Южной Европе сделало возможным изготовление и других тканей – хлопковых, шелковых и смесовых.

Проходили века, а ручное ткачество практически не меняло своей техники. На протяжении нескольких тысячелетий люди ткали на вертикальной раме, каковой пользовались еще в древности. И только около XIII в. в Европе появился ткацкий станок с горизонтальной основой, позволивший применить педальный механизм, поочередно поднимающий и опускавший навои с основой. Это ускоряло прокидку челнока и всю работу ткача. Одновременно появляется и новая прялка, вращающая веретено при помощи колеса, которая давала возможность

¹⁷¹ *On the distaff side* – по женской линии.

левой рукой вытягивать волокна, а правой приводить в движение колесо. Эти механизмы значительно экономили время, но отношение к ним, как и ко всему новому, еще долго оставалось настороженным. Даже в самом передовом обществе того времени и центре европейского ткачества – Флоренции — до XV в. изготовленную с помощью колеса пряжу не брали на основу ткани. Вообще говоря, любые попытки механизации встречали упорное сопротивление и враждебность со стороны цеховых организаций. Так, в Докладе об отрицательных сторонах шелкового производства, представленный Кёльнскому совету Гергардом фон Везелем¹⁷² в 1490/91 гг., содержится такой рассказ: *«Да будет известно, что к нам явился Вальтер Кезенгер, предложивший построить колесо для прядения и сучения шелка. Но, посоветовавшись и подумавши со своими друзьями... совет нашел, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было постановлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии»*¹⁷³.

Боязнь ремесленников лишиться своего заработка вследствие конкуренции какого-либо механизма – вот, казалось бы, основа технического консерватизма исключительно в Средние века. Однако и здесь мы видим удивительное совпадение характера средневекового мастера с его неприятием новомодных технологий с характером первого кутюрье и основателя Синдиката Высокой моды Чарльза-Фредерика Ворта. По мнению Ворта, только обязательное применение ручного труда в противовес набиравшему популярность в конце XIX в. машинному обеспечивало качество и эксклюзивность изделия уровня *Haute Couture*.

И еще одно наблюдение, которое дает нам понимание, почему в ту эпоху внутрицеховое творчество не могло быть источником моды современного типа. Ремесленник, даже желая и имея интерес к переменам и совершенствованию, не мог произвести нечто, отличающееся от общепринятого образца. Любое расхождение могло быть признано не веянием моды, о которой тогда простой ремесленник вряд ли вообще имел представления, а дурным качеством вещи. Нельзя было произвольно изменить покрой, не подвергая товар риску уничтожения. Устав ткачих шелковых изделий города Кёльна от 1469 г. гласил: *«Если стариины найдут, что работа неправильно исполнена и не является добротным товаром, то они отбирают его и представляют властям. Тот, у кого найдено это изделие, должен сам разрезать его на куски и сверх того уплачивает с каждого лота по 2 шиллинга штрафа»*¹⁷⁴.

Корпорация по самому своему укладу ограничивала личную инициативу, но была ли тогда потребность в такой свободе и много ли было «инициативы»? По формальным требованиям доброкачественности цех поддерживал рутину и цены на высоком уровне, не поощряя ремесленников к инновациям и открытиям. Старшины не были склонны покровительствовать талантам, которые могли поколебать привычки общины и навредить ее интересам. Не стоит и преувеличивать эти недостатки корпораций, ведь они вынуждены были конкурировать в вывозной торговле с корпорациями других городов (а вот они как раз могли способствовать модным изменениям), поэтому для успешного соперничества необходимо было совершенствоваться, но иногда действовал и прямой запрет.

Если мы рассмотрим виды и названия любых более сложных *тканей*, чем шерсть и лен, появившихся в лексиконе европейцев до начала активной модернизации и индустриализации, то увидим, что практически все они имеют восточное происхождение. Ситец – ткань из Индии, его название происходит от санскритского слова «пестрый». Слово «атлас» на арабском означает слово «гладкий». Название дамастовых тканей, или «дама», – плотных шелковых тканей, завезенных из Сирии, произошло от города Дамаска. Кашемир – тонкая ткань

¹⁷² Кёльнский купец и общественный деятель конца XV в., был в разное время членом совета многих городских комиссий, судьей, кёльнским послом при королевском дворе, бургомистром и рентмейстером (т.е. казначеем).

¹⁷³ Неретина С. С. Марионетка из рая / Традиционная и современная технология. М.: ИФ РАН, 1999. С. 177.

¹⁷⁴ Немецкий город. XIV—XV вв.: Сб. материалов / Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович. Москва, 1936. С. 25—29.

из особым образом собранной шерсти овец, первоначально изготавливаемой в индийском Кашмире. Миткаль – тонкая хлопчатобумажная ткань арабского происхождения. Муслин – хлопчатобумажная ткань, чье название происходит от города Мосула в Ираке. Парча – плотная шелковая узорчатая ткань с использованием золотых и серебряных нитей иранского происхождения. Сатин – тонкая плотная хлопчатобумажная ткань китайского происхождения. Тафта – тонкая гладкая шелковая ткань из Персии. Файдешин – плотная шелковая ткань, название которой происходит от французского *faille de Chine* – китайский фай. Чесуча – легкая шелковая ткань, также китайского происхождения.

Сравните эти прекрасные ткани с описанной выше «валяной шерстью», до которой домыслил Запад самостоятельно. И все эти ткани вместе с технологиями их производства были изобретены на Востоке задолго до того, как Запад узнал о них, привез их к себе, а затем научился производить. Как и многое другое, что появилось на Востоке гораздо раньше: например, китайцы уже использовали бумажные деньги, когда Карл Великий отчеканил первые серебряные монеты. Так почему же ткачество и, шире, – текстильное производство на Западе стало локомотивом индустриализации и привело к возникновению социального института моды, а Восток получил модернизацию вместе с имитацией западной моды в качестве колониального «подарка» от Запада? Ответ кроется отнюдь не в технологиях, ведь несмотря на свои технологические и научные достижения та же Китайская цивилизация не испытала технологического прорыва в индустриальную эру. Ее ремесленники так и продолжали обеспечивать только императорский двор. Народные массы оставались не образованы и бедны. Даже железо, в производстве которого Китай занимал лидирующие позиции, использовалось веками для изготовления оружия и украшений, а не орудий труда. Ответ в следующем. У молодой западной цивилизации уже в эпоху Средневековья стали формироваться иные социальные основы, часть которых мы уже рассмотрели выше. Прежде всего, это институт относительно свободного горожанина и ремесленника в рамках сильных, независимых корпораций, городская автономия и рост политического самосознания, движение в сторону разделения властей.

На исходе Средневековья в результате активизации торговли, подъема торгового капитализма и становления более независимого мануфактурного производства ситуация с инновациями начнет меняться. И здесь мы рассмотрим роль одной из самых харизматичных фигур нашего рассказа – фигуры купца. Меняясь и преобразуясь из авантюриста-разбойника в столп буржуазного общества, он проведет нас по разрушенным средневековым дорогам в ярмарки Шампани, через крестовые походы, в которых он часто и торговал, и воевал, в Ренессансные города Италии, где многие прекрасные здания и соборы построят на его пожертвования, в эпоху Великих географических открытий, которые он совершит в поиске новых торговых путей, а затем – и в Новое время, когда его вечная жажда перемен и наживы сорвет Запад в индустриализацию и мы, наконец, увидим рождение одного из самых удивительных и прекрасных человеческих изобретений – моды. Ведь, по большому счету, западный человек вначале научился воевать, затем молиться, потом торговать и только затем производить, заимствуя, а чаще – захватывая первые «свои» инновации на Востоке.

Средневековая торговля: первые купцы

*Производство – дочь желания.
Жак Рюэф*

Мода, с точки зрения экономики, является стимулом потребления, который возникает лишь в процессе интенсивного торгового обмена, т.е. ключевой предпосылкой для начала становления института моды должно было стать появление обширного класса торговцев.

Классическая триада феодального общества, сформулированная епископом Ланским Адальбероном (977—1030/31), – «здесь одни молятся, другие сражаются, третьи же трудятся» – начинает разрушаться к концу Средневековья, когда к ней добавляются «те, кто торгуют». Постепенно «те, кто торгуют», стали той силой, что объединяла новую западную цивилизацию не меньше Креста Церкви и раздвигала ее вместе с мечами крестоносцев. Однако такая ситуация, нарушающая феодальное равновесие, далеко не сразу стала восприниматься обществом как справедливая.

Экономическое мировоззрение, как и сама жизнь раннего Средневековья, практически не выходила за рамки натурального хозяйства, а христианская мораль, очевидно, делала профессию торговца не самой достойной. Иоанн Златоуст¹⁷⁵ (ок. 347—407) прямо говорил, что «ремесло купца неугодно Богу». В зрелом Средневековье Фома Аквинский¹⁷⁶ (1225—1274) утверждал, что «торговля имеет в себе нечто постыдное».

Эльфрик Грамматик¹⁷⁷ (955—1020) в классической поучительной «Беседе между учителем и учениками» характеризует разные профессии той эпохи. Наряду с монахом, землепашцем, ткачом, солеваром, рыболовом, охотником, кузнецом назван и купец. С точки зрения средневековой морали Грамматика, на первом месте стоит божественная служба, но между мирскими занятиями выше всего земледелие, потому что оно кормит всех. Купец же – не самый достойный персонаж, и он вынужден как-бы «оправдывать» свою миссию. В его уста вложены такие слова:

«Я полезен королю, знати, богатым и всему народу. Я вхожу на корабль со своими товарами и плыву в заморские края, продаю товар и приобретаю ценные вещи, коих нет здесь. Я привожу их с большим риском, подчас терплю кораблекрушение, теряя все свое имущество и едва спасая собственную жизнь».

Купец привозит дорогие ткани и одежды, драгоценные камни и золото, вино и масло, слоновую кость, железо и другие металлы, стекло. Собеседник спрашивает купца:

*«Ты продаешь эти вещи за ту цену, за которую купил их?» — «Нет. Что же тогда дал бы мне мой труд? Я продаю дороже, чем сам купил, с тем чтобы получить кое-какую прибыль и прокормить жену с детьми»*¹⁷⁸.

А вот позднее, в одном из самых любимых христианами произведений Средневековья, «Золотой легенде», составленной около 1260 г. монахом-доминиканцем Иаковом Ворагинским, сам Христос был уподоблен купцу, который на «корабле креста» приплывает, дабы дать возможность людям обменять земные, преходящие вещи на вечные. То есть профессия купца

¹⁷⁵ Архиепископ Константинопольский – богослов, почитается как один из трёх Вселенских святителей и учителей наряду с Василием Великим и Григорием Богословом.

¹⁷⁶ Иначе Фома Аквинат – «Князь философов», итальянский философ и теолог, канонизирован католической церковью как святой, систематизатор ортодоксальной схоластики, учитель Церкви; с 1879 года признан наиболее авторитетным католическим религиозным философом, который связал христианское вероучение с философией Аристотеля. Сформулировал пять доказательств бытия Бога.

¹⁷⁷ Англо-саксонский монах-бенедиктинец и один из крупнейших ученых Англии донормандского периода, писатель.

¹⁷⁸ Aelfric's Colloquy / Ed. by G.N. Garmonsway. L., 1939. P. 33—34.

к XIII в. уже была несколько морально реабилитирована. Так что же произошло на исходе Средневековья, что сделало купца достойным и уважаемым членом общества?

Есть один вопрос, касающийся средневековой торговли, на который очень важно ответить для понимания сути молодой западной цивилизации: если, как мы уже увидели, она была бедна, существовала на грани выживания и не обладала практически никакими прогрессивными производственными навыками, то чем вообще она могла торговать? Восток вплоть до конца Средних веков был неизмеримо богаче. Что мог ему предложить Запад в качестве обмена? Ответ простой: в существенных, массовых масштабах – ничего. Поэтому торговля велась лишь предметами роскоши, которые мог себе позволить правящий класс – феодальное сословие в классическом смысле этого слова, которое составляло менее 5% совокупного населения Запада. Причем роскошью в одежде было всё, что выходило за рамки простых, чаще неокрашенных домотканых тканей из суровой шерсти или льна. В обмен на эти крохи восточных богатств, помимо скудных ресурсов собственного хозяйства, к концу Средневековья из Европы было вывезено практически всё серебро.

Первые купцы – это, как мы помним, евреи или сирийцы, послужившие в средневековом «бестселлере» – «Золотой легенде» Якова Ворагинского —прообразами волхвов с дарами, загадочными восточными царями Каспаром, Мельхиором и Бальтазаром. Обладавшие достаточной степенью авантюризма, чтобы по опасным, полуразрушенным дорогам средневековой Европы, кишасшим грабителями или рыцарями-разбойниками, доставлять предметы роскоши к западным королевским дворам. Ле Гофф пишет:

«Сколько препятствий нужно было преодолеть: лес с его опасностями и страхами, изборозженный, однако следами; бандиты, будь то рыцари или виланы, засевшие в засаде на краю леса или на вершине утеса; бесчисленные пошрины, взимаемые с купцов, а иногда и просто путешественников у мостов, на перевалах, на реках; скверное состояние дорог, где повозки тем легче увязали в грязи, чем более управление быками требовало профессионального навыка»¹⁷⁹.

Остается только диву даваться, как вообще хоть какие-то товары удавалось довозить до покупателей.

Основным гужевым транспортом Средневековья были мул и осёл, поэтому дорога была не только опасной, но и долгой. Судя по контрактам, заключенным в 1296 г. на шампанских ярмарках, перевозчикам сукон и холстов требовалось две недели, чтобы попасть из Болоньи в Авиньон, дорога с шампанских ярмарок в Ним занимала более 20 дней, а из Флоренции в Неаполь – более 10. За это время их много раз могли ограбить, а товары могли испортиться, утонуть на переправах, вывалиться в дорожную грязь. И тем не менее, наш предприимчивый торговец, движимый то ли жаждой наживы, то ли поисками приключений, пересекал границы христианского мира, добирался до Африки и Крыма, проникал в Азию. Жан де Жуанвиль (1223—1317) – французский историк, биограф Святого Людовика и его соратник в Крестовом походе – во время плавания в Египет сам убедился, что купцы-авантюристы должны обладать безумной отвагой:

«Я поразмыслил над тем, насколько безрассуден тот, кто осмеливается подвергать такой опасности, присваивая чужое добро и вводя самого себя в смертный грех, ибо он ложится спать, не зная, не очутится ли он на дне морском»¹⁸⁰.

Всё еще более усложнялось своеобразными, сказочными, фантастическими географическими представлениями средневекового человека о том, что находилось за пределами Европы и Средиземноморского бассейна, связанными с особой теологической концепцией мира, где

¹⁷⁹ Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 129.

¹⁸⁰ Там же.

три части Земли – Европа, Азия и Африка – отождествлялись с определенным религиозным пространством. Ле Гофф пишет, что считалось, будто «пупом мира» является Иерусалим, а восток, который на картах помещали наверху, на месте Северного полюса, имеет высшей точкой некую гору, позже идентифицированную как Такт-и-Сюлейман в Азербайджане, где находится край земли, и откуда вытекают Тигр, Евфрат, Фисон (скорее всего, это Ганг) и Геон (Нил). Вообразите себе представления о мире даже самой образованной европейской элиты XIII в., к которой принадлежал и Жуанвиль, если в рассказе о Седьмом Крестовом походе (1248—1254 гг.), он так описывает реку Нил:

«Подобает теперь повести речь о реке, которая пересекает Египет и вытекает из земного рая... В том месте, где Нил проникает в Египет, местные жители имеют обыкновение расставлять по вечерам сети, а поутру находят в них драгоценные предметы, которые они доставляют в страну, как то: имбирь, ревень, алое и корицу. Говорят, что эти пряности происходят из земного рая, падая под ветром с райских деревьев, подобно тому, как ветер ломает в лесу валежник»¹⁸¹.

Для средневекового христианина, бедного и стесненного во всем материальном, богатство было чудом, посланием Рая, которое несправедливо находилось в руках еретиков и отступников, поэтому отнять его было делом справедливым. Восток был мечтой о неземном богатстве, манившей драгоценными металлами, редкими породами деревьев, пряностями, а также фантастическими животными, «голыми королями, обвешанными драгоценностями», сказочными людьми с хвостами, «толстыми, как у собаки», описанными одним из самых знаменитых венецианских купцов-путешественников Марко Поло (1254—1324).

Самым злостным отступником и еретиком, особенно после Великого церковного раскола 1054 г., считался византиец, обладавший при этом несказанными богатствами. Впрочем, и до этого греки вызывали у латинян страшную неприязнь и зависть. В 968 г. посланник Оттона I в Константинополь, епископ Кремонский Лиутпранд, покинув город, с ненавистью в сердце написал:

«Эти дряблые, изнеженные люди, с широкими рукавами, с тиарами и тюрбанами на головах, лгуны, скопцы и бездельники, ходят одеты в пурпур, а герои, люди, полные энергии, познавшие войну, проникнутые верой и милосердием, покорные Богу, преисполненные добродетели, — нет»¹⁸².

А причиной такого гнева было унижение, что познал при отъезде Лиутпранд, когда таможенники отняли у него пять пурпурных плащей, вывоз которых был запрещен. Система социального разделения путем ограничения потребления роскоши и строгого декларирования внешних форм презентации статуса одеждой была еще совершенно непонятна человеку Запада в X в. и вызывала гнев и протест своей несправедливостью. Впрочем, позже Запад с охотой воспримет и эту систему и разовьет ее в сложнейшую форму социальной коммуникации, которая послужит одной из основ социального института моды.

В результате изрядная часть рыцарей Второго крестового похода (1147—1149), окончившегося неудачей, стала мечтать о взятии Константинополя и вообще полагала, как епископ Лангрский, что «греки вовсе не были христианами и что убивать их — это меньше, чем ничто». Этот проект и был реализован в 1204 г., когда крестоносцы захватили Константинополь.

Позже европейская мода много раз вдохновлялась впечатлениями от военных походов в новые страны, открытием их культуры, образа жизни, обычаев в одежде. Но ранние средневековые походы были слишком скудны и идеологически «заточены», чтобы стать толчком к серьезным переменам, а промышленность еще не позволяла начать массовое копирование

¹⁸¹ Цит. по: Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

¹⁸² Там же.

привозных образцов. И всё же именно Восток буквально отравил ум человека Запада завистью и вожделением богатства и роскоши, которую он удовлетворял путем военных захватов и в меньшей степени торговлей, пока не научился производить ее самостоятельно, обогнав своих учителей.

Но если по отношению к христианской Византии, с которой он находился в постоянном контакте, западный человек еще испытывал уколы совести, то в отношении мусульман проблемы с моральной стороной отвоевания у них богатств не было. Мусульманин был для западного христианина врагом Господа, и о мире с ним не могло быть и речи. С XI в. борьба против неверных становится конечной целью рыцарского идеала. А в 1213 г. папа Иннокентий III в булле Четвертого Латеранского собора призвал христиан к Крестовому походу против язычников-сарацин. И тем не менее, через этот «боевой фронт», несмотря на эмбарго, которое накладывало папство на вывоз христианских товаров в мусульманский мир, торговый обмен с мусульманским миром рос. Запреты на вывоз железа, оружия, смолы, дегтя, строительного леса привели к контрабанде.¹⁸³ В результате папы стали допускать бреши в блокаде, от которой страдал сам Запад, выдавая «лицензии». Больше всех тут выиграли венецианцы, которые, ссылаясь на отсутствие собственных аграрных ресурсов и необходимость торговать для выживания, получили в 1198 г. от папы Иннокентия III разрешение торговать с султаном Александрии.

После того, как итальянцы вытеснили, а вернее сказать – отвоевали у своих восточных соперников торговые пути, пролегающие, прежде всего, между Италией и Левантом, предметы роскоши – специи с Молуккских островов, шелк и фарфор из Китая, парча из Византии, драгоценные камни – по-прежнему преобладали в торговых потоках, идущих с Востока на Запад. Только около XII в. Запад привез с Востока технологии и материалы, прежде всего хлопок, а также метод разведения шелковичных червей, захватывая их часто вместе с ремесленниками-ткачами. Тогда к готовым предметам роскоши добавились уже сырьевые ресурсы текстильного производства: квасцы из Малой Азии для протравы при крашении шерстяных и хлопчатобумажных пряжи и тканей и хлопок-сырец из Сирии.

Торговля родилась из производства или, наоборот, – производство из торговли – в отношении Италии трудно определить однозначно. Но что совершенно точно – основное производство средневекового Запада – это сукно, которое породило итальянских купцов и банкиров.

Однако вплоть до XIII в. и даже позже, пока технические усовершенствования морского транспорта, как, например, внедрение компаса и ахтерштевня, делавшего корабли более маневренными, не произвели еще своего эффекта, его роль, – а значит и роль всей морской торговли, – была весьма скромной. Средние века не знали также квадранта и морской астролябии – инструментов Ренессанса. Весь тоннаж флотов Запада был небольшим, как малы были и сами суда. Даже в XII—XIII вв., с ростом водоизмещения кораблей северных флотов, предназначенных для перевозки габаритных грузов (леса и зерна), вместимость ганзейского *когга* не превышала 200 тонн. На Средиземноморье венецианцы строили галеры и *галеасы* – торговые парусно-гребные галеры крупных размеров. Число «больших» галер было невелико. Первая морская держава того времени – Венеция – дважды в год направляла в Англию и Фландрию конвои, состоящие всего из двух-трех таких кораблей. Общее число купеческих галер, обслуживавших в 20-х гг. XIV в. три главных морских пути, насчитывало около 25 единиц. Так, в 1328 г. восемь кораблей находилось на «заморском» направлении (Кипр и Армения), четыре – на фландрском, и десять – на «романском» (Византия и Черное море).¹⁸⁴ Фредерик Лейн в «Золотом веке Венецианской республики» оценивает общий тоннаж венецианского флота XIV в. в 40 тыс. тонн при среднем водоизмещении судна в 150 тонн. Для сравнения: один

¹⁸³ См.: Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

¹⁸⁴ По данным: Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

современный грузовой вагон вмещает около 60—70 тонн груза, так что весь годовой морской товарооборот морской сверхдержавы Средневековья – это около 600 вагонов товара.

В части исторической и экономической литературы бытует мнение, что вместе с ростом городов к концу Средневековья происходит т.н. «возвышение класса буржуазии», чья власть основывалась на деньгах, а не на земле. Я бы назвала это, скорее, не возвышением, а пока только появлением класса буржуа. Об этом мы можем судить и по моде конца Средневековья в значении «способ», «образец», как маркер социального статуса. Поначалу, в середине XII в., перемены становятся заметными, прежде всего в визуальном отделении класса феодалов, как ранее – класса церковников. Английский хронист Ордрик Виталий (1075—1142), автор «Церковной истории» – одного из важнейших источников информации об истории Нормандии и Англии, – в начале XII в. возмущался изменениями в костюме феодалов: удобная короткая одежда сменилась длинным платьем. Туалеты стали более «вебленовскими»¹⁸⁵, подчеркивавшими усиливающуюся праздность класса феодалов, противопоставив его людям труда. Удлинились носки туфель, рубашки и плащи, которые порой волочились за их обладателем, расширились и удлинились рукава. В моду вошли длинные волосы. Эти изменения в костюме знати произошли не вдруг, и объясняются ее особым положением в общественной иерархии, которое было постепенно осознано и выражено в соответствующем визуальном коде.

Длина одежды – лишь одно из проявлений «революции костюма». Второй ее аспект – начало производства новых видов ткани: шелка и хлопка. До XII в. шелк, как отмечалось ранее, завозился с Востока и был запредельно дорогим. В середине XII в. Западу удается создать собственные производства шелковых тканей на Сицилии, в Палермо, в тосканской Лукке, а в XIII в. – во Франции и Германии. Как следствие – расширение экономики, появление «жирка» у производителей. И вот здесь и начинается то самое «возвышение класса буржуазии», хотя пока это были лишь зажиточные ремесленники и торговцы.

К концу Средневековья Запад научился производить текстиль более высокого качества: из хлопка получали не только рядовые ткани, но и дорогой моллекин. Из льна и шерсти научились выделять высококлассную ткань, такую как льняной дамаск. С XII в. домотканая одежда остается лишь в крестьянском обиходе. Феодалы и зажиточные горожане выбирают для себя созданные ремесленниками готовые ткани.

Еще одной переменной в костюме было усиление орнаментальных мотивов в одежде, что также свидетельствует о появлении некоторой «избыточности» в костюме. Блио не только само украшалось вышивкой, но и кроилось так, чтобы его ворот был открытым, а подол – более коротким и позволял бы выглядывать орнаменту по вороту и подолу нижней рубахи – шенса.

Так называемый «аристократизм» костюма XII в. особенно ярко проявился в женском платье: шенс и блио удлинились до пола, оставив открытыми только длинные острые мысы мягких кожаных туфель. Блио практически обтянуло торс наподобие корсета, а его низ от бедер шился из другого куска ткани, что стало первым прообразом юбки. Узкие сверху рукава от локтя резко расширялись, ниспадая порой до пят. Одежда подчеркивала женственность фигуры, одновременно давала визуальную легкость движений, делая ее элегантной.

На рубеже XII—XIII вв. т.н. «аристократическая мода» дополняется новым типом костюма: начинается *эпоха сукна*. Вот тут и появляется наш новый герой – зажиточный *горожанин-купец, облаченный в сукно*. Его костюм отличает скульптурная простота и основательность одеяний из тяжелого шерстяного сукна. Это костюм городской – и по происхождению материала, и по своему назначению. Сукно в XIII—XIV вв. – продукт ткацкого производства развитых городских центров Фландрии и Северной Италии. Одежда из него практичнее «летающих» аристократических платьев XII—XIII вв., рассчитанных на праздное пребывание

¹⁸⁵ В значении, которое придавал одежде социолог Т. Б. Веблен (1857—1929) в труде «Теория праздного класса». Будет подробно – в следующих главах.

в доме. Это деловая «рабочая лошадка», предназначенная для активной деятельности: торговли, участия в городской политике, дальних поездок. Воздушный полет краев одежды, когда-то заимствованный у изобильного и сонного Востока, постепенно выходит из обихода. Напротив, появляется весьма символический обычай зашивать в полы тяжелые монеты для придания силуэту солидной неподвижности. В деловые поездки купец надевал плотно облегающую грудь шерстяную котту (*cotte*) с узкими рукавами. Поверх котты накидывалось сюрко – безрукавка с разрезами по бокам (а иногда, для большего удобства, – спереди и сзади), сшитая из дорогих тканей. Котта и сюрко доходили до середины икры, а под ними носили кожаные брэ и обтягивающие шоссы. К брэ крепились деловые аксессуары – ключ и кошель. Строгость силуэта отчасти компенсировалась многоцветностью костюма.

Дамские котта и сюрко были длинными, в пол, а вечерние открытые сюрко состоятельных горожанок и знатных дам напоминали моду XII в., с ее удлиненным силуэтом шлейфа и большими «летающими» вырезами под рукавами, порой с меховой оторочкой.

В XIII в. стали носить кружева, и первые сумптуарные законы нового Запада (законы против роскоши), о которых мы поговорим позже, стали появляться как раз в XIII в., вместе с первыми ростками «омассовления» когда-то абсолютно элитных товаров. Например, во французской Нарбонне законодательно пытались бороться с обилием кружев: были запрещены кружевные одежды, через которые просвечивал шенс.

Рассматривая вопрос об истории торгового капитала более пристрасно, мы обнаруживаем, что до перемен XIII в. основная масса т.н. «купеческого класса» была лишь мелкими уличными торговцами, сходными скорее с менялами и ростовщиками, мало имеющими отношение к реальному капитализму. Что же касается меньшинства крупного купечества, того самого городского патрициата, «жирного народа», составившего в период Ренессанса городскую элиту, то природа их колоссальных доходов крылась, как ни странно, в том, что их операции по торговле совершались на обочине основной экономики, основу которой составляло земледелие, часто еще двупольное. Как метко пишет Ле Гофф, «*по правде говоря, купцы являлись маргиналами*». Основным предметом их сделок служили дорогие, малообъемные товары: роскошные ткани, шелка, пряности, драгоценные камни. И главный навык итальянских торговцев заключался в том, что с учетом всех трудностей и опасностей транспортировки они знали стабильные цены на восточные товары и заранее могли просчитать свою прибыль. Да и ганзейские купцы вплоть до XIV в. основной доход делали не на зерне и лесе, а на менее габаритных воске и мехах. Средневековая структура западных торговых компаний также говорит об их маргинальном характере: большая часть купеческих ассоциаций, кроме объединений семейного типа, характерных для итальянцев, создавались для одной-единственной сделки, делового путешествия на срок не более 3—5 лет. Не было в этих предприятиях ни долговременных инвестиций, ни непрерывности, а сверхприбыли, если таковые возникали вопреки всем рискам, купцы вкладывали в более престижное и стабильное земельное владение или городскую недвижимость с целью получения ренты, а то и растрчивали на «выкуп души» в посмертных дарениях.

Торговый капитализм, создающий эту самую «роскошь», в конце Средневековья выглядел примерно так: шерсть, промытая в Испании, отправлялась для дальнейшей обработки во Флоренцию, а затем вывозилась в виде дорогого сукна в египетскую Александрию, где менялась на восточные товары, которые затем продавались в той же Флоренции или других городах Европы. Представьте черепашую скорость транспорта в те времена и низкую производительность труда – и станет понятно, почему один такой цикл, т.е. операция, которая на выходе должна принести прибыль, занимала несколько лет. Помимо этого, такие операции нуждались в банковском или ростовщическом капитале. Католикам ростовщичеством было заниматься запрещено церковью. Посему текстильная промышленность поначалу, пока итальянцы не начнут активно заниматься банковской деятельностью, напрямую зависела от положения евреев,

имевших право давать деньги в рост иноверцам. А как мы помним, положение это было более чем нестабильным. Учитывая все предпринимательские риски и необходимость замораживания капитала на столь долгий срок, становится очевидно, почему товары, которые кажутся нам сегодня привычными, стоили невероятно дорого и считались предметами роскоши.

Тем не менее массовое принятие сунтпуарных законов к XIII—XIV вв. говорит нам, что роскошь, выросшая из новых для Запада текстильных технологий и торговли, стала существенным фактором общественной жизни, особенно итальянских городов и коммун. Содержание и природа этих законов может многое сказать нам о той самой исторической точке начала формирования западного социального института моды, который вырос как раз из роскоши, но представляет из себя нечто, принципиально отличное от нее по содержанию. Во многом можно сказать, что *мода Запада стала со временем более цивилизованной, «интеллектуальной» формой разделения социальных классов, нежели прямая демонстрация роскоши и богатства, разрушающая основы общественной солидарности*. Но это произойдет далеко не сразу. Аристократы позднего Средневековья, патрициат эпохи Возрождения в Италии, Римская курия, испанский, и еще более – французский дворы – использовали демонстративную роскошь, несмотря на все попытки ее ограничения, как средство символической власти в обществе.

Понятие роскоши

*Общество обрело свой порыв не в производстве:
великим ускорителем была роскошь.*

Марсель Мосс

Итак, роскошь как объект ограничения становится явной и очевидной для западного средневекового общества и, прежде всего, городской общины, в XIII—XIV вв. За исключением одного примера – Генуя, 1157 г. – все первые образцы сумапуарного права Средневековья датируются второй половиной XIII в. и Треченто до времени Черной смерти (эпидемии бубонной чумы в 1346—1353 гг.). Во-первых, это говорит о самом наличии роскоши как существенного фактора жизни городских общин. Во-вторых, это свидетельствует о восприятии ее на тот момент как определенно сомнительной или несправедливой с точки зрения морали.

В связи с этим следует обратить внимание на важнейшее глубинное отличие новой цивилизации Запада от восточной. Развитие *цивитас* (городской, гражданской общины) и цивилизованности в Средневековье связано, как уже отмечалось, со становлением права. Основной формой была запись норм в статуты. В этой процедуре реализовывалось не только закрепление имущественных и личных прав, но и процесс созидания символических прав и ценностей. Сама запись права уже является ценностью. Воззрения относительно роскоши, бытовавшие в различных обществах в разное время, – это одно, а вот наличие не просто моральных, а именно правовых норм, которые создавались в процессе формирования *цивитас* на территории Италии, – это принципиально иной подход общества к самосозиданию. Роскошь далеко не во всех обществах воспринималась как нечто предосудительное, иногда против роскоши выступали религиозные авторитеты и морализаторы, но на Западе, как античном, так и средневековом, мы видим облеченные в форму закона усилия, направленные против того, что, по мнению общества, подрывало основы его стабильности.

То есть законы против роскоши – это своеобразный маркер общин, основанных на принципе *res publica*¹⁸⁶, отражение их внутреннего ограничения и самоограничения ради дальнейшего развития. В этом вопросе четко прослеживается тот факт, что если наследником знаний Римской империи выступала Византия, то правовой и политической наследницей стала цивилизация Запада. Несмотря на то, что Кодекс Феодосия содержал сумапуарные нормы, в Византии зрелого периода законы против роскоши отсутствуют.

Встает вопрос, а что это вообще такое – *роскошь*? С обыденной точки зрения, это явление, имеющее совершенно ясное социально-экономическое определение, связанное с резким ростом доходов узких слоев общества, не имевших до этого высокого достатка. В проторенессансных городах обладателями этого богатства, несправедливого, с точки зрения феодальной и в целом христианской морали, были купцы и новые банкиры.

С другой стороны, интересно сравнить понятие роскоши Средневековья и Древнего Рима. Законы, регулировавшие чрезмерные траты и демонстрацию роскоши, стали издаваться в Древнем Риме с конца III в. до н.э. в драматический момент его истории – войну с Карфагеном. Первоначально к тратам, которые связывались с понятием *sumptus*¹⁸⁷, относили украшения и одежды, затем погребальные расходы, издержки на строительство богатого жилья, судебные расходы, пиры и отдельные виды пищи и благовония. В разгар Второй Пунической войны, после катастрофы в битве при Каннах, в 215 г. до н.э. был принят закон Оппия (*Lex Oppia*), запрещавший римским женщинам иметь украшения весом больше, чем пол-унции

¹⁸⁶ Букв. «общее дело» (лат.).

¹⁸⁷ Букв. «расход, трата» (лат.).

золота, а также носить одежды, окрашенные в пурпур (очень дорогой способ окрашивания). Уже в 195 г. до н.э. по настоятельным просьбам римских матрон *Lex Oppia* был упразднен, однако в 184 г. цензор Марк Порций Катон ввел установление о высоких налогах на ношение драгоценностей и богатого платья. Сходным образом средневековые статуты были нацелены на обуздание демонстрации роскоши женщинами. Но основная часть сумптуарных законов времен *res publica* после Второй Пунической войны была нацелена против расходов на пиры и праздники, которые стали привычкой у знати, «что вело к подмене истинно общественных интересов групповыми»¹⁸⁸. Основные древнеримские законы против роскоши принимались по инициативе знати или более дальновидной элиты, понимающей опасности расшатывания устоев, на которых была построена римская *civitas*.

В период смены элит и политического кризиса в Риме в I в. н. э. Тацит вопрошает в «Анналах»:

«Что запретить или ограничить, возвращаясь к прежним обычаям? Огромные размеры загородных поместий? Число рабов и их принадлежность к множеству различных племен? Вес золотой и серебряной посуды? Чудеса, созданные в бронзе и картинах? Одинаковые одеяния мужчин и женщин?»¹⁸⁹.

Чисто риторически этот пассаж античного автора и политика говорит о попытках моралистов вернуться к некоему «золотому веку», а во-вторых, о проблеме узкого или расширенного толкования роскоши и разнообразии объектов регламентации. Но в целом, если говорить о проблеме наследования древнеримского права средневековыми городскими статутами в области сумптуарных законов, следует согласиться с мнением британского историка Сьюзан Рейнольдс (1929—2021), которая пишет, что «роль традиции римского права чересчур преувеличивается, когда с ее помощью пытаются объяснить рационализм принципов построения городской жизни Средневековья»¹⁹⁰.

Во-первых, никаких прямых заимствований из античных законов против роскоши средневековые законодатели просто не могли почерпнуть, ввиду отсутствия основного массива оригинальных древнеримских текстов и смены материальных и поведенческих объектов, которые выражали злоупотребление богатством и демонстрацию роскоши.

Во-вторых, приток роскоши в проторенессансную эпоху, т.е. в период активного институционального строительства в итальянских городах-общинах, был связан с торговлей, что и повлекло за собой создание первых правовых норм ограничительного характера. Они были обусловлены опасениями перед возможностями трат и демонстраций роскоши нового класса купцов и банкиров, не относящихся к старой элите. В связи с этим возникает вопрос: проблемой была сама роскошь или то, что ее носителями стал класс, не имевший отношения к старой феодальной элите? До какой степени следует включать в одну категорию сумптуарных законов борьбу со злоупотреблением роскошью в принципе и закрепление статусных характеристик и ограничений для определенных социальных групп? Ведь вряд ли стоит включать сюда требования отличий в одежде от определенных «меньшинств», как мы бы сейчас их назвали, например евреев, активно участвовавших в деловой жизни города.

Проблему статуса и *sumptus* задают статуты, в которых отражена борьба с роскошью с помощью антимагнатского законодательства: Сиена – 1250—1260 гг., Флоренция – 1292 г. Далее Флоренция принимает меры сумптуарного толка в 1330, 1356, 1388, 1433, 1462, 1464, 1471 гг., что отражает картину бурной общественной жизни города в ренессансную эпоху. Общее число законодательных ограничений роскоши активно растет вплоть до 1500 г., когда

¹⁸⁸ Селунская Н. А. *Civitas vs sumptus: континуитет, кризисы, законы против роскоши в традиции гражданской общины Италии // Диалог со временем. 2009. №28. С. 49—68.*

¹⁸⁹ Tac. Ann. III. P. 53.

¹⁹⁰ Reynolds S. *Kingdoms and communities in Western Europe, 900—1300*. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 216.

число сумптуариев, исходя из известным нам источников, составляет уже около 300, при том что в архивах итальянских коммун до сих пор существует множество единиц хранения неопубликованных документов.

Сумптуарии XIII—XIV вв., которые в той или иной форме принимают практически все городские коммуны Севера и Центра Италии, были направлены преимущественно на регламентацию костюма, его дорогостоящих деталей и элементов, в первую очередь, женских платьев и драгоценностей. Даже позже, в свободлюбивую эпоху Ренессанса, именно одежда и украшения женщин предстают в качестве основного объекта регламентации со стороны законодателей, что отражает ситуацию, когда женщины были ретранслятором статусных достижений рода, а не столько демонстрировали личные амбиции.

А теперь вернемся к *теме возникновения класса купцов к концу Средневековья*.

Флоренция, Джованни Виллани и цех Калимала

И вот на сцене появляется наш новый герой, чья супруга, кстати, была одной из нарушительниц законов против роскоши. Это Джованни Виллани (1274/1280—1348) – человек, который, как и его великий современник и соотечественник Данте Алигьери, принадлежит одновременно и Средним векам, и Новому времени¹⁹¹. Джованни Виллани – флорентийский купец, банкир и знаменитый хронист, автор первой истории Флоренции – «Новой Хроники» («*Nuova Cronica*»), государственный деятель, дипломат, летописец и, в лучших традициях Средневековья, – воин. А происходил он из семьи торговца сукном, купца Виллано ди Стольно, члена знаменитого «старшего» флорентийского цеха Калимала.

Попробуем разобраться, мог ли этот человек, который из всех героев Средневековья был наиболее близок к возможности создания моды, т.к. занимался тканями, торговлей и владел ссудным капиталом, на практике быть ее адептом. К тому же родина и любовь всей жизни Джованни Виллани – Флоренция, главный город Ренессанса. По традиционным оценкам, это то место и та эпоха, где начала формироваться современная мода. Поэтому, изучая социальную историю моды и следуя логике нашего повествования, сделаем небольшой экскурс в социальное и политическое устройство этого великого города и посмотрим, было ли там место моде и действительно ли мода (или *протамода*) могла возникнуть именно в том месте и в те времена.

В XII в. Флоренцией управляли консулы из числа местной буржуазии или, скорее, «жирного народа», позднее получившие название старшин. Они подчинялись графу Тосканскому, резиденция которого находилась в Лукке, а тот формально был вассалом далекого германского императора. Граф и рыцари, жившие вокруг города в укрепленных замках, также имели влияние на городскую жизнь и часто оказывали давление на горожан. Для разрешения конфликтов горожане обращались к *подеста*. Он назначался на срок не более года и его услуги судьи щедро оплачивались городом.

В 1250 г. Флоренция организовала городское ополчение, командовал которым капитан народа – *гонфалоньер*¹⁹². Ему было также поручено принимать жалобы граждан на несправедливое налогообложение и на вымогательства со стороны благородного сословия. Подеста стал судьей по уголовным делам и принимал кассационные жалобы. Как при подеста, так и при капитане народа было по два совета. Советы при подеста назывались Советами коммуны, т.к. в них была представлена вся община – и благородное сословие, и купцы. Советы при капитане назывались Советами народа, потому что в них заседали только пополаны – ремесленники. В 1260 г., одержав победу в битве при МонтAPERти, власть во Флоренции захватывают *гибеллины* – приверженцы императора Священной Римской империи. Их господство, сопряженное с восстановлением власти императора во Флоренции, продолжалось шесть лет, вплоть до 1266 г. С торжеством во Флоренции *гвельфов* – сторонников папы римского – над гибеллинами, представлявшими интересы основной части рыцарства, участие народа в управлении городом расширилось. Реальная власть всё больше переходит в руки корпораций (цехов).

Как пишет французский историк Пьер Антонетти, «*первые ремесленные и торговые цехи появились во Флоренции в середине XII века, когда возникло сообщество купцов (societas mercatorum), управлявшееся тремя консулами и противопоставлявшее себя сообществу воинов (societas militum), объединявшему аристократов и буржуазию*»¹⁹³.

Сообщество торговцев первое время играло скромную политическую роль, но со временем оно набрало экономическую силу и стало важным фактором городской политики.

¹⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., Т. 22. М.: Политиздат, 1967. С. 382.

¹⁹² От итал. *gonfaloniere* – «знаменосец».

¹⁹³ Пьер Антонетти. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004.

Это сообщество и образовало самый знаменитый флорентийский цех Калимала, получивший название от улочки в центре города, где были сосредоточены сукновальные мастерские и лавки. Флорентийцы покупали на шампанских ярмарках грубые сукна и подвергали их обработке, техника которой хранилась в секрете. Сукно становилось тоньше, легче, воздушнее. Его красили в синий цвет вайдой, в красный – кермесом и мареной, в ярко-пурпурный – настоем лишайника на моче. Цех, к которому принадлежал Джованни Виллани, – Калимала – объединил тех, кто специализировался на ввозе, тонкой переработке, отделке и окраски сукон из Фландрии и Франции.

Вслед за Калимала образовались и другие т.н. «старшие» цехи: Камбио (меняла), Пор Санта-Мария (ввоз сукна и шелка), Дана (переработка шерсти), Мерчаи (галантерейщики). Консулы этих цехов сначала входили в Совет подеста, а после принятия в 1293 г. «Установлений справедливости» – и в верховный правительственный орган – приорат.

Как типичная средневековая корпорация, флорентийский цех имел статус юридического лица с собственным зданием (совр. офисом), гербом, служащими, финансами, полицией и судом, социальной структурой, представленной иерархией мастеров, подмастерьев и учеников.

Старших цехов сначала было пять, а затем семь: цех судей и нотариусов, Калимала, Лана, Пор Санта-Мария, Камбио, цех врачей и аптекарей, цех скорняков и меховщиков. Пять средних цехов: мясники, трикотажники и чулочники, мастера по обработке металлов, каменщики и плотники, старьевщики и торговцы бельем. Девять младших цехов: виноторговцы, владельцы постоянных дворов, торговцы растительным маслом, сыром и солью, кожевники, изготовители кирас и шпаг, слесари, инструментальщики и жестянщики, дубильщики кож, торговцы лесом, пекари и булочники.¹⁹⁴

Различия между старшими и младшими цехами были общими для идеологических представлений времени позднесредневекового Запада, когда ломалась трёхчленная социальная иерархия Средневековья «те, кто молится; те, кто воюет; те, кто пашет», и начинала выше цениться трудовая деятельность. Однако, как пишет Ле Гофф, *«единство мира труда перед лицом мира молящихся и мира воюющих, если вообще оно когда-либо существовало, сохранялось недолго; произошло расслоение, отделившее верхний слой городского общества — для удобства назовем его буржуазией — от нижних слоев: с одной стороны, крупные торговцы, менялы, богачи, с другой — мелкие ремесленники, подмастерья, бедняки»*¹⁹⁵.

В то же время обратим внимание, что признание первого места среди старших цехов за корпорацией судей и нотариусов говорит нам, что начинается эпоха, в которой интеллектуальный труд будет цениться выше ручной работы. Судей и нотариусов боялись и уважали, ведь они были к тому же представителями аристократии. Их официальные титулы (*messere* или *dominus* у судей, *ser* – у нотариусов), их костюм – пунцового цвета колпак и мантия, отороченная беличьим мехом, – создавали им солидный вид. Престиж «благородных» профессий сказывался и в характерном для их представителей чувстве превосходства, желании сторониться мелких ремесленников и членов цехов физического труда – *arti meccaniche*. Однако экономическая и политическая реальность состояла в том, что в средневековой Флоренции времен Данте и Виллани господствующее положение занимают уже крупные торговцы Калималы и промышленники Ланы.

Цех Калимала настолько значителен для истории не только Флоренции, но даже и всего Запада, что Пьер Антонетти называет его структуру и общественную роль *«моделью иерархии*

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ *Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. Paris, 1977. P. 75* (Цит. по: Пьер Антонетти. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004).

в мире труда»¹⁹⁶. И эта же модель будет во многом воспроизведена в самых влиятельных модных организациях XX в., таких как Федерация Высокой моды. Калимала впервые упомянута в середине XII в. как сообщество торговцев. Ко второй половине XIII в. она достигает огромного экономического, политического и культурного влияния. Стоит упомянуть, что на ее средства и по ее поручению изготавливаются знаменитые двери баптистерия Сан Джованни авторства Антонио Пизани, а за их постройкой наблюдает от имени цеха Джованни Виллани. По заказу Калималы над перестройкой церкви св. Репараты работает и великий Джотто ди Бондоне (1266—1337). И за его работой по поручению цеха также следит наш герой, который напишет затем об основоположнике эпохи Проторенессанса в своей «Новой хронике» Флоренции (кн. XI, гл. 9). То есть, в общем, классический человек позднего Средневековья Виллани на практике мало отличался от великих людей Возрождения в совершенно фантастическом для нашей современности многообразии своих занятий: от торговли тканями и банковской деятельности – до занятия историей и покровительства искусствам. И ведь он – простой горожанин, член цеха торговцев, находящийся на выборной должности, а не баснословно богатый и влиятельный герцог Флорентийский XVI века из семейства Медичи.

Калимала – это не просто цех, а мощная корпорация, имевшая влияние и во всей Италии, и за ее пределами. В середине XIII в. она объединяет в своем составе 80 могущественных семей, вершивших судьбу Флоренции на протяжении столетий¹⁹⁷. Она управлялась четырьмя консулами и двумя советами: узкий состоял из 12 человек, а широкий – из 40. Она содержала на членские взносы собственных служащих: камерария, казначея, бухгалтера, синдика, прокурора, нотариусов и несколько комиссий, чьей заботой было охранять деловую репутацию корпорации и обеспечивать качество продукции, выходившей с ее товарным знаком. Корпорация стояла на страже своих интересов, особенно перед лицом острой конкуренции с шелковым цехом Пор Санта-Мария. Цеховая солидарность, защита попавших в беду членов, особенно за границей, борьба против незаконной или ночной работы – всё это были приоритеты Калималы. Цех обладал особыми юридическими привилегиями (например, ни один из его членов не мог быть арестован во время или после окончания торговли на рынке) и даже имел собственную меру длины – окованную железом палку, считавшуюся эталоном длины, которому должны были соответствовать все другие меры.

Калимала действовала в трёх основных сферах: крупная международная торговля, производство и банковское дело. Но, прежде всего, это была основа основ европейского капитализма – текстиль. Как я уже отмечала, цех сделал свой капитал на ввозе и переработке фландрских, голландских и брабантских сукон, которые он покупал на ярмарках в Шампани. Уже обработанные сукна более высокого качества экспортировались по всему Западу и на Восток, где их обменивали на пряности и красители для тканей. Но Калимала не ограничивалась только торговлей сукнами, она торговала всем, что могло принести ей прибыль: товарами роскоши, пряностями, благовониями, тканями, драгоценностями.

Банковской деятельностью цех занялся далеко не сразу, но она имела тенденцию к постоянному росту. Финансовый успех флорентийских компаний отчасти был связан с политической конъюнктурой. Когда в 1266 г. победили сторонники папы, гвельфы, противники императора стали брать займы у флорентийцев. Карл Анжуйский, брат Людовика Святого, именно к Флоренции обратился за финансовой поддержкой, чтобы завладеть Неаполем и Сицилией, отвоевав их у потомков императора Фридриха II. Флорентийские купцы сумели воспользоваться и крупными банкротствами конкурентов из соседних городов – Сиены, Лукки и Пистойи, – которые в конце XIII в. следовали одно за другим. Начав с ростовщичества,

¹⁹⁶ Пьер Антонетти. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 33.

¹⁹⁷ Аччайюоли, Адимари, Альберти, Амидеи, Альбицци, Антинори, Барди, Каппони, Черки, Кавальканти, Черретани, Даванцати, Фрескобальди, Джанфиляцци, Моцци, Пацци, Перуцци, Портинари, Пуччи, Ридольфи, Риччи, Скали, Содерини, Строцци, Спино, Торнабуони, Тосинги, Убальдини, Валори, Веттори и, собственно, семья нашего героя Виллани.

Калимала, пренебрегая запретом Церкви, постепенно переходит к ссудным операциям и через несколько десятилетий становится одной из крупнейших банковских организаций Италии.

После падения в 1326 г. одного из членов цеха Калимала, банкирского дома Скали, семьи Барди, Перуцци и Аччайуоли решили не отбивать друг у друга рынки сбыта и действовать солидарно, что завоевало доверие мелких вкладчиков. Компании брали на хранение их сбережения и пускали во внешнеторговый оборот, обходя церковный запрет на взимание процента при помощи иностранных займов и меняльных операций. Доходность таких операций доходила до 6—10%. Для сравнения, недвижимост, классический доход старой аристократии, тогда приносила не более 5%. Компаньоны, участвовавшие в капитале банкирских домов, получали иногда просто колоссальные дивиденды: Перуцци в 1300—1324 гг. – 15—40%, компаньоны Альберта в 1322—1329 гг. – от 12 до 16,5%, а компаньоны Строцци в 1330—1340 гг. – от 300 до 1000%.

Такие огромные прибыли объясняют строительный бум во Флоренции в XIV в.: было возведено множество дворцов, монастырей, капелл, расписанных знаменитыми мастерами, в том числе великим Джотто, создавшим фрески капелл Барди и Перуцци во францисканской церкви Санта-Кроче.

А что же происходит с костюмом и модой на фоне такого явного подъема благосостояния города? Во-первых, вот первое наблюдение, которое не очень вяжется с обычными представлениями об итальянцах той эпохи как первых в моде. Читая описание повседневной жизни Флоренции, в том числе богатых жилищ и дворцов, у Пьера Антонетти, мы постоянно обнаруживаем «французский след» практически в любых модных инновациях, особенно в том, что касается текстильного оформления или вещей, связанных с одеждой и гардеробом:

«На стенах — ковры, гобелены, обивка, иногда картины с благочестивыми сюжетами; сиденья покрыты мехами или тканями ярких расцветок, часто привезенными из Франции. Пол устлан тростниковыми циновками (как в некоторых из дворцов, где разворачивается действие „Декамерона“), привезенными из Франции коврами или мехами».

И далее: *«Кровать стоит на некотором возвышении в окружении сундуков для белья, составляющих единое целое с ее корпусом, над кроватью нависает матерчатый балдахин. В изголовье уже упоминавшийся ковер (carpoletto), обычно из дорогой ткани (шелка или французской саржи), богато украшенный вышивкой или рисунками. На стенах обивка, ковры, гобелены, картины благочестивого содержания. Именно в этой комнате ощущается забота о красоте — мебель с зеркалами в изысканных рамах, ручные зеркальца в инкрустированной оправе из слоновой кости. Здесь и там корзины для хранения одежды, сундук с тяжелой металлической оковкой для особенно ценных вещей и семейного архива, шкаф для одежды или оружия (французское слово „armoire“, шкаф, первоначально означало место, где держали оружие, armes), который могли располагать в толще стены и просто задергивать занавеской... Наконец, в комнатах богатей можно было увидеть гребенки из слоновой кости, привезенные из Франции или изготовленные в Италии, иногда украшенные сценами из Священной истории или рыцарских романов, по моде, пришедшей из той же Франции»¹⁹⁸.*

Современник Виллани, белый гвельф, изгнанник Данте Алигьери, предаваясь воспоминаниям о простых нравах древней Флоренции, пишет, как одевались флорентийцы до середины XIII в., ознаменовавшегося значительным переворотом в обычаях:

*Флоренция, меж древних стен, бессменно
Ей подающих время терц и нон,
Жила спокойно, скромно и смиренно.*

¹⁹⁸ Пьер Антонетти. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 40.

*Не знала ни цепочек, ни корон,
Ни юбок с вышивкой, и поясочки
Не затмевали тех, кто обряжен...*

*На Беллинчоне Берти пояс был
Ременный с костью...
На Нерли и на Веккьо красовалась
Простая кожа, без затей гола...¹⁹⁹*

Внешняя простота и чистота соответствовала в сознании средневекового католика образу чистоты внутренней.

Джованни Виллани вторит Данте:

«Во времена Первой народной конституции (1250 г.) и еще долгое время спустя граждане Флоренции, мужчины и женщины, одевались в грубый драп и носили кожаную одежду, не подбитую мехом, надевая на голову простой колпак, а на ноги — сандалии. И женщины носили простую, лишенную украшений обувь; наиболее обеспеченные из них надевали очень узкие юбки из плотного драпа ярко-красного цвета с поясом на старинный манер, мантию, подбитую белым мехом, с капюшоном на голове; женщины победнее довольствовались грубым зеленым драпом из Камбрэ»²⁰⁰.

То есть даже в XIII в. флорентийские дамы одеты всё еще довольно скромно, совершенно по-средневековому.

Мужская одежда времен Данте представляет всё те же базовые элементы гардероба, известные человечеству с незапамятных времен. Перемены коснулись материалов, из которых они шились, — они стали более роскошными.

Флорентийские мужчины носили длинную, доходящую до лодыжек, свободно ниспадающую или перетянутую поясом рубашку (*gonnella*) с узкими рукавами. На нее надевали кафтан с широкими рукавами (*guarnacca*, *guataccia* или *gamurra*), летом — шелковый, зимой — шерстяной, иногда подбитый мехом. Поверх рубашки или даже кафтана носили особенное, с остроконечным капюшоном, флорентийское «мантио», простое или на меху (*lucio*). Бедняки довольствовались грубой тканью, богачи использовали тонкие сукна ярких расцветок, пестрые и полосатые. Цвет их служил внешним признаком социального и профессионального статуса. Судьи и нотариусы носили красный драп, рыцари — пунцовый, иногда подбитый белым мехом.

Бедных горожан также легко было узнать по непокрытой голове. Обеспеченные же горожане и знать носили ставший впоследствии знаменитым символом свободы времен Великой французской революции «фригийский колпак», верхушка которого свешивалась набок, или шаперон²⁰¹, который вначале представлял собой капюшон с длинным шлыком, а затем превратился в пышное и достаточно дорогое сооружение, напоминающее тюрбан, дополнительно украшавшийся фестонами. В ренессансную эпоху шлык шаперона почти касался земли.

¹⁹⁹ Данте Алигьери. Рай, XV / Перевод М. Лозинского. С. 97—116.

²⁰⁰ Пьер Антонетти. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 41—42.

²⁰¹ Шаперон характерен для картин итальянского Ренессанса и нидерландских портретов. Их любил изображать раннего итальянского Возрождения флорентийской школы Паоло Учелло, интересовавшийся вопросом графической перспективы. По его мнению, сама форма шаперона помогала зрителю почувствовать глубину пространства картины. Также в итальянском искусстве шапероны часто появляются в сценах Рождества Христова, потому что, как считается, дата этого события пришлась на зиму — время года, когда ношение теплого шерстяного шаперона было обычным. В шапероне часто изображался Святой Иосиф и волхвы, поклоняющиеся новорожденному Христу.

Еще одним типичным признаком средневекового костюма, как мы помним, было отсутствие существенных отличий между мужской и женской одеждой. Это были те же базовые предметы, только чуть модифицированные. Дамы носили нечто вроде юбки (*sottana, socca*), доходившей до пят. Сверху надевали длинное, в пол, цельношитое или застегивавшееся спереди платье-рубашку (*gonnella, gamurra*), в меру декольтированное, шелковое летом и шерстяное зимой. Флорентийки носили кафтан (*guarnacca, guarnaccia*), подобный мужскому, но только подогнанный по фигуре, в зависимости от погоды – без рукавов или на меху. В холода носили подбитое мехом манто (*mantello*).

Пока еще никаких нововведений в фасоне костюма не придумано, более живописными становятся детали женского наряда. Во-первых, это декольте, глубокое настолько, что, по утверждению Данте, обнажало грудь. Но действительно новой деталью и экстравагантным акцентом образа были головные уборы. Женщины из бедных семей довольствовались простыми накрахмаленными полотняными повязками, белыми у замужних и черными у вдов. Зажиточные горожанки носили пышные тюрбаны, или высокие остроконечные шляпы (*infule*), украшенные длинной шелковой вуалью.

Особым шиком считались шлейфы (*strascico*) манто, длину которых безуспешно пытались ограничить специальным законом против роскоши, и настолько высокие каблуки, что женщины на них выглядели словно взобравшимися на ходули.

Данте прославляет женщин «старого доброго времени», не знавших румян, а тем временем его современницы уже пользуются макияжем. Судя по «Декамерону» Боккаччо, субботу, – возможно, под влиянием иудейского шаббата, – целиком посвящали уходу за телом и еженедельному отдыху, мыли волосы и расчесывали их тонкими гребнями слоновой кости, привезенными из Франции. Волосам старались придать модный светло-золотистый цвет, для чего их часами держали на солнце, надев на голову широкополую соломенную шляпу с удаленной тульей. Каноны красоты, столь ярко переданные позднее (ок. 1520) Сандро Боттичелли в портрете возлюбленной Джулиано Медичи Симонетты Веспуччи, диктовали иметь высокий лоб, тонкие, высокие и выгнутые углом брови, белоснежную кожу и уложенные на макушке пирамидой волосы, для поддержки и украшения которых использовали специальную сетку и накладные волосы со светлой косой.

Флорентийский поэт XV в. Анджеоло Полициано воспел красоту и грацию Симонетты Веспуччи такими строками:

*Она бела и в белое одета;
Убор на ней цветами и травой
Расписан; кудри золотого цвета
Чело венчают робкою волной.
Улыбка леса – добрая примета:
Никто, ничто ей не грозит бедой.
В ней кротость величавая царицы,
Но гром затихнет, вскинь она ресницы.*

Однако эти строки можно считать собирательным образом канонической флорентийской красавицы, сформировавшимся задолго до XV в.

Несмотря на принятие многочисленных сумптуариев против роскоши, никакая состоятельная флорентийка не обходилась без разнообразных драгоценностей и украшений – диадем, браслетов, колец – все тонкой и изысканной работы флорентийских золотых дел мастеров. Попытки обуздать любителей роскоши с помощью сумптуарных законов были тщетны. В 1330 г. ввели должность муниципального чиновника, в сопровождении нотариуса, ходившего по улицам в поисках нарушителей-расточителей. Но находчивости флорентийцев, дурачив-

ших муниципала, не было предела. Франко Саккетти (1332—1400) – представитель старинной купеческой семьи Флоренции, политик, посол Флоренции в Болонье и Милане, подеста в разных городах и знаменитый новеллист – оставил нам весьма забавные истории о неприятностях, постигавших усердного исполнителя постановлений. Этот облеченный властью и влиянием человек написал рассказ²⁰² о чиновнике, которого обводили вокруг пальца флорентийские дамы, не согласные с ограничениями сумапуариев, накладываемыми на их костюмы, например на ношение горностая, положенного только нотариусам.

Но в целом средневековая коммуна удовлетворялась штрафами в свою пользу за нарушение законов ее членами, и эти штрафы выступали способом восстановления справедливости. Законодательство отражало желание найти консенсус внутри самого общества по вопросу о богатстве и роскошном образе жизни, однако это не стоит принимать за реальную борьбу с богатством и более справедливое распределение. Наказанием за злоупотребления выступал своеобразный налог на роскошь как выплата компенсации общине, однако перераспределение благ здесь было довольно условным, т.к. общественной казной распоряжалась всё та же элита коммуны, которая сама и нарушала сумапуарные запреты. Порой обвинения в злоупотреблении роскошью могли быть использованы в процессе соперничества, борьбы за власть в городе и направлены одной частью элиты против другой, одной из знатных и богатых семей против другой. Борьба с роскошью могла сплачивать социум, а могла ограничивать его возможности развивать собственную независимость и идентичность.

В 40-х гг. XIV в. происходит еще один переворот в бытовой жизни флорентийской общины. Виллани соотносит эти перемены с дурным влиянием своего политического оппонента Готье де Бриенна, герцога Афинского, приглашенного править Флоренцией в 1342 г. и принесшего с собой французские обычаи и моду. При нём простота сменяется еще более вычурными французскими модами. Трудно сказать, мог ли герцог Афинский за год своего правления столь существенно повлиять на флорентийцев, но Виллани знал Францию и Фландрию довольно неплохо, чтобы судить, т.к. жил там в 1303—1304 гг.

Итак, судя по оставленным современниками свидетельствам, костюм конца Средневековья пока не поменялся структурно, но стал гораздо более роскошным, по крайней мере у верхушки общества. Основой этих перемен стало растущее богатство немногих избранных и начало процесса индивидуализации в обществе²⁰³. Итальянский банковский капитал – одна из основ этих существенных перемен в экономике и бытовых устоях общества. Банкирские дома Калималы, чей размах деятельности поражает, дают ссуды римским папам, получив от них на откуп сбор десятины по всей Европе; кредитуют светских властителей, в том числе королей Неаполя и обеих Сицилий, из владений которых экспортируют зерно и даже рабов; осваивают железорудные и соляные копи. Позже они начинают проводить операции по страхованию купеческих грузов и морской торговли.

И тем не менее Джованни Виллани, будучи членом банковских домов Перуцци и Буонаккорси и даже консулом всего цеха Калимала, в своих оценках роскоши как излишнего и постыдного, остается еще сыном Средневековья. Для Виллани важна его репутация флорентийского патриота, гвельфа, доброго католика, честного купца и приверженца умеренно-демократического правления зажиточных горожан, сторонника мирного решения общественных вопросов. И хотя его вторая супруга Монад деи Пацци в 1327 г. была уличена в нарушении законов против роскоши, он не защищает ее, а напротив, сокрушается в гл. 11, кн. X, что «*неумеренные желания женщин берут верх над мужским здравомыслием*». Как бы это ни звучало, но типичный уважаемый банкир и купец конца Средневековья Джованни Виллани, даже

²⁰² Sacchetti F. Il Trecento novelle. №137 (Цит. по: Пьер Антонетти, Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004).

²⁰³ О процессе индивидуализации см.: Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М.: ИИЦ «Праксис», 2017.

баснословно богатый, был человеком скромным, не склонным к расточительству и показной роскоши.

Опьяненные успехом, банкиры некоторых домов перестали быть осмотрительными в размещении капиталов. Была ли причина в том, что, поддавшись на уговоры царствующих особ, они стали выдавать им рискованные займы, от которых ожидалось небывалые доходы: чистая прибыль до 33,3%, экспортные лицензии, освобождение от пошлин, в частности на английскую шерсть и сицилийскую пшеницу?

Каковы бы ни были истинные причины, компании обанкротились: Перуцци и Аччайуоли в 1343 г., Барди – в 1346 г. Банкротство компаний Барди и Буонаккорси привело к заключению престарелого Виллани в тюрьму на некоторое время как одного из главных акционеров. После такого унижения Виллани уже не смог заниматься политикой. К тому же он находился в оппозиции к новым правителям Флоренции. Под влиянием личных и политических неудач Виллани включил в свою Хронику предсказание, что Флоренция падет, как пал в свое время Рим. Умер Джованни Виллани скоропостижно во время эпидемии чумы в середине 1348 г. и был похоронен в монастыре Св. Аннунциаты. В рукописи (гл. 84 кн. XII) Хроники после слов «Чума продлилась до...» наш герой так и не проставил дату.

Да и во всех делах Флоренции наступил некоторый застой, связанный не только с разорением многих компаний, но и со страшной, свирепствовавшей по всей Европе, эпидемией чумы 1348—1350 гг., которая выкосила более двух третей населения. В городе, насчитывавшем когда-то 120 тыс. жителей, умерло больше 80 тыс. И всё же финансовый спрут Калималы, имея представительства в Брюсселе, Ипре, Дуэ, Шампани, в Центральной Европе, оставался одним из столпов экономического могущества Флоренции. Позже Калимала постепенно начнет сдавать позиции и уступит пальму первенства другому цеху – Лане. Лана начинала с производства простой шерстяной одежды для своего рынка, однако применение технологических новшеств позволило ей производить высококачественные ткани из привозной шерсти, благодаря чему она разбогатела. Лана занялась и широкой торговой деятельностью, вступив в прямую конкурентную схватку с Калималой. В середине XIV в., когда Лана, по мнению некоторых историков²⁰⁴, уже клонится к упадку, она всё еще производит до 10% объема всех сукон в Западной Европе.

Дела вновь оживятся благодаря новым компаниям, которые основали купцы кланов Альберта, Альбицци, Риччи, Строцци, Содерини, а также и главным героям уже новой ренессансной эпохи – клану Медичи. В отличие от своих предшественников, они уже не желали объединяться, а, наоборот, уничтожали друг друга всеми доступными средствами.

Около 1370 г. во Флоренции насчитывалось 150—200 семейных кланов, члены которых занимались коммерцией, что сравнимо по масштабам с Венецией. Через полвека, во время первого финансового ценза 1427 г., на общую, очень небольшую численность жителей в 37 тыс. приходилось 100 семейств, т.е. около 1,5 тысяч активных коммерсантов, 4% горожан, которые владели более чем четвертью городского состояния, или шестой частью богатства всей Тосканы. Таким образом, возник класс очень состоятельных людей, который обрушит существовавший до этого социальный статус-кво и приведет республику к тирании. Но это уже рассказ об эпохе Ренессанса, о котором речь пойдет в следующей главе.

Итак, одежда, которая на протяжении Средневековья была весьма скромной, ограниченной в средствах выражения и не всегда точно указывала социальный статус человека, к XIII в. начинает отражать изменения в стиле и образе жизни человека Запада. Ранее носить не ту одежду, которая подобала человеку по статусу, означало совершать грех гордыни или падения: если некто не одевается как король, значит, не ведет себя как король, и это моральная слабость. Таков был принцип. Но это не означало, что король Средневековья, как и всё рыцар-

²⁰⁴ См.: *Пьер Аитонетти. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте*. М.: Молодая гвардия, 2004.

ское сословие, одевался неизмеримо богаче прочих. Один из героев нашего повествования – король Франции Людовик Святой – даже и в XIII в., следуя важнейшим для общества религиозным идеалам, требовал от приближенных избегать как роскоши, так и излишней простоты в костюме. Приведем классическую историю из Жуанвиля о том, как он бранился с мэтром Робером де Сорбоном в присутствии короля:

«Вы, конечно, достойны порицания, потому что одеты более изысканно, чем король. Вы надеваете беличий мех, носите красный и зеленые цвета, чего не делает король». – «Мэтр Робер, с вашего позволения, не стоит меня порицать за то, что я одеваюсь в ярко-красные одежды, украшенные мехом, ибо эти одежды достались мне от моего отца и матери. Это вас следует порицать, ибо вы сын крестьянина и крестьянки, а носите более богатую ткань, чем я». Вердикт короля был: «Вы должны одеваться хорошо и чисто, и тогда ваши жены будут сильнее любить вас, а ваши люди больше вас уважать. Одеваться и снаряжаться нужно так, чтобы честные люди не обвинили вас в излишествах, а молодежь — в бедности»²⁰⁵.

Мы увидим, каким контрастом будет выглядеть отношение к одежде потомка его шестого сына, Людовика XIV из династии Бурбонов, правившего Францией через четыре столетия.

²⁰⁵ Цит. по: Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.